ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 42-й

№ 13 (4299)

24 марта 1971 г. СРЕДА

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

22 марта 1971 года состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум рассмотрел отчет Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. С докладом по этому вопросу на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. БРЕЖНЕВ Л. И.

Пленум единогласно утвердил Отчетный доклад Центрального Комитета XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум рассмотрел также проект доклада «О Директивах XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы». С докладом по этому вопросу выступил Председатель Совета Министров СССР тов. КОСЫГИН А. Н.

Пленум единогласно утвердил доклад «О Директивах XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы».

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

ОБ ОТЧЕТЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС XXIV СЪЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС ОТ 22 МАРТА 1971 ГОДА

Отчет Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза утвердить.

О ДОКЛАДЕ XXIV СЪЕЗДУ КПСС «О ДИРЕКТИВАХ XXIV СЪЕЗДА КПСС ПО ДЕВЯТОМУ ПЯТИЛЕТНЕМУ ПЛАНУ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР НА 1971—1975 ГОДЫ»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС ОТ 22 МАРТА 1971 ГОДА

Утвердить доклад XXIV съезду КПСС «О Директивах XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы».

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ КПСС

22 марта 1971 года состоялось заседание Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, на котором был утвержден Отчетный доклад комиссии XXIV съезду КПСС.

СЛОВО О ПАРТИИ

Он двигает — хозяин-великан — трехтонный молот и прокатный стан. И горе тем, которые превут его дела, его железный труд.
Ярослав СМЕЛЯКОВ

Фото С. КОСЫРЕВА

ПИСАТЕЛИ—ДЕЛЕГАТЫ XXIV СЪЕЗДА КПСС

Корреспонденты «Литературной газеты» сообщили, что на съездах компартий союзных республик, краевых и областных партконференциях в числе делегатов на XXIV съезд КПСС избраны писатели:

Г. Абашидзе, Ч. Айтматов, М. Алексеев, А. Алимжанов, А. Беляускас, В. Безкман, Р. Гамзатов, С. Герасимов, О. Гончар, Н. Грибачев, С. Данилов, М. Ибрагимов, Б. Истру, М. Карим, В. Кожевников, В. Козаченко, А. Корнейчук, В. Кочетов, Г. Марков, С. Михалков, С. Наровчатов, Н. Сизов, К. Симонов, А. Софронов, А. Сурков, М. Танк, Э. Топчян, М. Турсун-заде, А. Чаковский, О. Шестинский, М. Шолохов, К. Яшен.

Уже не однажды в истории новые типы машин резко повышали эффективность труда человека. Сейчас использование электронно-вычислительных машин открывает поистине невиданные возможности.

Директор Вычислительного центра Сибирского отделения Академии наук СССР академик Г. МАРЧУК размышляет о том, как повысить темпы научно-технического прогресса с помощью ЭВМ.

стр. 10

Пшеница зреет зимой. Шесть урожаев в год собирают красноярские биофизики в своих необычных теплицах...

Сельское хозяйство — только одна из сфер приложения научного открытия, сделанного советскими учеными.

Репортаж о лампе, соперничающей с солнцем.

стр. 11

МАРСЕЛЬ КОРНЮ: Зияющий разрыв между общим архитектурным убожеством и блеском отдельных сооружений поражает. В количественном отношении невзрачность во все времена брала верх. Лачуги окружали дворцы. И на каждый собор приходились тысячи хибар. XX век не принес изменений.

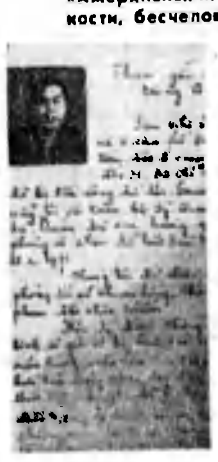
А. В. ИКОННИКОВ: «...Дворцы и хижины» не архитектурная, а социальная проблема. Главной темой творчества в советской архитектуре, в принципе отвергающей зодчество «дворцов и хижин», является не отдельное сооружение. Единственным верным путем развития архитектуры для нас является тот, который обеспечивает решение эстетических задач в современных масштабах массового строительства.

Полемика между советским зодчим и французскими публицистами —

стр. 12

США, по признанию самих американцев, — смертельно больное общество. «Американский образ жизни» стал синонимом социальной несправедливости, жестокости, бесчеловечности.

АГРЕССИЯ



«После того как батальоны №№ 3 и 5 моей бригады были разгромлены в Чани и на высоте 31, я и весь штаб моей бригады сдались в плен Армии освобождения Лаоса.

...Мы были направлены на этот кровавый фронт ради корыстной цели янки. Я надеюсь, что мои боевые друзья скоро поймут эту правду. Не медлите, действуйте своевременно, чтобы и вам не умереть бессмысленной смертью...

Полковник НГУЕН ВАН ТХО»

Это отрывок из письма пленного южновьетнамского полковника, напечатанного в специальной листовке (см. фото) лаосских патриотов.

Статью писателя А. Николаева, посвященную прошедшей в СССР Неделе солидарности с борьбой вьетнамского народа против агрессии США,

см. стр. 9

ПРЕСТУПНОСТЬ

«Запах смерти стелется по городу» — это признание буржуазного американского обозревателя Стюарта Олсопа могло бы стать эпиграфом к еще одной стороне «американского образа жизни», в которой насилие и убийство стали обыденностью.

Репортажи наших корреспондентов Г. Боровика и В. Ломейко

стр. 14

РАЗЛОЖЕНИЕ

Человеконенавистничество, жестокость, секс — вот «идеалы» общества без идеалов. Не случайно его кумиром сегодня стал скандально известный писатель Генри Миллер.

Статью А. Чернышева и В. Пронина «Генри Миллер — растлитель душ»

см. стр. 15

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ВЕКСЕЛЬ
ЕНАКИЕВСКИХ МЕТАЛЛУРГОВ XXIV СЪЕЗДУ КПСС

Когда я прочел в «Литературной газете» первую подборку под заголовком «Документы. Люди. Время», я подумал, что, вероятно, в предсъездовские дни редакция получит немало интереснейших откликов от своих читателей. Так оно и произошло: на газетную полосу легли письма и фотографии из Москвы, Донбасса...

Документы, быть может, и не столь уникальные, чтобы стать экспонатами музеев или войти в материалы центральных архивов, они вместе с тем представляют немалую ценность для всех нас, ибо каждый из них хранит в себе отсвет эпохи великих свершений и побед.

Представляли ли себе рабочие «Югостали», выдавшие вождю революции «вексель» на выплавку 160 тысяч тонн так необходимого стране металла, что их младшие братья и сыновья, вспомнив славный почин, выдадут XXIV съезду партии другой «вексель», обязуясь дать Родине в девятой пятилетке лишь СВЕРХ ПЛАНА на одном Енакиевском заводе около ста тысяч тонн чугуна, стали, проката!..

И мне как бывшему донбассовцу, проработавшему полтора десятка лет на Макеевском и Енакиевском заводах, особенно радостно было прочитать об успехах моих земляков на металлургическом фронте.

Время позволяет нам взглянуть на былое умудренными опытом глазами, и тогда в общей его перспективе видится вдруг то, чего не мог разглядеть еще вчера.

В документах, которые читатель найдет на газетной полосе, как бы протягивается незримая нить между славными свершениями прошлого, делами сегодняшними и тем, чем живет сейчас вся страна, — приближающимся XXIV съездом партии.

Владимир ПОПОВ

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ
СЕРДЦЕ ЭПОХИ

У каждого времени — свои памятники. Я видел пирамиды Египта и Мексики, видел Тадж-Махал. Они поражают воображение не только красотой и величием, но и заставляют думать о силе творческого гения человека, даже подневольного. Ведь пирамиды и Тадж-Махал — памятники десяткам тысяч рабов, которые за тысячелетие до нашей эры и уже в совсем недавнем XVIII веке гибли в знойных песках Сахары и в Индии, чтобы возвести усыпальницы своим угнетателям.

Я знаю другие памятники — памятники нашей эпохи: заводы и гидроэлектростанции, бескрайние плодородные поля и каналы, проведенные в безводную пустыню. Это партия, созданная великим Лениным, строит невиданный прежде памятник — величественное здание коммунистического общества. Каждый выполненный нами пятилетний план — целый блок в фундаменте этого здания, каждый партийный съезд — яркая веха на пути в завтрашний день. Я бы назвал партийные съезды — съезды зодчих Грядущего...

А здесь, где Вахш бурлит,
Не мертвым памятники,
а живым.
А здесь, где Вахша
не смолкают воды,
Живую жизнь начнут
творить заводы.

Давно ли написаны эти строки? Давно ли сооружение Нурекской гидроэлектростанции было лишь мечтой? И вот уже в проекте Директив XXIV съезда мы читаем о завершении гигантской стройки. Всего одна строка, а сколько за ней прекрасных судеб и побед!

Когда Нурекская ГЭС была еще только проектом, когда мы с Боки Рахим-заде работали над поэмой «Путь солнечного луча», я опубликовал в «Правде» статью о будущей стройке. Я сравнил море света, которое отсюда польется в страну с древним названием Норак. В переводе это означает «и адский огонь». Старожилы утверждают, что даже птица в летнюю пору не могла перелететь ущелье: она падала замертво на землю от жары. Я рассказал о будущей плотине, самой высокой в мире, и о тоннелях, по которым помчится укрощенный Вахш.

Эта статья вызвала целый поток писем. Мне писали вчерашние школьники, просили сообщить, как им попасть на стройку. Писали инженеры, они в тонкостях обсуждали проект гидроэлектростанции. Несколько писем мне запомнились особо. Они пришли от ветеранов борьбы с басмачеством, кто в Пулисангинском ущелье, там, где ныне вырастает плотина, бился с бандами Энвера-паши. Эти письма напомнили нам, какой ценой досталось наше радостное сегодня. Читая их, я представлял себе долгий и многотрудный путь, пройденный Родиной, путь борьбы, горестных утрат и окрыляющих побед. К нашей стране прикованы взоры всего прогрессивного человечества — взоры, полные надежд, доброжелательства и большого человеческого интереса, как смотрят вслед впереди идущему.

В прошлом году в гостинице под Дели Кришан Чандар встречался с советскими писателями. Меня попросили прочитать новые стихи. Индийцам, когда они слушают таджикские стихи, переводчик не нужен. Потом разговор зашел о путях развития поэзии. И тут меня озадачил своим вопросом поэт Маджрух. Ему доводилось бывать в нашей стране. Он искренне восхищен успехами Советского Союза. И вот Маджрух недоумевает: в Душанбе он слушал молодого поэта и в его строках гостю послышались пессимистические нотки.

Признаюсь, поначалу я пустился в объяснения общего порядка, что, дескать, ничто человеческое поэту не чуждо, что там, где смех, там и слезы. Но потом выяснилось: за пессимистические стихи Маджрух принял строки, посвященные молодым таджикским поэтом своему брату, погибшему на полях Украины в боях за Отчизну.

И тогда я рассказал нашим гостеприимным хозяевам, что в нашей стране нет семьи, не отдавшей на алтарь Отечества отца, брата или сына. Рассказал о письмах тех, кто сражался с бандами басмачей, о поселке, давшем имя гигантской электростанции...

В том-то и сила нашей партии, что, преодолевая все трудности и невзгоды, она ведет советский народ от победы к победе.

Леонид Ильич Брежнев говорил: «Мы живем в век исключительно быстрого развития. Нарастают темпы, увеличиваются масштабы коммунистического строительства. Повышается роль науки, марксистско-ленинской теории. Растет международная роль и интернациональная ответственность Советского государства. Все это приводит к возрастанию значения Коммунистической партии как руководящей силы советского общества».

Мы, коммунисты, бойцы ленинской партии, строим будущее для всего человечества. Стройка наша беспредельна, как беспредельна человеческая мечта о счастье.

Сергей НАРОВЧАТОВ
ЕДИНСТВО

Партия объединяет главные жизненные понятия — Родину, народ, творчество, — без которых я не мог бы существовать. Естественно вспомнить их взаимосвязь, оглянувшись на свой путь, не отличимый в главных чертах от пути сверстников.

Партия и Родина! Далекий осенний день на Орловщине, клочок земли с почерневшей от минной гари травой, и ты на этом клочке с трехлинейкой в руках. Перед тобой — фашистские цепи, позади — вся страна, а рядом — политрук, вопреки приказу не споровший красных звезд с рукавов шинели. В том политруке для тебя сегодня — вся партия, и она говорит его словами: «Ни шагу назад! За нами — Родина...»

И вот клочок земли под тобой приобретал очертания всей твоей родной страны; искалеченные осколками кусты вырастали в непроходимые леса, желтый ручей под ними начинал шуметь Доном и Волгой, избы на ближнем косогоре походили на стены Москвы и Ленинграда.

Ты выстоял в бою, и меньше чем через четыре года на разбитом рейхстаге скрепил победу нашей Родины над фашистской Германией. «Да здравствует коммунизм!» — гласила надпись, и я прочел ее собственными глазами и сам расписался под ней.

Партия и народ! С первых ранних лет, когда ты узнавал на пионерских сборах о стройках первой пятилетки, тебя охватывало ощущение полного единства народа и партии. Это единство было в общем порыве, с которым поднимались леса Днепростроев и Магнитостроев, в громогласных лозунгах: «Даешь Кузбасс!» и «Турксиб — до срока!», реявших над первомайскими колоннами, в которых шагал и ты вместе со взрослыми. Леса новостроек вздымались по воле партии, лозунги были партийными, но миллионы шли на стройки и миллионы подхватывали лозунги: народ и партия становились едиными в великом трудовом подвиге.

В годы Великой Отечественной войны слитность народа и партии обеспечила нашу победу, а в послевоенные годы невиданный размах коммунистического строительства стал возможен только благодаря их единству.

Партия и творчество! Великая творческая сила движет вперед советское общество. Эта сила воплощена в Коммунистической партии Советского Союза. Созидательный гений Ленина осветил наш путь к вершине человеческих надежд и устремлений — коммунизму. Труд в нашей стране стал творческим, и литература восприняла творческое горение народа. Неизмеримо выросла ответственность писателя — считаться творцом среди творцов почетно, но трудно. Партия устами великого вождя подчеркнула эту ответственность: «Талант — редкость». И тот, кто наделен этим редким качеством, должен отдать его на партийное благо, неразрывное с благом народа и страны.

Несколько дней осталось до XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза. Он наметит новые рубежи великого строительства коммунизма. Творческая сила ленинского учения приведет нашу страну и народ к новым победам.

см. стр. 3

ДОКУМЕНТЫ. ЛЮДИ. ВРЕМЯ

СТР. 2

ДОКУМЕНТЫ. ЛЮДИ. ВРЕМЯ

МЫ ПУБЛИКУЕМ СЕГОДНЯ НЕСКОЛЬКО ПИСЕМ — ИЗ ТЕХ, ЧТО ПРИНЕСЛА В РЕДАКЦИЮ ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ПОЧТА.

АВТОРЫ ПРИСЛАННЫХ ДОКУМЕНТОВ И ФОТОГРАФИЙ С ПОЛНЫМ ОСНОВАНИЕМ ВИДЯТ В НИХ ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СУЩЕСТВЕННЫХ ЧЕРТ НАШЕГО СОВЕТСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ.

ГЛАВНЫЙ КОРИДОР

Вот уж почти сорок лет я каждое утро переступаю порог проходной 1-го Государственного подшипникового завода. И всякий раз, чтобы попасть в свой цех, мне, как и тысячам других рабочих, надо миновать коридор, который у нас давно прозвали «главным». Он тянется на сотни метров вдоль всего завода, и от него, как ветви от ствола, отделяются боковые проходы. Каждый из них ведет в какой-нибудь цех.

Для меня, для всех рабочих, мастеров, инженеров главный коридор — огромный информационный зал, своеобразная газета, где вместо страниц — объявления, из которых мы узнаем все последние заводские новости. Идешь по нему, и невольно твой взор привлекают расклеенные вдоль стен листы ватмана.

По моей просьбе заводской фотограф запечатлел на снимке лишь несколько объявлений. Со своими стихами выступает на литобъединении заводской поэт Михаил Самохин. Когда-то мы вместе с ним пришли на завод, я — учеником, он — слесарем. И я с удовольствием следил за его литературными успехами.

Наладчика Алексея Ивановича Козлова я знаю, конечно, куда меньше, ведь он и моложе значительно. Но творчество его знакомо мне хорошо, да и не только мне. Живописные полотна Козлова экспонировались на выставках в Манеже, в ЦПКиО имени Горького, в Доме работников искусств.

А вот еще одно объявление — о приеме малышей в ясли и детские сады. Казалось бы, велика важность! Но мы, подшипниковцы, хорошо знаем, что за этим объявлением — решенная проблема. Вот уже четыре года, как у нас на заводе, чтобы устроить ребенка в детское учреждение (в них у нас находится более четырех тысяч малышей), не нужно ждать ни одного дня. Приходите, товарищи, места есть.

Еще два объявления. Они висят в любом цехе любого завода. Но я попросил фотографа сфотографировать их тоже, потому что люблю — только у нас на 1-м ГПЗ по путевкам завкома в здравницы Крыма, Минеральных Вод и Подмосковья отправляется ежегодно свыше пяти тысяч человек. Есть и своя собственная база отдыха. А что касается жилья, то только в прошлом году пять домов открыли двери своих квартир для рабочих и служащих нашего 1-го ГПЗ.

Вот, собственно, и все. А ведь это только малая часть всех объявлений, расклеенных на стенах главного коридора!..

С. МИНАЕВ,
Герой Социалистического Труда, бригадир слесарей 1-го ГПЗ

ДВА ДОНЕЦКИХ ВЕКСЕЛЯ

Документы, о которых мы хотим рассказать, названы необычно: «Коммунистический вексель». Вексель — долговой документ, принятый в банковских взаимоотношениях. И вдруг соединены два, казалось бы, несочетаемых слова!..

Первый вексель выдан директором-распорядителем заводов Югостали И. И. Межлауком Владимиру Ильичу Ленину почти полвека назад...

...Страна переживала невиданную разруху. Не было даже бумаги, чтобы напечатать свои, советские фирменные бланки учреждений. Неожиданными кажутся слова, выведенные под грифом капиталистической фирмы: «Русско-Бельгийское металлургическое общество. Главное Управление Петровских заводов и рудников». А дальше идет своеобразный, написанный в характерной для того времени манере текст, — по сути дела, текст первого в мире социалистического обязательства:

«Москва, 7 ноября 1921 г. Вексель на 10 000 000 п. (пудов) черного металла.

С 1-го января 1922 г. по 1 янв. 1923 г. работая на основаниях, изложенных в утвержденном 3 ноября с г президиумом ВСНХ Положении о Югостали, повинен я, по получении определенных Югостали на сей предмет 27 октября с г Президиумом ВСНХ оборотных средств, поставить тов. Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину) через Президиум ВСНХ с Петровских, Макеевских и Юзовских заводов Югостали 6 000 000 п. чугуна и 4 000 000 п. катанного металла, а всего 10 000 000 п. черного металла. Директор-распорядитель Югостали Иван Иванович Межлаук».

Вся страна помогала Донецкому бассейну встать на ноги. Как на фронт, слали варежки и рукавицы, посылки с сухарями и оборудованием. В Центральном партийном архиве мы видели документ, воскрешающий в памяти, казалось бы, непреодолимые трудности тех дней. Машинописный текст его дополнен, исправлен и подписан рукой Владимира Ильича. Документ адресован Президиуму ВСНХ и датирован 20 мая 1921 г.

«2 февраля за № 785/уп, — писал Ильич, — я через Горбунова послал Вам письмо тов. Котлярова с предложением использовать бездействующие подъемные машины в больших городах со всем их оборудованием для горных промыслов с следующей резолюцией:

«Надо собрать справки и выяснить, нельзя ли тут что сделать для помощи горному делу. Отнять все лишнее.

...Предлагаю внести вопрос в Совет Труда и Обороны 25 мая с проектом постановления примерно такого содержания:

«Поручить Президиуму ВСНХ по соглашению с Наркомнуделом утилизировать части подъемников Москвы, Петрограда и других больших городов, годные для горной промышленности, как-то: лебедки, барабаны, канаты...»

Как видите, приходилось снимать в московских и питерских домах лифты и устанавливать их в шахтные стволы Донбасса. И дело шло... Постепенно росла добыча угля, увеличивалась выплавка металла. Металлурги Югостали выполнили свое первое социалистическое обязательство.

Сегодня и Енакиевский, и Донецкий, и Макеевский заводы удесятерили свою мощность. Донецкая область выплавляет ныне стали в пять раз больше, нежели вся царская Россия.

Сегодня металлурги Енакиева выдали XXIV съезду партии новый «вексель»: выплавить сверх плана в девятой пятилетке чугуна — 20 тысяч тонн, стали — 33 тысячи тонн, проката — 24 тысячи тонн...

Уверены, что в мире нет надежнее этих векселей, потому что они гарантированы точным научным расчетом и неиссякаемым энтузиазмом рабочих.

С. ВИНОГРАДОВ, Б. ЛЬВОВ

ЕНАКИЕВО
Донецкой области

ГОРОД НАЧИНАЕТСЯ

Первый снимок прислали мне друзья из маленького городка Набережные Челны. Вглядитесь: до самого горизонта белое поле. Не встречая преград, разгуливает по нему холодный ветер. И вдруг спотыкается о бетонную плиту: КАМАЗ... Здесь крупнейшая стройка девятой пятилетки — Камский автозавод.

Справа от этих пяти каменных букв раскинется автозавод, он будет производить грузовые автомашины; слева возникнет город на 300—350 тысяч жителей.

Я хочу рассказать о городе — он будет уникальным! Это даже не один город, а центр большой агломерации Нижнекамск, Елабуга, Набережные Челны и другие. Все проектируемые сооружения — дворцы культуры, театры, стадионы, кинотеатры, концертные залы — рассчитаны на миллионное население.

КАМАЗ станет главным заводом Набережных Челнов. В одну лишь рабочую смену здесь будет занято столько людей, что это порождает проблему: как доставить их на работу, как развезти по домам? При создании проекта мы поставили себе жесткое условие: не больше тридцати минут должен тратить житель города на то, чтобы добраться от двери своей квартиры до завода. Задача нелегкая. Решается она по-новому — путем глубокого проникновения городских транспортных магистралей в промышленную зону. Рабочим КАМАЗа не придется совершать длительные прогулки по заводской территории. Им не потребуется и внутризаводской транспорт. Автобус или скоростной трамвай довезут их от дома до цеховой проходной.

Мы предусматриваем трехъярусную транспортную схему. В наиболее загруженных местах трамваи словно превратятся в метро, уйдут под землю. Выше пойдут автомобили, в распоряжении пешеходов останется верхний солнечный ярус.

Обсуждая проблемы Набережных Челнов, мы неизменно возвращались к идее создания центров.

Если вам нужно проехать в один из институтов — добирайтесь до «научного центра». Там же расположатся техникумы. Лишь профтехучилища и средние школы останутся в жилых районах.

Рядом с «центром науки» — «центр здравоохранения»: клиники, больницы, но поликлиники остаются рядом с жилыми домами.

Дворец пионеров, Дом юных техников, цирк войдут в «детский центр».

На Каме вырастет Центральный стадион на 20 тысяч мест, манеж, спортзалы. Рядом с зоной отдыха — Дворец спорта, библиотека на 1 миллион томов, Клуб молодежи, Клуб автомобилистов, театры...

В Набережных Челнах появятся улицы, принадлежащие только пешеходам, улицы, проезд по которым будет запрещен.

...Сегодня — пять каменных букв посреди поля, завтра будет завод и город—вот темпы новой, девятой пятилетки. На строительстве города и завода уже работает больше 25 тысяч человек...

Ю. НАЙМАРК,
главный архитектор проекта города Набережные Челны

Так будет выглядеть гостиница в Набережных Челнах (проект ЦНИИЭП жилища)

В ГУЩЕ НАРОДНОЙ

СВИДАНИЕ С ЛЕГЕНДОЙ

— Мы приехали сюда, — сказал руководитель делегации белорусских писателей, лауреат Государственной премии, секретарь правления Союза писателей Белоруссии Янка Брыль, — потому, что для нас Магнитогорск — это город-легенда, это олицетворение Труда, Героизма, Подвига. И еще потому, что мы знаем: во время Великой Отечественной войны каждый второй танк был одет в броню из магнитогорской стали, каждый третий снаряд отлит из вашего металла. Солдаты и партизаны знают, что такое Магнитогорск. А судьбы и биографии почти всех нас — членов делегации — тесно связаны с войной...

Так началась встреча белорусских писателей с рабочими, инженерно-техническими работниками Второго мартеновского цеха Магнитогорского металлургического комбината — того самого цеха, который выплавил первую сталь Магнитки, а к концу прошлого года — уже двухсотмиллионную тонну металла.

За час до начала смены красный уголок цеха был заполнен до отказа — стояли вдоль стен, в дверях, в коридоре. Присутствует почти вся делегация — девять человек из десяти (Анатоль Гречаников отлучился на день в Орск, где служат в армии два его брата).

Один за другим выступают Алесь Адамович, Микола Аврамчик, Василь Витка, Сергей Граховский, Владимир Короткевич, Олег Лойко, Иван Науменко, Владимир Павлов. Рассказывают об истории белорусской литературы, читают стихи, отрывки из прозаических произведений. Отвечают на записки, на вопросы с места: «Почему в белорусской литературе так много книг о войне?», «Будете ли вы писать о Магнитогорске?», «Почитайте стихи по-белорусски!»...

И продолжается серьезный, откровенный, обстоятельный разговор, и никому не хочется расставаться, хотя рабочим уже пора на смену, хотя у писателей сегодня завершаются Дни белорусской литературы в Магнитогорске.

Позади около 30 встреч с жителями этого города — со школьниками, студентами, библиотекарями (к слову сказать, в городе 159 библиотек, почти 288 тысяч читателей, книжный фонд — около пяти миллионов томов), рабочими, инженерами, журналистами, рабкорами... Приходилось порой выступать по пять раз в день...

Об одном эпизоде хочется рассказать подробнее. Белорусы встретили здесь своего земляка, партизана, ныне начальника 3-го листопрокатного цеха металлургического комбината Федора Борисовича Васильева. Он пригласил земляков к себе домой. Это был удивительный вечер. Я думаю, он запомнится надолго и гостям, и хозяевам — столько было рассказано, столько вспомянуто, столько спето партизанских песен, так тепло было в этом доме гостям из Белоруссии. Стремясь во что бы то ни стало «остановить мгновенье», Федор Борисович включил магнитофон на «запись» и не выключал весь вечер...

Была бы возможность, я записала бы на магнитную ленту все встречи белорусских писателей с жителями города-легенды: такими эти встречи были содержательными, такими насыщенными добротой и взаимопониманием.

Э. ТАХТАРОВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

МАГНИТОГОРСК

ЖАРКОЕ СЕРДЦЕ КУЗБАССА

Словно мгновение, промелькнули десять прекрасных Дней литературы Ленинграда в Кузбассе, о начале которых сообщалось в прошлом номере «Литературной газеты». Теперь можно подвести итоги: в городах Кузбасса состоялось более 20 больших литературных встреч, в которых приняли участие тысячи читателей. В заполненных до отказа залах дворцов культуры, клубов, где проходили встречи, в сердечном гостеприимстве и, что особенно важно, в глубокой заинтересованности кузнечан в дальнейшем успешном развитии нашей литературы — во всем этом проявилась высокая культура нашего рабочего класса.

...Прибыв в Новокузнецк, мы отправились смотреть Запсиб — этот могучий завод заводов. Заместитель секретаря парткома завода А. П. Логинов привел нас к подножию нового «Эльбруса» — только что построенной, крупнейшей в стране доменной печи № 3. Смотрим, дивимся, записываем данные. Слышу, кто-то из кузнечан говорит:

— Не смею давать советов, но, думается, если бы талантливый прозаик, скажем, из Ленинграда, «заболел Кузбассом» — убежден! — через несколько лет мы имели бы интереснейшую книгу...

...Еще одна страничка из записной книжки. Самый юный город Кузбасса—Междуреченск расположился в долине между реками Уса и Томь. Это город молодых шахтеров. В городе — много свадеб, высока рождаемость, одним словом, все соответствует поэтическому девизу, встретившему нас у въезда в Междуреченск: «Главное, ребята, — сердцем не стареть!».

Первый секретарь горкома партии, горный инженер Геннадий Гаврилович Чемоданов обстоятельно рассказывал о том, как за пять лет было построено около четверти миллиона квадратных метров жилья, как сейчас строится гигантская шахта «Распадская»...

— Между прочим, строительство самой шахты идет неплохо, а вот социально-бытовых учреждений не хватает, — заметил секретарь горкома. — А ведь наш шахтер хочет заниматься спортом на стадионе, учить своих детей музыке и покупать новые книги стихов здесь, у себя, в Междуреченске...

— Что, плохо с книгами?

— Просто испытываем голод на художественную литературу...

...Я мог бы привести здесь справку «Книготорга» города Ленинска-Кузнецкого, которая полностью подтверждает такой вывод, но ограничусь тем, что отмечу необходимость лучшего снабжения книгами Кузбасса.

* * *

Писатели Ленинграда, признаться, нехотя расставались с полюбившимся им в эти десять дней Кузбассом. Глядя на то, как прощались рабочие и писатели, я думал, что литературный Ленинград и богатырский Кузбасс в эти мартовские дни соединились яркой поэтической радугой. А первая радуга по весне, как известно, — это счастливое предзнаменование...

Н. МАР,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

КЕМЕРОВО

ВСТРЕЧИ НА ВОЛГЕ

О том, что приехали писатели, знали руководители города, предприятий: уже были составлены графики выступлений на каждый день и почти на каждый час, но сюда, в механосборочный цех Волжского автомобильного завода, эта новость еще не успела просочиться. Поэтому молодые рабочие, окружившие писателей, считали, что им просто повезло. Они радовались, узнавая знакомые имена, дружно аплодировали поэтам: пятнадцать минут — срок очень небольшой для выступлений прозаиков, поэтому выступали поэты.

И когда пролетели эти 15 минут — половина обеденного перерыва, — они попросили продлить выступления еще хотя бы на пять минут. Но руководство цеха было неумолимым, и, узнав, что вечером все писатели будут выступать в помещении вечерней школы, рабочие привычно и торопливо разошлись к своим станкам.

Так прошла первая встреча московских писателей с читателями на автозаводе в городе Тольятти. Встреч предстояло еще много, но от этой, первой, у всех осталось на душе хорошее чувство: столь искренне были обрадованы автозаводцы...

В состав писательской бригады, которая приехала в Тольятти, вошли прозаики Марк Колосов, Лидия Либединская, Константин Лапин, критик Вадим Соколов, поэты Илья Френкель, Тамара Жирмунская, Анатолий Брагин, Олег Алексеев. В определенной мере эта группа представила перед читателем все жанровое многообразие нашей литературы.

Всех этих людей объединило желание побывать в растущем индустриальном центре на Волге. И у каждого здесь своя тема. Марк Колосов — первый редактор книги Н. Островского «Как закалялась сталь» — приехал к комсомольцам Тольятти с поручением от Музея имени Н. Островского; Константин Лапин 20 лет назад был участником стройки Куйбышевской ГЭС, которая дала энергию крупнейшим предприятиям области, в том числе и строящемуся Волжскому автозаводу; Тамара Жирмунская, занимавшаяся темой эстетики производства, осматривала чистые и просторные цехи автомобильного завода; Евгений Астахов — волжский писатель, присоединившийся к московской группе в Куйбышеве,— частый гость на ВАЗе: он пишет об автозаводцах книгу...

Посещение Волжского автомобильного завода произвело большое впечатление на всех участников поездки. После выступления перед инженерно-техническими работниками прессового производства писателям был вручен памятный адрес с благодарностью от коллектива. Вечером того же дня в переполненном зале вечерней школы литераторы еще раз встретились с автозаводцами.

А гостей уже с нетерпением ожидали химики, энергетики, строители, студенты...

А. ДАНИЛОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

гор. ТОЛЬЯТТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВУ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» — 40 ЛЕТ

На днях, чтобы отметить 40-летие издательства «Художественная литература», в большом зале Центрального Дома литераторов собрались видные писатели, художники, книгоиздатели, представители общественности Москвы и других городов. Торжественный вечер открыл первый заместитель председателя Комитета по печати при Совете Министров СССР Ю. Мелентьев. Затем с докладом выступил главный редактор издательства А. Пузиков.

— Отмечая 40-летие «Художественной литературы», мы хотели бы не только подвести итоги работы за прошедшее время, — сказал он, — но, трезво проанализировав наши достижения и недостатки, подняться на новую, более высокую ступень, чтобы еще увереннее, еще лучше выполнять свои обязанности перед народом, неуклонно проводить в жизнь решения партии...

Со словами приветствия на вечере выступили Георгий Марков, Павел Антокольский, Мариэтта Шагинян, Константин Симонов, Алексей Сурков, Константин Пискунов, Кайсын Кулиев, Николай Лесючевский, Борис Сучков, Анатолий Ананьев, Иракли Андроников, Павел Чувиков и другие.

Вечер в Колонном зале

22 марта в Колонном зале Дома союзов состоялся большой литературный вечер, посвященный XXIV съезду КПСС.

Председательствовал на вечере Николай Грибачев.

Перед собравшимися выступили Михаил Алексеев, Хамид Гулям, Сильва Капутикян, Вадим Кожевников, Максим Лужанин, Георгий Марков, Иосиф Нонешвили, Степан Олейник, Роберт Рождественский, Константин Симонов, Анатолий Софронов, Ольга Фокина, Александр Чаковский.

ХРОНИКА

С 23 по 25 марта в Туле пройдут Дни советской литературы. Перед трудящимися города и области выступит группа писателей во главе с секретарем правления Союза писателей СССР делегатом XXIV съезда КПСС Вадимом Кожевниковым.

■

На днях в торжественной обстановке министр сельского хозяйства СССР В. Мацкевич вручил издательству «Колос» орден Трудового Красного Знамени, которым издательство было награждено за успешное выполнение заданий пятилетнего плана и активную пропаганду достижений науки и передового опыта.

Книгоиздателей приветствовали первый заместитель председателя Комитета по печати при Совете Министров СССР Ю. Мелентьев, первый секретарь Сокольнического райкома партии В. Коновалов и другие.

■

Одну из воинских частей Московского военного округа ПВО посетила на прошлой неделе группа деятелей литературы и искусства столицы, возглавляемая зав. отделом культуры МГК КПСС И. Бугаевым. В состав ее входили секретари правления Союза писателей СССР Ю. Верченко и А. Чаковский, писатели Г. Березко, А. Васильев, Л. Ошанин, главный редактор еженедельника «Литературная Россия» К. Поздняев, главный режиссер Театра имени А. С. Пушкина Б. Толмазов, кинорежиссер М. Донской, скульптор Л. Кербель, композиторы М. Блантер и В. Левашов, артисты И. Переверзев, В. Якут, М. Володина, Е. Рябинкина, И. Фатеева и другие.

Деятели литературы и искусства столицы поделились с воинами своими планами, рассказали о жизни творческой интеллигенции Москвы накануне XXIV съезда КПСС.

■

В Центральном Доме литераторов состоялся традиционный вечер из цикла «Советские полководцы», организованный правлением ЦДЛ, комиссией по военно-художественной литературе Московской писательской организации и посвященный жизни и деятельности Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза Семена Константиновича Тимошенко (1895 — 1970 гг.).

Вечер открыл Константин Симонов. Во вступительном слове кандидат исторических наук полковник С. В. Липицкий рассказал о славном пути, который прошел С. К. Тимошенко.

С воспоминаниями о полководце выступили Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, генерал армии, председатель Советского комитета ветеранов войны П. И. Батов, генерал-полковник, профессор И. С. Глебов, генерал-лейтенант П. П. Зеленский, полковник В. А. Сергеев, писатель Евгений Воробьев.

■

В Ереване состоялся вечер, посвященный семидесятилетию со дня рождения выдающегося армянского писателя и общественного деятеля Наири Зарьяна. Вступительным словом вечер открыл секретарь правления Союза писателей Армении Р. Ованесян.

С воспоминаниями о талантливом писателе-гражданине выступили поэт Г. Эмин, доктор архитектуры В. Арутюнян, народный художник республики Х. Есаян, член-корреспондент Академии наук СССР З. Асратян, народный артист СССР В. Аджемян и другие.

На вечере присутствовал секретарь ЦК Компартии Армении Р. Хачатрян.

■

12 марта труженики подмосковного совхоза имени Моссовета в Люберцах принимали гостей — московских поэтов и прозаиков, артистов Мосэстрады, работников издательства «Советская Россия». В Доме культуры совхоза была организована выставка лучших книг, выпущенных издательством в минувшем пятилетии. О работе издательства рассказал В. Туркин.

Это был первый вечер из цикла, задуманного издательством. Вторая встреча состоялась 18 марта. На этот раз гостями рабочих совхоза были авторы книг серии «Письма из деревни». В разговоре приняли участие агрономы, рабочие совхоза и писатели И. Винниченко, Ю. Черниченко, С. Шуртанов.

■

На днях в Колонном зале Дома союза под председательством М. Прилежаевой состоялась встреча литераторов столицы с юными читателями Москвы, посвященная всесоюзной Неделе детской и юношеской книги.

Перед ребятами выступили Анатолий Алексин, Агния Барто, Сергей Алексеев, Юлий Друнина, Роберт Рождественский.

СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ—РАБОЧАЯ ТЕМА

«О состоянии и дальнейшем повышении идейно-художественного уровня изданий о рабочем классе» — этому вопросу было посвящено заседание бюро Ленинградского обкома партии, состоявшееся на минувшей неделе. В постановлении бюро отмечается, что ленинградские писатели немало сделали для художественного воплощения рабочей темы. Вышли в свет романы Г. Холопова, Э. Грина, Я. Ильичева, В. Кукушкина, повести и рассказы С. Воронина. Больше различной литературы о рабочем классе, в том числе книг по истории фабрик и заводов, стал выпускать Лениздат. Среди них следует назвать «Здесь печаталась «Правда» Е. Вечтомовой, «Слово о заводе» М. Шургина, «История колхоза «Россия» А. Шейнина.

Но наряду с этим, как отмечало бюро обкома, в идейно-художественном отношении изданные книги не всегда отвечают современным требованиям. Ленинградские писатели за последний период не создали ярких произведений, которые бы стали столь же заметным явлением, как в свое время романы В. Кетлинской «Мужество», В. Кочетова «Журбины», В. Пановой «Кружилиха».

В принятом постановлении бюро обкома наметило конкретные меры, направленные на исправление недостатков. Решено, в частности, пересмотреть издательские планы с таким расчетом, чтобы тема рабочего класса заняла в них подобающее место, активнее применять практику социальных заказов ведущим творческим работникам, полнее использовать стимулирование авторов, пишущих на рабочую тему, провести широкий конкурс на лучшую книгу о ленинградском рабочем.

В. ГАБИС

ГОВОРЯТ ДЕЛЕГАТЫ XXIV СЪЕЗДА КПСС

СЛОВО О ПАРТИИ

Альфонсас БЕЛЯУСКАС

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Недавно я в качестве делегата участвовал в работе XVI съезда Коммунистической партии Литвы. Величественные цифры и факты снова прошли перед моими глазами, заставляя еще сильнее биться сердце.

На съезде выступил первый секретарь Радвилишкского райкома партии, депутат Верховного Совета Союза ССР П. Шидлаускас. В вереницe внушительных и убедительных фактов я услышал один, который особенно порадовал и поразил меня. За последние годы три руководителя сельских хозяйств — П. Мейлус, В. Пабриндис Ю. Хлевицкас — защитили кандидатские диссертации. А. Малинаускас стал лауреатом Государственной премии Литовской ССР. Люди, названные секретарем райкома партии, широко известны в республике. Это замечательные люди, влюбленные в свое дело. Это люди, воспитанные нашей Коммунистической партией, выросшие в Советской Литве, закалившиеся в трудовом горниле послевоенных пятилеток. Эти люди — мечтатели. Правда, я не могу ручаться, что мечтают они о космосе или о лунном камне. Нет, они живут постоянной мечтой о прекрасном Завтра, о том, чтобы свободно и радостно дышалось всем людям на земле, и всегда стремятся к этому.

Я знаю, что они не только умелые руководители, но и талантливые воспитатели, воспитатели нового человека, хозяина своей земли, свободного гражданина нашей великой многонациональной Родины. Воспитатели человека нашей сложной эпохи, нашего стремительного, беспокойного века, когда судьба целых поколений решается в борьбе двух миров, а линия этой борьбы идет не только через общество, через государства и континенты, но и через сердце человека.

Вот в чем мне видится героизм наших дней. Мне кажется, что именно такой человек и должен быть героем нашего времени, носителем самых благородных дум и начинаний нашей эпохи. Такой человек должен быть героем наших книг. Человек, воспитанный нашей партией.

Ибо наша партия — начало всего.

Наша партия — продолжение дороги отцов.

ВИЛЬНЮС

Василь КОЗАЧЕНКО

ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ

Я пишу эти строки между двумя событиями, которые являются новыми историческими вехами в жизни моего народа. Только что в Киеве закончился XXIV съезд Коммунистической партии Украины. На днях в Москве начнет свою работу XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. И обращая свои мысли к столице нашей Родины, мы думаем о будущем страны, о партии, о той великой роли, которую играет она в нашей судьбе, в судьбе всего человечества.

В эти предсъездовские дни — дни весеннего обновления — часто звучит гордое советское слово «пятилетка». Вся жизнь моего поколения связана с ним. Первая пятилетка — это наша юность и юность нашего государства. Теперь это слово с новой силой зазвучало в проекте Директив XXIV съезда КПСС.

Вчитываясь в этот документ, видишь величественную картину народного подвига, сделавшего предначертания Ленина явью, и сердце наполняется гордостью и радостью. Подумать только, как расцвела моя Украина, расцвела в братской семье советских народов, как высоко поднялась она за 53 советских года, поднялась от политического бесправия к подлинному народовластию, от гнета — к свободе и равенству, от экономической отсталости — к мощной современной индустрии и высокомеханизированному сельскому хозяйству, от неграмотности — к невиданному росту народного образования, науки и культуры!

Знаете ли вы, что по объему промышленной продукции и капитальным вложениям Украина достигла уровня, который имел весь Советский Союз накануне Великой Отечественной войны? Известно ли вам, что на Украину приходится менее 0,5 проц. территории и 1,4 проц. населения земного шара, а между тем она дает 8—10 проц. мирового производства стали, чугуна, тракторов, сахара, добычи угля, природного газа? Знаете ли вы, что каждый третий человек у нас в республике учится? Что из каждых 100 ученых планеты примерно 5 работают на Украине? Что разовый тираж украинских газет составляет почти 20 миллионов экземпляров?

Я бы мог привести еще много любопытных цифр, рассказывающих о сегодняшнем дне республики. Но я хочу переадресовать читателя к недавно вышедшей книге П. Е. Шелеста «Украина наша Советская» — интересному публицистическому произведению, посвященному прошлому и настоящему украинского народа, рассказывающему о славном пути, который прошла Советская Украина в дружной и могучей семье советских народов под руководством Коммунистической партии Советского Союза. Читая эту книгу, еще раз убеждаешься, что нам действительно есть чем гордиться...

Для нас, советских писателей, уверенная поступь народа, строящего коммунизм, — постоянный источник творческого вдохновения. Нет такого начинания партии, которое не касалось бы нас, литераторов; не касалось бы нашей работы. Я говорю, разумеется, не только о писателях-коммунистах. Страстная партийность присуща и тем, которые, не имея партийных билетов, являются по сути людьми глубоко партийными. Партия учит нас чутко ощущать пульс времени, идти с народом в бой и на стройку, жить его делами и заботами, пробуждать своим словом высокие помыслы и чувства в человеке.

Последние годы, откликаясь на призыв партии, мы старались активизировать общественную деятельность Союза писателей Украины, расширять и углублять связи литераторов с трудящимися. У нас завязались дружеские отношения с многими колхозами, предприятиями, научными учреждениями. Недавно прошла интереснейшая встреча с рабочими знаменитого завода «Арсенал».

Особенно полезными, на наш взгляд, оказались начатые нами еще в период подготовки к 50-летию Октября массовые выезды писателей в различные области Украины. Смысл этого начинания заключается в том, что страстное партийное слово писателя стало звучать во всех без исключения районах республики, вплоть до самых глубинных сел. Во время этих встреч (а они прошли уже во многих областях) мы работали в тесном контакте с партийными работниками. Хочется отметить, что повсюду мы наблюдали, как высоко поднялся культурный уровень нынешних партийных руководителей, радовались тому, как глубоко понимают литературу, ее проблемы, ее роль и задачи секретари сельских райкомов — люди, у которых, как известно, уйма важных дел и забот, и им часто бывает не до наших визитов...

Во всем мы движемся вперед. Таков закон советской жизни. Такова практика партии коммунистов.

КИЕВ

Григол АБАШИДЗЕ

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

Когда говоришь о партии, ощущаешь себя на высокой трибуне лицом к лицу с огромной, на весь земной шар аудиторией. Это потому, что все мы привыкли не только со всей чуткостью сердца и ума внимать каждому слову Коммунистической партии, но и с особым пристрастием взвешивать и проверять каждое слово, сказанное о ней. И потому эти слова должны быть искренними, правдивыми, идущими от сердца к сердцу. Так говорили о ленинской партии поэты — от Владимира Маяковского и Галактиона Табидзе до каждого из тех, кто сегодня приобщается к этой творческой теме. Чем вызвано такое отношение?

Никто не навязывал его нам, писателям,— такова было веление наших сердец, и рождено оно мыслями о Коммунистической партии, о ее вожде и основателе — Ленине, о его верных учениках, о всех, кто достоин высокого звания Коммуниста.

Историческая судьба связала мой народ с Россией давно — с начала XIX века. Поверженный в 1917 году двуглавый императорский орел означал не только избавление от социальной эксплуатации, но и от национального гнета, и мы благодарны за это Коммунистической партии.

Мы благодарны ей за то, что небеса сегодняшней Грузии расчерчены электропроводами высокого напряжения, а земля — серебристыми артериями оросительных каналов, что на полях шумят тракторы и комбайны, что праздничным салютом вздымаются вверх сотни фабричных труб, что ровные строчки чайных кустов разлиновали колхозные плантации...

Мы благодарны ей за то, что многовековая сокровищница грузинской литературы — золотой фонд нашей культуры — не только живет и развивается в наши дни, но и стала достоянием многих народов нашей страны, многих народов мира.

Мы благодарны за то, что общим праздником всех народов, составляющих дружную семью нашей многонациональной Родины, стали юбилейные даты великих Пушкина и Руставели, Шевченко и Низами, Навои и Леси Украинки.

Партия всегда считала одним из главных ленинских заветов дружбу народов нашей страны, идеи пролетарского интернационализма. В суровые годы Великой Отечественной войны, да и в наши дни, идеологические «оппоненты» коммунизма делали ставку на то, чтобы вбить клин в наши межнациональные отношения. На фронтах бита против фашизма бок о бок сражались русские и украинцы, белорусы и грузины, армяне и казахи, сражались дети всех народов Советской державы. Тем самым не только оказалась битой фальшивая карта тех, кто пытался посеять вражду между нашими народами, но еще более окрепла дружба, скрепленная святой кровью, пролитой в дни Октябрьской революции, гражданской и Отечественной войн. И не случайно, идя в самый тяжелый бой, советский человек всегда говорил: «Если мне суждено погибнуть, то хочу умереть коммунистом!»

Такова та высота, на которую подняла история звание Коммуниста. И сегодня мы можем с гордостью заявить: если надо организовать развитие промышленности и сельского хозяйства в соответствии с новыми условиями жизни, если надо ускорить рост благосостояния населения, если надо добиться нового расцвета науки и культуры, если надо еще крепче сплотить народы всей страны то с этими трудными задачами справится только наша Коммунистическая партия.

«Есть такая партия!» Бессмертные слова Ильича будут звучать всегда.

ТБИЛИСИ

Максим ТАНК

САМОЕ ДОРОГОЕ...

Вероятно, у каждого остался в памяти тот день и час, когда впервые услышал он дорогое всем нам слово — партия. Мы сами не замечаем, как оно становится неотъемлемой частью всей нашей жизни.

Ко мне оно, это дорогое слово, впервые пришло как-то в полночь, в зимнюю пору, еще в былой Западной Белоруссии...

Однажды кто-то постучался в нашу дверь:

— Можно погреться в хате?..

Утром нагрянула полиция:

— Кто у вас был? Признавайтесь! Вы знаете, хамы, что вас ждет за связь с коммуной?

— Да никого же, паны, не было,— ответила мать, стоявшая у печи.— Кто в такую непогоду мог прийти?

Ветер сровнял в поле все ночные следы. У нас осталась листовка, в которой партия звала к борьбе против панов и капиталистов, против социального и национального угнетения, к борьбе за воссоединение Западной Белоруссии с единой братской семьей советских народов.

Потом и я с такими же листовками ходил по рабочим кварталам, по дорогам Новогрудчины, Браславщины, по своему озерному Нарочанскому краю. Так же стучал в двери хат в поисках приюта, где можно было укрыться от полиции. И передо мною люди гостеприимно открывали двери и сердца, как и перед каждым посланцем партии, перед каждым, кто нес ее правдивое слово и веру в лучшее будущее.

После допросов в Глыбокской охранке — дефензиве были каменные глухие стены одиночки, через которые, казалось, никакой живой голос не может дойти. Но вот я прислушался и услышал перестук азбукой Морзе:

— Нужна ли помощь, товарищ?..

Пережитое, увиденное заставило меня взяться за перо. И снова я почувствовал поддержку и помощь партии, которая прислала мне в камеры лукишской тюрьмы запрещенные стражниками бумагу и карандаш.

...Я теперь вижу, какие они были слабые, мои стихи. Сейчас такие стихи литературные консультанты с легким сердцем выбрасывают в редакционную корзину. Но тогда их читали друзья, помогали мне их исправлять, а когда эти стихи возмужали и окрепли, пересылали на волю, издавали. Случалось, что их конфисковывала цензура, и тогда партия распространяла их подпольно, как и большинство произведений моих друзей Пилипа Пестрака, Валентина Таврая, Миколы Засима.

Партия! Под ее руководством, с помощью великого русского народа и всех братских народов нашей Родины осуществились вековые мечты белорусов. Они стали хозяевами своей земли, строителями новой жизни.

Уже давно многие на Западе интересуются «загадочным» характером советского человека. В своей статье «Сила ленинской идейности» («Правда», 5.IV.1970) очень хорошо об этом сказал первый секретарь ЦК КПБ П. М. Машеров:

«...никакой загадки тут нет. Высокие морально-политические качества советских людей, их целеустремленность, духовное богатство и благородство — это продукт советского образа жизни, выражение самой сущности характера строителей коммунизма, главное в котором — ленинская убежденность, непоколебимая преданность коммунистическим идеалам».

В конце февраля состоялся XXVII съезд Компартии Белоруссии, который детально обсудил стоящие перед нами задачи. Предполагается, например, объем промышленного производства увеличить на 50—53 процента, а валовые сборы зерновых довести не менее чем до 7 миллионов тонн при урожайности 27—28 центнеров с гектара.

Планы партии — это планы народа, а значит, и планы наши, литераторов. Литературу часто называют зеркалом своего времени. Но роль ее этим далеко не ограничивается. Она должна уметь видеть и завтрашний день нашей Родины, нашего народа и всего человечества. Видеть будущее с прозорливостью Ленина, с прозорливостью партии.

МИНСК

Чингиз АЙТМАТОВ

ТВОРЧЕСКИЙ ЗАРЯД

«В 100 лет обновляется земля. В 50 лет обновляется народ». Так гласит киргизская народная мудрость. Очевидно, надо было очень долго наблюдать движение бытия, чтобы сформулировать эту мысль... Но для нашего времени даже один день кажется заметным. И очень притом! Мы живем в столь уплотненный по времени век, что опыт годов равняется опыту столетий минувших времен. Но высший итог нашего развития, бесспорно, — опыт КПСС, вобравший в себя передовые знания всего человечества. Этот опыт лежит в основе всех наших деяний.

Художественное творчество — древний способ изображения жизни — обогатилось в нашу пору новыми эстетическими открытиями, связанными с развитием советского искусства и литературы. Культурный уровень советского человека за эти годы достиг громадных высот. Вот почему, когда садишься за письменный стол, помнишь, что тебе придется вести разговор с умным, образованным собеседником, активным участником строительства коммунистического общества.

Через несколько дней начнет свою работу XXIV съезд КПСС, на котором будут подведены итоги самоотверженного труда советского народа в прошедшей пятилетке, намечены дальнейшие перспективы развития нашего государства.

Решения XXIV съезда КПСС послужат новым могучим творческим стимулом, в том числе и для нас, художников слова.

гор. ФРУНЗЕ

Ануор АААИМЖАНОВ

ТРУД ПАХАРЯ

Накануне открытия XIII съезда Компартии Казахстана в Кзыл-Орде состоялся слет рисоводов. Юным участникам этого слета как высшую награду вручили древние орудия пахаря—серп и кетмень. Вручил их человек, чьи заслуги перед партией и государством неизмеримы. В суровые годы войны он не только восславил свой край, но и удивил всю древнюю Азию, собрав со своего участка земли невиданно богатый урожай, который и поныне остается рекордным для рисоводов.

Но не о рекорде и тем более не о славе думал он в те тяжкие дни. Шла война. В ауле остались старики, женщины и осиротевшие дети воинов. Ночь, когда пришла весть о смерти его собственного сына, он провел вдали от людей, на берегу Амударьи. Утром, когда люди нашли его, он был весь черен от усталости. В нем еле теплилась жизнь. А вместо дикого, заросшего поля у реки перед ним лежала развороченная кетменем и дымящаяся от пара земля. Люди не поверили своим глазам. Не верили тому, что все это мог сделать один человек с кетменем. С тех пор у нас ходят легенды об этой ночи... Именно с того поля был собран рекордный урожай, наполнивший пустые чаши голодных детей аула и котелки воинов на фронте.

Человеком, собравшим тот урожай, был великий пахарь казахской земли, коммунист Ибрай Жахаев.

Ему исполнилось 80 лет, и почти 70 из них он не выпускал из рук своего серпа и кетменя. Нынче этот защербленный кетмень и ржавеющий серп перешли в руки молодых как символ величия труда пахаря, как эстафета поколений.

И возможно, в эти дни порой Жахаева одолевает минутная грусть о том, что молодые ребята передадут его кетмень в какой-нибудь музей и будет он стоять там без дела, потому что уже не нужен молодым, потому что у молодых есть машины.

Но я уверен, что Ибрай-ата с нетерпением ждет весенних дней, когда ребята выведут тракторы в поле на пахоту. Он — пахарь и не может не радоваться весне.

Для нас, казахстанцев, теперь стало привычным измерять на кубометры воды Бухтарминского, Чардаринского, Капчагайского морей, измерять на километры канал Иртыш—Караганда, говорить о городах и селах Мангышлака и отмечать на лунной карте маршруты нашей автоматической станции. Но мы порой забываем, что за каждым фактом, за каждой цифрой стоит труд миллионов людей, среди которых тысячи мастеров, пахарей моря и земли, шахтеров и строителей, преданных своему делу так же, как Ибрай-ата.

Они живут вместе с нами, передают свой опыт другим, готовят себе смену и не мыслят себя вне интересов народа. Поэтому мы вправе утверждать, что если в цифрах, названных в проекте Директив XXIV съезда КПСС, фокусируется труд миллионов, то в характере таких коммунистов, как Ибрай Жахаев, сконцентрированы все лучшие качества, вся нравственная и духовная сила людей новой формации — наших современников, ставших примером не только для подрастающего поколения своего края, своей страны, но и для всех рабочих мира. Вот почему правильное отражение жизни, типизация лучших черт характера нашего современника в литературе, уважение к традициям прошлого и настоящего стали тем принципом, благодаря которому все больше крепнут и развиваются литература и искусство социалистического реализма.

АЛМА-АТА

Олег ШЕСТИНСКИЙ

К СВЕРШЕНИЯМ!

Мы — коммунисты,
вена сыновья,
Добры ладони наши
и могучи,
В ладонях этих вся
земля моя —
Ее долины, океаны, кручи.
Нам сталь варить
и ставить города.
Нам это делать смело
и упрямо.
Как равные, мы смотрим
солнцу прямо
Глаза в глаза. И это
так всегда.
Сердца стучат — мир
слышит этот стук:
Сердца горят — и в этом
наша сила;
И если бы погасло
солнце вдруг,
То сердце коммуниста бы
светило...

Я писал эти строки, находясь в Кузбассе, писал в знаменательные весенние дни 1971 года, в канун открытия XXIV съезда нашей родной Коммунистической партии.

...Вспоминаю новогодний вечер, выступление Леонида Ильича Брежнева по телевидению и радио: «Страна Советов вступает в девятую пятилетку, идет навстречу XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Мы твердо уверены в том, что советские люди ознаменуют съезд родной партии дальнейшим подъемом всенародного социалистического соревнования, воспримут его решения, как свое кровное дело, приложат все силы, знания, опыт для успешного претворения их в жизнь. В верности ленинским заветам, в руководстве Коммунистической партии — надежная гарантия новых великих побед».

Десять дней мы путешествовали по удивительной, бесконечно богатой и прекрасной земле Кузбасса. Наша группа это время провела на мощных угольных шахтах, на гигантских металлургических заводах, совершенство которых признано всем техническим миром. И всюду: в бурно растущем Кемерове, в неутомимом Ленинске-Кузнецком, в богатырском Новокузнецке, в романтическом Междуреченске — всюду мы были свидетелями многих славных дел, которые совершали труженики земли кузнецкой.

История нашей поездки, ее содержание — особая и большая тема, о которой нам еще предстоит рассказать. Сейчас хочу лишь набросать несколько штрихов к портретам двух достойных представителей нашей родной партии...

Взять хотя бы старого угольщика, директора шахты «Комсомолец» Александра Михайловича Полякова. Родился в оренбургских степях, где не было никаких горнорудных предприятий...

— Но мы увлеклись горной индустрией, — рассказывает он, — другое просто не существовало для нас... Поступил я в Свердловский горный институт и после окончания поехал работать в Кузбасс. Привлекал этот край своими запасами, размахом дел...

23 года проработал Александр Михайлович на шахте в городе Прокопьевске. Прошел путь от помощника начальника участка до директора шахты. 500 тысяч тонн угля дало его предприятие за пятилетку сверх плана. На 35 процентов повысилась производительность труда.

Или вот... Иван Иванович Сафонов, секретарь парткома, который открыл мне «секрет» успехов шахты:

— На самые ответственные участки мы ставим коммунистов, лучших наших работников. В забоях, где непосредственно добывается уголь, пятьдесят процентов шахтеров — партийцы...

Думаю, что душевное общение с людьми таких кипучих, трудовых краев, как Кузбасс, поможет нам глубже подойти к магистральной теме нашей литературы: раскрытию характера советского человека.

Советская литература всегда жила и развивалась, трудилась и творила под знаменем Коммунистической партии. И мы, писатели, встречаем XXIV съезд КПСС как событие великого масштаба, как этап на пути к новым деяниям, к новым свершениям.

ИДЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА

С 17 по 19 марта в Москве проходила конференция «Идеологическая борьба и проблемы современной культуры», организованная Отделением литературы и языка Академии наук СССР, Институтом мировой литературы имени А. М. Горького и Академией педагогических наук СССР. В докладах, заслушанных на конференции, был освещен широкий круг проблем, связанных с литературоведением, искусствознанием, философией, педагогикой и лингвистикой. В них были рассмотрены различные аспекты идеологической борьбы в сфере культуры, содержались анализ и критика современных буржуазных концепций, левореизионистских вульгаризаторских теорий в области литературы и искусства.

В ходе конференции обсуждались вопросы народности социалистической культуры, специфики массовой культуры в капиталистических странах, роли средств массовой коммуникации в формировании политических и эстетических взглядов. Ряд выступлений был посвящен практическим задачам воспитания нового человека, вкладу социалистического общества в мировую культуру.

Открывая конференцию, В. Л. Сучков подчеркнул, что ее следует рассматривать как начало большой работы, в ходе которой будут выдвинуты новые идеи, выявлен новый круг проблем, очерченных данной темой.

Широкий круг проблем был рассмотрен в докладе В. Р. Щербины «Идеология, культура, литература».

Темой доклада Я. Е. Эльсберга было соотношение советской литературы и идеологии в процессе развития социалистической культуры. Под этим углом зрения был проанализирован ряд произведений современной советской литературы.

А. Л. Дымшиц посвятил свой доклад дезидеологизации западной культуры на материале литературы и публицистики США и ФРГ.

В. А. Разумный остановился на анализе теоретических основ массовой культуры, в частности на модной за рубежом теории «трех уровней потребностей» и на тактике «манипуляций».

И. Л. Лейзеров рассматривал культурные проблемы научно-технической революции в условиях социализма и капитализма.

Б. Т. Лихачев подверг критике ряд западных теорий воспитания.

А. И. Овчаренко подчеркнул, что приход в литературу человека революционной мысли и революционного действия не только обогатил ее, но и вызвал коренные изменения самого художественного начала литературы, сделал ее действенным орудием преобразования мира, формирования человека.

Ю. Б. Борев остановился на проблемах «массовой» и «элитарной» культуры.

С докладом «Классическое наследие и средства массовой коммуникации» выступил У. А. Гуральник.

— Современные средства массовой информации берут на себя роль посредника между человеком и произведениями традиционных искусств, — сказал докладчик. — В связи с этим встает необходимость учитывать пути и формы воздействия классики на сознание и эмоциональный мир человека. У. А. Гуральник подчеркнул, что необходимо изучать не только литературоведческий, но и философский и социологический аспект проблемы.

В. К. Скатерщиков говорил о социалистической культуре как факторе формирования личности. О формировании мировоззрения школьников средствами искусства говорил И. Л. Любинский. М. М. Кузнецов выступил с докладом «Народность советской литературы и современная массовая буржуазная литература». Вопросы взаимодействия современной культуры, языка и идеологии рассматривал Ю. Д. Дешериев. В. М. Писнунов сделал доклад «Национальное художественное сознание и современность».

Актуальным проблемам зарубежной литературы были посвящены доклады А. Н. Нинолюкина, Я. Н. Засурского, И. М. Фрадкина, Т. В. Балашовой, Л. М. Земляновой, Ю. И. Архипова.

С обсуждением докладов выступили многие участники конференции.

Бор. ЛЕОНОВ

КОММУНИСТ, МОЙ СОВРЕМЕННИК

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛЕТОПИСИ НАШЕЙ ЖИЗНИ, КОТОРУЮ ВЕДУТ СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ, ОБРАЗУ КОММУНИСТА, НАШЕГО СОВРЕМЕННИКА ОТДАНЫ ЛУЧШИЕ СТРАНИЦЫ. КАКОВ ОН, ЧЕЛОВЕК, ВОБРАВШИЙ НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ НАРОДНОГО ХАРАКТЕРА. — ОБ ЭТОМ НА ПРИМЕРЕ РЯДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПРОЗЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ РАЗМЫШЛЯЕТ КРИТИК.

В САМОМ деле, каков он, коммунист, мой современник? Такой же, каким мы узнали его в классических произведениях советских писателей? И что в нем возникло нового, приобретенного опытом нашей сегодняшней жизни?

В произведениях прозы последних лет мы встречаемся с коммунистами, действовавшими в разные периоды революции и становления Советского государства. В каждом из этих образов запечатлены не только основные особенности прожитого времени, но и сам процесс рождения новых черт коммунистического характера. А черты эти раскрываются в действии, в свершениях, порой в конфликтах, в принципиальных столкновениях, в которых выражаются «признаки» времени и открывается подлинная суть человека.

Когда я, например, читаю о большевике Иване Акимове, который использует время пребывания в дальнем зимовье, где скрывается от преследования полиции, для большого дела (он исследует окрестные таежные места с целью обнаружения полезных ископаемых), я вижу не только выявленную в поступках веру в победу близкой революции. Я вижу в нем, в герое романа Г. Маркова «Сибирь», те черты, которые в новых условиях, спустя десятилетия, в послевоенные годы, обнаружит в себе Алексей Краюхин в романе «Соль земли». И то, что Алексей, не ожидая указаний сверху, проявляет инициативу, сам организует исследование природных богатств края, выдает в нем и по духу, и по убеждению моего современника. В конкретном деле проявляется государственность этого человека.

Герою романа В. Закруткина «Сотворение мира» Илье Длугачу жаль раскулачивать Тимофея Шелюгина, но партийный, государственный долг для него — высший закон. Его гуманизм коммуниста в том, что он хочет помочь Шелюгину встать в жизни на иной путь.

«Разве ж мы караем именно тебя, огнищанского гражданина Тимофея Шелюгина? — спрашивает он у встречного. — Нет, брат. Тут класс на класс войной пошел, и замирения промеж них не будет. Понятно? Вот, допустим, ты бы вдарил меня топором, убил бы. А польза тебе от этого какая? Никакой. Потому что за мной несчетные тысячи крестьян-бедняков и пролетариев стоят. Одного коммуниста, Длугача, скажем, убить можно, а партию убить нельзя. Ясно? Тебе же я совет даю такой: покорись жизни, нутро свое... переделай и вертайся очищенным, потому что как кулацкий класс тебя ликвидируют, а как человека на свет возродят, на ноги поставят и в семью свою примут...»

Из этого конфликта Длугач выходит обогащенным открытием той главной цели, которую ему суждено было выполнять волею партии.

Ну, а если ты, сам член партии, забываешь о перспективе, если ты начинаешь мыслить категориями достигнутого как пределом возможного и тем самым утрачиваешь живое чувство времени? В таком случае ты окажешься списанным в отставку самой жизнью. Именно так понимает конфликт секретаря горкома партии Солнцева с временем глава рабочей династии Крупновых Денис Крупнов в романе Г. Коновалова «Истоки».

Им руководили отнюдь не чувства отцовской гордости за выдвинутого на столь высокий пост сына Юрия. Ведь эти чувства порой могут и затмить истину. Нет, Денис Крупнов — из той старой породы гвардейцев партии, для которых деловые качества человека всегда были превыше всего. В этом, кстати, обнаруживается истинная рабочая косточка главы семейства Крупновых.

Люди, которые ощущают пульс истории и творят ее, становятся хозяевами времени. Сказанное К. Фединым о своем Кирилле Извекове в романе «Костер» можно было со всей определенностью адресовать к героям Г. Маркова и В. Закруткина, Г. Коновалова и тем, о которых разговор еще впереди. К. Федин пишет: «...где находился он, находилась сама современность, — он создавал ее совершенно так, как она — его».

Так какие же качества человека обретают такой социально-гражданский заряд, благодаря которому мы именуем их чертами коммунистического характера? При всей индивидуальности названных героев и неупомянутых, известных нам по литературе, есть нечто главное, что объединяет их. Это коммунистическая убежденность, которая проявляется в борьбе. Осознанная идея всегда рождает ответственность за порученное дело. Отсюда глубокое понимание важности своего труда в коллективе единомышленников и товарищей по классу.

Дороги наших побед были трудными. Трудности эти обусловливались сложностью выдвигаемых самой жизнью проблем, которые приходилось решать буквально в годы и месяцы. Это требовало знаний, высокого уровня науки, техники. Естественно, усложнялась, обогащалась и сама человеческая личность.

ХОЧУ оговорить, что в своем разговоре о коммунисте — герое литературы последних лет я ощущаю, пожалуй, не меньше трудностей, чем писатель, который задался целью создать этот образ. Трудность объясняется тем, что в одной статье нелегко даже перечислить те произведения, где так или иначе выведен образ коммуниста-современника. Не могу назвать и единый образ, который бы вмещал все представления о моем современнике, в каком-либо одном произведении. Этот образ, воплощающий в себе «наш демократический и социалистический идеал», изображать который и показывать массам призывал В. И. Ленин, по моему убеждению, создается сегодня общими усилиями наших писателей.

И потому разные грани этого образа, воплощающего наш идеал, мы находим в героях многих произведений.

Естественно, что характер нашего современника раскрывается в сложных, порой драматических обстоятельствах, в конфликтных жизненных ситуациях.

Когда герой чутко ощущает тенденции развития общества, улавливает и воплощает в своей деятельности веяния эпохи, он способен выйти из самого сложного конфликта обогащенным, а не сломленным опытом пережитого. Таков Анатолий Соколов, сменивший на посту партийного руководителя области Иллариона Буянова в романе Н. Шундика «В стране синеокой». Но если Буянов, будучи натурой противоречивой, однако сильной и незаурядной, находит в себе силы, хотя и запоздало, судить себя перед совестью народной, то другой герой, секретарь парткома сплавконторы Вишняков в повести В. Липатова «Сказание о директоре Прончатове», остается безнадежно в прошлом, отстает от времени, не сознавая своей отсталости. Вишняков чурается инициативы, боится нового, а за этим мы ощущаем, по существу, неверие в творческую энергию масс. Писатель с особой силой подчеркивает несовместимость этого человека с ярким, колоритным и многомерным миром Олега Олеговича Прончатова. Его энергия, демократичность, сметливая хватка организатора и деятельного, инициативного работника противостоят в повести догматизму Вишнякова.

Деловые качества человека, стремящегося применить с полной нагрузкой силы и знания, как это видится в действиях Прончатова, Вишняков оценивает как карьеризм, зазнайство, стремление к власти. Так «привычно» воспринимается им новое. В разговоре с секретарем обкома партии Олег Прончатов остро ставит вопрос о том, что подобные обвинения могут убить инициативу, пресечь поиск.

Этот разговор об инициативе не случаен в повести В. Липатова. Выявление этой черты в социальном портрете современника, столь характерное для многих произведений последних лет, знаменательно. Эта черта передает сам дух нашего времени. Инициатива всегда была признаком гражданской зрелости человека и его внутренней потребности брать на себя ответственность перед обществом. Так проявляется особенность характера коммуниста, отличавшая и Ивана Акимова, и Кирилла Извекова, и Юрия Крупнова.

Ответственность перед коммунистами, перед рядовыми тружениками села, которую испытывает постоянно Степан Григоренко, герой романа Н. Стаднюка «Люди не ангелы», сродни той, которую исповедует в своей деятельности новый секретарь горкома Олег Росляков из повести А. Блинова «Андриана». Личная ответственность предполагает развитие энтузиазма людей, приобщение их в реальных делах к проблемам государственного масштаба. Так постигается подлинное звание хозяина своей страны. Ведь самые лучшие люди, как говорит герой повести В. Кожевникова «Особое подразделение» Степан Буков, — это те, «у кого зоркости хватает при своем труде обо всем пространстве страны думать. Это и есть высшая человеческая квалификация при любой профессии».

В представлении Рослякова «самостоятельность мышления и выбора решения — это и есть настоящая свобода человека. Никакой, даже самый талантливый, руководитель не может думать за всех, решать за всех, успевать за всех. Только доверие дает человеку настоящие крылья». Доверие рождает встречную инициативу — в этом примета времени, его знаменательное явление.

Как и всякое жизненное явление, оно диалектично: под личиной инициативы иногда скрывается волюнтаризм. Разглядеть его, понять истинность или лож-

---

Как мы уже сообщали, в Баку состоялось совещание, организованное «Литературной газетой» совместно с Союзом писателей Азербайджана. Оно было посвящено обсуждению одной из важных сторон современного литературного процесса — вопросам взаимодействия и взаимовлияния советских литератур. В работе совещания участвовали прозаики, поэты, переводчики, критики, литературоведы, искусствоведы, в прениях выступили 34 оратора из многих республик нашей страны, а также из Москвы и Ленинграда.

Сегодня мы публикуем отчет о работе совещания, который подготовил наш специальный корреспондент Г. МИТИН.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЛГ»

ЕДИНСТВО —

Группа участников совещания в Баку — А. Сулакаури, Т. Ахтанов, Н. Байрамукова, М. Ибрагимов, Л. Каюмов, М. Дильбази, Н. Джусойты, Дж. Икрами, С. Агабабян — на морских нефтепромыслах на острове Песчаном.

1. РАДОСТЬ ОБЩЕНИЯ — РАДОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Открывая совещание, первый секретарь правления Союза писателей Азербайджана Мирза Ибрагимов говорил:

«История любого народа, большого или малого, ярко свидетельствует о том, что передовые мыслители и писатели никогда, ни в одну эпоху не замыкались в узконациональных рамках. Они стремились к тем горизонтам, на которых сверкают разум и талант всех народов, всего человечества. Однако — на протяжении веков старое общество, классы эксплуататоров старались задушить передовую мысль, разъединить народы, противопоставить их один другому. Мы знаем, что это им далеко не всегда удавалось. Свет человеческого гения неистребим, как солнце. Он способен преодолеть горы и ущелья, ворваться в мрачные темницы.

Величие и гуманистическая основа советского общественного строя, коммунистической идеологии заключаются в том, что они обратили эту стихийную историческую тенденцию взаимодействия литератур и литераторов в непреложный закон жизни и культурного развития наших народов.

Именно благодаря тому, что советские народы, стоявшие до революции на разных ступенях развития, учатся сегодня друг у друга, помогают друг другу, они сумели за небольшой исторический срок подняться на общую высокую ступень культуры. Даже народы, не имевшие в прошлом своей письменности, вырастили таких писателей, чьими произведениями гордится вся мировая литература. И это — плоды нашего общения, нашей писательской учебы друг у друга. Это — великий путь, по которому мы пойдем и дальше, к новым достижениям!»

Если общие черты многонациональной советской литературы отражают единство исторической судьбы братских советских народов, единство социально-философских и нравственных основ нашей культуры, ее коммунистическую партийность и интернациональную сущность, то национальное своеобразие литературы каждой республики есть выражение самобытности народа и его культурных традиций. Следует подчеркнуть, что и первое, и второе — равно необходимые факторы, ибо только их органическим сочетанием обеспечивается постоянное и плодотворное сотрудничество литератур в русле единого литературного процесса.

Подчеркивая, что процесс взаимодействия литератур чрезвычайно сложен и многогранен, участники совещания подробно и конкретно говорили о той важной, решающей роли, какую сыграла в становлении и развитии литературы в их республиках русская литература.

«Современная киргизская литература развивалась не на голом месте, — говорил критик К. Бобулов (гор. Фрунзе). — Но ее история, ее художественный опыт в прошлом — это традиции устного народного творчества. Поэтому вся система художественно-изобразительных средств киргизской литературы в период 20—30-х годов крепко связана с традициями фольклора. Однако опираясь лишь на собственные устнопоэтические традиции, она не могла бы справиться с теми трудностями и задачами, которые стояли перед ней в период становления. Тут киргизские писатели обратились к богатому опыту русской классической и советской литературы».

Развитие взаимоотношений киргизской литературы с русской, о чем говорил К. Бобулов, в некоторых существенных чертах типично не только для младописьменных литератур. В частности, имеет общее значение прозвучавшая в выступлении киргизского критика мысль о необходимости четкой периодизации этого процесса, так как влияние русской литературы в разные годы различно, особенно, если сравнивать 20—30-е годы с нынешними. И дело тут не только в изменении, так сказать, «именных ориентиров», то есть какие конкретно русские писатели и в какое время оказывали влияние на литературы народов СССР, но и в том более общем явлении, которое, по мнению участников совещания, состоит в постепенном выравнивании эстетических уровней советских литератур.

В этой качественно новой литературной ситуации, как отметила Г. Алибекова (Баку), русская словесность сохраняет свою ведущую роль. Однако с дальнейшим прогрессом братских литератур будет возрастать их «отдача», как говорил критик С. Асадуллаев, шире и заметнее скажется влияние наиболее крупных мастеров литератур народов СССР на русских писателей.

Сегодня важно и другое: быстро развиваются литературные взаимосвязи непосредственно между республиками. Конечно, эти связи и прежде имели серьезное значение. Так, красочную «цепочку» нарисовал в своем выступлении прозаик из Узбекистана Примкул Кадыров:

«Лет 50 тому назад у нас не было полнокровной реалистической прозы. В начале 20-х годов появился первый узбекский исторический роман «Минувшие дни» Абдуллы Кадыри. Конечно, автору очень помог творческий опыт великих русских реалистов, а также опыт азербайджанских и татарских прозаиков Дж. Мамедкулизаде и Галимджана Ибрагимова, которые раньше нас вступили на путь реализма. Творчески восприняв эти традиции, А. Кадыри создал совершенно оригинальный роман, который, как вспоминал Мухтар Ауэзов, произвел на него неизгладимое впечатление. А опыт казахского писателя увлекает Чингиза Айтматова, назвавшего на страницах «Литературной газеты» М. Ауэзова своим учителем. Теперь уже мы, новое поколение узбекских писателей, учимся у М. Ауэзова и Ч. Айтматова показывать жизнь своего народа в столь же ярких национальных красках. При этом мы чувствуем в их замечательном опыте теплоту и той узбекской искры, которая в далекие от нас годы со страниц романа А. Кадыри запала в душу нашего брата-казаха».

Так было. Но в последние годы, как подчеркнул поэт из Белоруссии Нил Гилевич, взаимосвязи братских литератур значительно расширились и усложнились.

В таких условиях, чрезвычайно богатых разнообразной художественной «информацией», новое, более важное значение приобретает активность самого писателя: что он видит, что он отбирает. Об этом на совещании интересно говорила З. Кедрина (Москва). Она подробно рассказала о том, какое значительное и заметное влияние оказало на М. Ауэзова глубокое знакомство с жизнью народов современной Индии, где он неоднократно бывал.

«Об этом, — говорит критик, — М. Ауэзов писал в своих очерках. И Айслу, героиня его последнего романа «Племя младое», — новое явление в творчестве писателя, сложно опосредованное индийскими впечатлениями».

«Сегодня, — подчеркнула далее З. Кедрина, — когда поток художественной «информации» идет не к одному-двум избранным, как в дореволюционном прошлом (примерно по формуле Достоевский — Чокан Валиханов), а широким фронтом, от всех ко всем, — взаимосвязь определяется уже выбором самого художника».

О противоречивом характере современной зарубежной культуры, о необходимости бескомпромиссного отношения к чуждым нам веяниям говорил азербайджанский прозаик Анар.

«Советская литература не может относиться без интереса к тому лучшему, что создается мастерами культуры на Западе и на Востоке, — говорил Анар. — И в то же время мы не должны забывать, что за рубежами нашей Родины у нас есть не только друзья, но и сильный, коварный идеологический противник.

Мы должны с вниманием относиться к тому, что расширяет наши представления о мире, но решительно бороться с чуждыми влияниями. На наших экранах иногда появляются фильмы стран Востока. Я не говорю о фильмах, которые показывают борьбу угнетенных народов против современного колониализма. Нет, речь идет о душещипательных мелодрамах, о таких фильмах, как «Цветок и камень», «Женщина в белом», «Любовь и слезы», «Женщина без прошлого». Заключенный в этих кинокартинах яд буржуазной идеологии действует более тонко, чем в открытых пропагандистских формах. И подобные фильмы могут повлиять на часть публики, которая, насмотревшись их, затем ожидает уже и от советских фильмов той же самой «душещипательности».

Есть смысл поговорить и об издержках внутрисоюзного литературного общения, хотя, конечно, в совершенно ином плане. Разговор на совещании коснулся вопросов писательской «учебы» у мастеров более развитой русской советской литературы.

Т. Ахтанов (Алма-Ата) говорил о том, что иные писатели берут у более развитой литературы не самое лучшее, «осваивают» то, что лежит на поверхности, легко поддается. Такая «учеба» приводит неизбежно не только к потере национальной самобытности, но и к нивелировке писательской индивидуальности.

Мысль о том, что в процессе литературной учебы писатели не должны забывать о плодотворных традициях своей родной литературы, нашла свое развитие и в выступлениях критиков А. Дадашзаде, Г. Бабаева и поэта Наби Хазри (Баку).

Критик Джалал Мамедов (Баку) приводил примеры плодотворной учебы азербайджанских писателей у русской советской литературы.

Так, по его мнению, «Половодье» Мехти Гусейна «было написано под самым непосредственным влиянием фадеевского «Разгрома».

Однако современные молодые азербайджанские писатели, даже и талантливые, не всегда умеют, по мнению критика, ориентироваться на то лучшее, что есть в русской прозе. В результате появляются книги, в которых большие достоинства соседствуют с серьезными недостатками. Примером такого «неровного» произведения Дж. Мамедов считает известную трилогию Акрама Айлисли «Люди и деревья».

2. ИНСТРУМЕНТ ЕДИНСТВА, ЗЕРКАЛО МНОГООБРАЗИЯ

В том, что единая многонациональная социалистическая литература сложилась и успешно развивается, есть бесспорная заслуга художественных переводов. Как известно, СССР занимает в мире ведущее место как по практике художественного перевода (то есть в смысле размаха и систематизации этой работы), так и в отношении ее теоретической разработанности.

Перевод стал важным инструментом единства советских литератур и одновременно — зеркалом их многообразия. Не случайно поэтому, что потребность в переводах все увеличивается. Участники совещания (Имант Аузиньш из Латвии и другие) обращали внимание на необходимость расширить прямые переводческие связи между республиками и в то же время повысить качество переводов на русский язык, говорили о желательности изучения переводчиками тех языков, с которых они переводят, чтобы не пользоваться «подстрочником».

Последняя проблема, которой коснулся на совещании поэт Расул Рза (Баку), становится все более популярной в теоретических дискуссиях, хотя на деле все остается пока без изменений. Дело, видимо, в том, что талант переводимого поэта нуждается в таланте поэта переводящего — только такие «встречи» обеспечивают успех дела. Великолепные переводы — результат и собственной поэтической одаренности переводчика, и его умения овладеть тайной «чужого» таланта. Но талант, как известно, — редкость, и не ждать же поэтам, пока народятся талантливые и знающие языки переводчики?! Тем более что практически требуется талантливый поэт-полиглот, так как переводы на русский делаются со всех языков народов нашей страны.

Русский язык в советское время стал одним из ведущих мировых языков и в то же время языком межнационального общения в нашей великой стране. Вот почему перевод на русский язык был и остается наиболее рациональным способом дать книге всесоюзную читательскую аудиторию. Кроме того, перевод на русский и с русского — это большая и «взаимная» литературная «школа». Не случайно поэтому К. Бобулов, говоря о выдающемся киргизском поэте А. Осмонове, связывал его успехи с переводческой работой с русского:

«Осмонов, умерший в 1950 году в возрасте 35 лет, в свое время многое сделавший для киргизской поэзии, — классический переводчик на киргизский язык «Евгения Онегина», «Витязя в тигровой шкуре», «Отелло», поэм Низами и Неэон».

Об особом значении русских переводов свидетельствует «от обратного» и пример, приведенный Н. Гилевичем.

«Далеко не все переводы на русский язык соответствуют уровню оригинала, — говорит он. — При всем чувстве благодарности русским товарищам - переводчикам, при всем уважении к их труду об этом надо говорить откровенно. Не везет, например, Пимену Панченко... В стране он еще по-настоящему не открыт, хотя издано много его книг в переводе на русский». Н. Гилевич подчеркивает: «В практике переводов из братских литератур на русский прежде всего важны вопросы отбора произведений для перевода и качества самих переводов — ведь именно по ним обычно и судят о творчестве писателя во всех остальных республиках».

Эту мысль поддержали поэт Ата Атаджанов (Ашхабад), критик Акпер Агаев (Баку). Высота требований понятна: русский язык стал вторым родным языком не только для писателей, но и для огромного числа читателей во всех республиках. Это обстоятельство, предопределяя широту кругозора и уровень эстетической грамотности читателя, имеет еще и то особое значение, что такой «двуязычный» современный читатель предъявляет повышенные требования к своей родной литературе, к своему писателю.

Т. Ахтанов не случайно вспомнил слова одного старого казахского писателя: «Когда мы начинали писать, нашими читателями были вчерашние слушатели дастанов, сказок. Теперь вы получили читателей, знакомых с мировой литературой».

Действительно, так! Но ведь то, что сегодня аттестует читателей, в еще большей мере справедливо и для писателей, в среде которых редко встретишь плохо говорящего, но еще реже — плохо читающего по-русски. В течение последних десятилетий в разных республиках появились талантливые национальные писатели, которые либо сами переводят свои произведения на русский, либо пишут их на русском, либо свободно пользуются русским языком для публицистических выступлений в центральной прессе.

О значении писательского «двуязычия» ярко говорил за «круглым столом» совещания Маеуд Муллоджанов (Душанбе). Критик, прозаик, поэт из южной Осетии Нафи Джусойты сказал:

«Нельзя развиваться без знания русского языка. Для меня русский язык — как родной. Они вместе — все равно, что два мои руки. Без каждой из своих рук человеку очень трудно. То же самое можно сказать и в отношении двуязычия. Мы должны знать русский язык, поскольку он помогает нам обогащать нашу национальную культуру и наш родной язык».

3. О ДИАЛЕКТИКЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО

Полувековая история советской литературы свидетельствует, что взаимодействия и взаимовлияния — важные рычаги, обеспечивающие ускоренное развитие и расцвет самобытных национальных литератур в СССР. Казалось бы, о чем же тут спорить, о чем заботиться и тревожиться?

Однако дело не так просто, как кажется на первый взгляд. По некоторым аспектам обсуждавшейся проблемы на совещании развернулись общие споры, а по другим имели место «дуэли» между отдельными участниками «круглого стола». Так, К. Бобулов выдвинул справедливый тезис о необходимости оценивать значение фольклорной традиции для каждой литературы отдельно, учитывая своеобразие ее нынешнего развития.

«На мой взгляд, младописьменные литературы, — говорил киргизский критик, — такие, как киргизская, якутская, сегодня больше нуждаются в «уроках» литератур с более развитыми реалистическими традициями, чем в обращении к своим национальным фольклорным истокам».

Критик В. Оскоцкий (Москва), оспаривая конкретную оценку К. Бобуловым роли и места фольклора в творчестве современных киргизских писателей, говорил:

«Фольклор предстает у К. Бобулова ответчиком за все несовершенства современной киргизской прозы, даже за неталантливость писателя. Потому и в анализе идей и образов Чингиза Айтматова ведущим оказывается мотив разрушительный: писатель разбил колыбель предшественников, отверг их традицию. Конечно же, разбил, конечно же, отверг — момент отрицания всегда содержится в прогрессирующем развитии литературы. Но в то же время разве неверно было бы сказать, что своим новаторским поиском Ч. Айтматов обновил национальную традицию, углубил и обогатил ее, дал ей новое идейно - художественное качество, наконец, сам стал национальной традицией? В пользу этого говорит и свидетельство К. Бобулова о том, что айтматовская Джамиля имела своей предшественницей одну из героинь Т. Сыдыкбекова, и еще больше — путь самого Ч. Айтматова, в чьих последних произведениях — повестях

ность новшества дано не каждому. Тут нужен большой опыт, жизненный и партийный, каким обладает секретарь обкома партии Квита в романе «Люди не ангелы».

Да, деловые качества — немаловажная основа для суждений о человеке вообще, о коммунисте в особенности. Это в свое время хорошо понимали и Глеб Чумалов и Семен Давыдов. Но в деле, в решении столь нужных и жизненно необходимых проблем, таких, к примеру, как выполнение плана, механизация и автоматизация производства, и других заботах, важно не потерять человека. А ведь случается и такое. И за это коммунист тоже в ответе.

Лектор горкома партии Иван Евдокимович Шевелев в повести А. Ананьева «Козыри монаха Григория» задумывается над судьбой Григория, который оказался вне деятельной полнокровной жизни вследствие непростительного равнодушия, чуждого нам, но тем не менее существующего под разными масками «деловитости», «занятости» более важными проблемами. Шевелев открывает для себя некоторые причины зарождения веры в бога вопреки вере в людей. Все «это, прежде всего, результат нашего равнодушия, равнодушия людей к судьбам ближних». Он не обобщал. Равнодушными оказались те, с кем судьба свела Григория в начале его жизни. По где гарантия, что такое не повторится с другими? Вот что беспокоит, граждански волнует коммуниста Шевелева.

Как кончить с подобными пережитками? Какими путями идти к душам этих людей? Эти вопросы задает себе не только Иван Евдокимович. Они всерьез волнуют героя-рассказчика повести М. Алексеева «Хлеб — имя существительное». И все, что накопилось в его сердце — свои убеждения, свою боль — он обнаруживает в пристрастном и обнаженном споре со священником отцом Леонидом.

Вести спор с таким сильным противником, как проповедник, богослов и психолог отец Леонид, и выиграть этот спор, одержать нравственную победу над ним по плечу человеку высокоинтеллектуальному, обладающему глубокими познаниями. А интеллект в человеке проявляется и в умении анализировать свои действия, оценивать их в соотнесенности с жизнью коллектива, общества, в умении видеть противоречия и сложности жизни. И кое-кого они могут испугать. Испуг порождает инертность духовную и гражданскую. Понимая это, иной человек пытается прикрыть свое состояние буквой инструкции. Но тут-то и начинается его падение. Он утрачивает связь с людьми. А вместе с тем и самое деловитость как творческий признак специалиста. И она прорастает деляческим. Порой наделенный правами, такой человек может поломать судьбы других. Вот это-то и не приемлет во вчерашнем товарище по юрфаку Лаврушине молодой следователь райотдела милиции Егор Ковалев — герой романа А. Ананьева «Межа». Нет, он далеко еще не совершенен, и у него случаются ошибки в работе. Но ему присуще умение делать правильные выводы из ошибок, из просчетов, что говорит о силе характера, о требовательности к себе, об ощущении общественной перспективы. Профессиональный, казалось бы, конфликт в судопроизводственной практике оказывается наполненным глубоко нравственным содержанием. Через него познается социальное лицо человека. В нравственном конфликте еще сильнее выявляется драма человека, подчинившего себя целиком делу, утратившего, однако, живое ощущение жизни. А утрата подчас бывает невосполнима.

Так случилось и с инженером Тепловым, который был блестящим специалистом, за что его награждали, продвигали по службе. «Но теперь вдруг Иван Антонович понял, что за всем этим не заметил, как сквозь пальцы прошла, утекла жизнь самого близкого ему человека», — пишет о своем герое С. Крутилин в повести «Косой дождь». Смерть жены беспощадно открыла, что и его жизнь прошла стороной так же, «как проходит косой осенний дождь».

Но ведь им двигали не корыстные цели, а возвышенная идея перестройки страны, покорения природы. «Но в своей увлеченности делом он часто забывал о самом близком для него человеке — Лене». И оказывается, там, где в деле исключено духовное начало, там нет и человека. А где кончается человек, там теряется коммунист. Вот главная идея повести «Косой дождь». Кстати, такая же опасность грозила и подполковнику милиции Богатенкову в романе «Межа». И он в своем безупречном служебном рвении чуть было не лишился сестры Даши, сына Николая. Но мир людей, с которым сталкивает его сама профессия, обогатил и усложнил его личность и, в конечном итоге, заставил по-другому взглянуть на близких ему людей. И тогда он сумел передать сыну историю своей жизни. И сын ощутил ее как подлинно героическую.

ГЕРОИЧЕСКОЕ в советском характере — вот то непреходящее, что наследуют молодые у старших поколений и что позволяет «старикам» оставаться всегда молодыми. И Степан Григоренко доказывает это своей работой на посту секретаря райкома. Для него время ощущается во всем созданном за эти годы. И он прошел вместе с односельчанами путь становления новой жизни в деревне. Был одним из сельских организаторов. Потом защищал Родину на фронте. Снова возводил разрушенное, вел людей на новые подвиги. Вот почему он понимает, что и нынешние дела обязательно предстанут перед взором потомков героическим подвигом современников. И ведут народ на этот подвиг, в котором люди раскрывают свои лучшие черты, коммунисты разных поколений, единые в своем стремлении приблизить коммунизм, сделать его недалеким будущим.

Раскрывая в их характерах новые черты, писатели, как и прежде, подходят к художественному решению образа коммуниста, передового человека эпохи, с позиций богатого, сложного, многогранного эстетического идеала. Но, как и прежде, главным и основным критерием этого образа остается его высокая идейность, преданность делу коммунистического строительства. Таким видят молодые строители своего старшего товарища Степана Букова. А он старается не только угадать в них людей будущего, но и воспитать их такими. Он рассказывает о том, как работал на строительстве Асуана, как передавал опыт братьям по классу, арабам, помогая им строить новую жизнь. В сегодняшних наших спорах и раздумьях о национальном и интернациональном, о любви к Родине образ Букова представляется мне глубоко принципиальным и убедительным. Эта черта характера интернационалиста воспитана в нем всем опытом советской жизни.

«...Буков обладает духовным счастливым талантом — радоваться хорошим людям, угадывать таких людей», — пишет о своем герое В. Кожевников, представляя это умение как одну из черт коммуниста. Но коммунисту в его работе нужно обладать умением разглядеть в человеке и его слабые стороны. Разглядеть и побороться за доброе в человеке.

Этим высоким партийным качеством обладает Петр Константинович Смайдов, герой романа П. Лебеденко «Льды уходят в океан». Бывший летчик, он нашел свое призвание на посту руководителя парторганизации в одном из северных портов. В самой практике работы с людьми постигал он сложность «партийной педагогики». Развенчивая индивидуалиста Беседина, парторг помогает людям понять истинное лицо этого человека, укрепляет в них добрые начала товарищеской выручки и солидарности.

А разве не трудно самому человеку преодолеть свои слабости во имя общего дела, преодолеть чувство соблазна и шагнуть выше и дальше своей производственной «карьеры»? И когда коммунист это делает, он сильнее всяких слов подтверждает свою кровную, неразрывную связь с интересами коллектива, слиянность своей судьбы с судьбами товарищей. В этом я вижу большую удачу образа Владимира Прохорова в повести М. Колесникова «Право выбора».

Владимир — рабочий нового типа. В нем органично слиты черты и рабочего, и интеллигента. Таков он теперь, советский рабочий человек. И вот ему, Прохорову, предлагают работу в Москве, ту, о которой он давно мечтал. А в это же время товарищи выдвигают его на должность секретаря партийного комитета. Как же поступить? «Я должен решить, выбрать?.. Нет. Я уже выбрал. Мне ведь только казалось, что я каждый раз выбираю между людьми и наукой. Я ведь никогда не отрывал людей от их дела, будь то техника или наука, потому что самое важное и интересное для меня — людские судьбы... Теперь я знаю, к чему готовил себя всю жизнь: вот к этой минуте!..».

В общении с народом коммунист заряжается духовной энергией, истинной мудростью, которые помогают ему преодолевать слабости и ошибки, прозревать будущее, раздвигая горизонты собственной жизни.

Так поступают сегодня коммунисты. Именно в этом со всей наглядностью проявляются ленинские нормы партийной жизни. И в этой близости к трудовому народу я вижу одну из самых ярких и самых стойких черт характера и партийного руководителя, и рядового коммуниста — моего современника. Таких людей в конце концов и называют в народе правильными, хорошими людьми.

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации О. Верейского к «Поднятой целине» М. ШОЛОХОВА, Г. Филипповского к «Костру» К. ФЕДИНА, В. Сидькина к «Сотворению мира» В. ЗАКРУТКИНА, А. Дерикского к «Соли земли» Г. МАРКОВА.

В МНОГООБРАЗИИ

«Прощай, Гульсары!» и «Белый пароход» — фольклорные мотивы все более и более расширяются».

И все-таки выступления участников совещания свидетельствовали о том, что сегодня в разных национальных литературах отношение к вековым традициям не одинаково. Так, по мнению М. Пархоменко (Москва), работы азербайджанских и туркменских литературоведов представляют два разных подхода к традиции дастана.

«Туркменские авторы, — говорит М. Пархоменко,— акцентируют внимание преимущественно на отрицательных моментах влияния поэтики дастанов на реализм современного романа, тогда как азербайджанские авторы склонны видеть в дастане прямого предшественника современного азербайджанского романа. Именно с традициями дастана связывает Г. Халилов эпопейную широту романов «Шамо» Сулеймана Рагимова и «Утро» Мехти Гусейна».

Подтверждение правильности наблюдений М. Пархоменко можно легко найти, например, в выступлении на совещании известного таджикского прозаика Джалола Икрами, с гордостью говорившего о том, что «к современному таджикскому роману неприменим известный термин «восточный роман» (в отрицательном значении). Таджикский роман — роман реалистический в полном смысле этого слова и не похож на сочинения, написанные в старом «восточном» стиле или в стиле классической дидактической прозы».

Разумеется, своеобразие местных условий и конкретных решений в литературе никак не отменяет общих для всех национальных литератур проблем. Внимание многих участников «круглого стола» привлекла проблема практического воздействия межнациональных литературных связей на самобытность литератур и, наоборот, роль национальных традиций в развитии взаимодействия литератур. Характерен тезис, сформулированный З. Кедриной: «Нам не нужно бояться, что идет влияние от одного народа к другому и что это влияние сотрет наши национальные своеобразия». Несколько иначе, осторожнее подошел к вопросу азербайджанский писатель Анар: «Здесь я вижу немало проблем, имеющих значение не только для теории, но и для нашей писательской работы. Какие достижения, открытия, формы и жанры, принадлежащие литературе одного народа, могут быть переняты литературой другого народа и в каких «дозах», чтобы этот обмен не привел к национальной нивелировке, обезличиванию?»

Итак, взаимовлияние ничем не ограниченное или все же каким-то образом «дозированное»? В обсуждении этой проблемы некоторые участники «круглого стола» не избежали «крайних» точек зрения. Так, из совершенно правильного утверждения о том, что данное совещание было призвано обсудить процесс взаимодействий и взаимовлияний национальных советских литератур, Дж. Мамедов сделал следующий вывод: «Наша забота, наша цель — искать пути и возможности, ускоряющие этот животворный процесс». Думается, однако, что такой вывод не основателен, и не случайно, что другие ораторы не согласились с ним. Именно в этом плане, как возражение Дж. Мамедову, прозвучало выступление грузинского поэта и прозаика Арчила Сулакаури:

«Для каждого из нас ясно, что нет ни одной литературы, которая бы развивалась вне взаимосвязей и взаимовлияний. Но суждение об этих вопросах и выяснение указанных связей и влияний требует особой осторожности. По моему мнению, мы не должны пытаться ускорять или подгонять процессы обновления и развития национальных традиций, так как попытки «подстегивания» в большинстве случаев приводят к полному отказу от национальных традиций, что, разумеется, противоречит нашей идее сближения национальных культур через их расцвет».

Полемике с концепцией «ускоренного стирания» национальных различий в литературе и искусстве посвятил свое выступление и критик Р. Мустафин. По мнению татарского исследователя, торопливые призывы к «ускоренному стиранию» черт культурного своеобразия, содержащиеся, например, в книге К. Гизатова «О развитии национальной формы литературы и искусства», объясняются тем, что некоторым критикам, философам и социологам национальные различия представляются факторами «разъединяющими», в то время как объединяющую роль, по их мнению, могут играть лишь общие, интернациональные черты литератур.

Очевидно, неумением разобраться в реальной диалектике национального и интернационального, недооценкой их единства объясняются и иные примитивные представления о характере взаимовлияний в литературе. В некоторых «трудах» процесс влияния одного советского национального писателя на другого представляется столь «всеохватным», что уже не остается места ни для родных традиций, ни для «влияния» самой действительности на художника, ни для собственного его таланта.

Однако имеет хождение и «обратная» крайняя точка зрения, то есть явная недооценка некоторыми литераторами плодотворности межлитературных связей, стремление ограничиться некими «первозданными ценностями». «Например, на Украине, — говорит М. Пархоменко, — возник было своеобразный культ «соломенной стрехи». В русской критике последних лет с ним перекликаются пресловутые, прозвучавшие со страниц некоторых произведений на темы колхозной жизни гимны «саврасушке», противопоставленному и цивилизации, и успехам научно-технической революции, и вообще «неоновой тьме» нашего современного города».

Интерес к традициям проявился в последнее время в виде активизации в литературе исторической тематики. Некоторые повести и романы на исторические сюжеты стали подлинным украшением национальных литератур. Но и здесь есть свои издержки. Обращаясь к прошлому, иные писатели, а вслед за ними и некоторые критики как бы забывают о классовых критериях, о том, что не все в национальном прошлом достойно гордости. В результате поверхностного отношения к истории появляются романы, от которых веет не правдой времени, но тенденциозной стилизацией. Интересно говорил об этом армянский прозаик Грант Матевосян:

«Почему, когда речь заходит о стилизации, мы в первую очередь вспоминаем произведения на исторические темы? Подобно тому, как ни одна незнакомая страна не раскрывается ни одному туристу до конца, а предстает перед ним только внешне броскими сторонами, так и автор, пишущий на исторические темы, если он не понял эпоху, вынужден поневоле показывать жизнь обедненно и поверхностно. Тут и приходит ему «на помощь» стилизация».

Выступивший на совещании прозаик Андрей Битов (Ленинград) справедливо поставил вопрос о том, что в век необычайно бурного научно-технического прогресса писатели должны особенно настойчиво выступать за права «человеческого сердца», против пренебрежительного отношения к искусству, против «разбазаривания» не только природы, но и культуры, особенно культуры языка, художественного слова.

Критик Р. Бадалов (Баку) поддержал выступление ленинградского писателя, хотя в этом выступлении были и спорные моменты. К последним относятся, например, такие фразы А. Битова, в которых традиции выглядят набором внешних, «экзотических» примет.

Неверное понимание национальных традиций проявляется, как рассказал искусствовед М. Наджафов (Баку), и в том, что иные критики признают лишь стилизацию под архаику, отказывая в национальном своеобразии современной реалистической живописи.

Споря со сторонниками формального следования традициям, Н. Байрамукова (Черкесск) сказала:

«Ни одного писателя, идеализирующего старину, не заставишь нынче жить в избе с «доброй» русской печью или в сакле, носить воду из колодца или из речки экзотическим горским кувшином на голове, ходить в лаптях или чабурах, наслаждаться застоявшимся запахом кислых щей, овчины или кизячного дыма и грызть сухой чурек, хотя умиление чем-то подобным за последние годы в литературе стало появляться. «Национальные истоки» — не то грубое, неуклюжее в чем бы то ни было, к чему народ принужден был прибегнуть из-за нищеты и невежества, а та сила духа и мудрость народа, которые никогда и ничем не могут быть заменены. Такие истоки ни в чем не противоречат современности — ни в быту, ни в искусстве, точнее — они сами всегда современны. В свою очередь ни космические корабли, ни высотные дома, ни асфальтовые улицы в городе и деревне не только не «призваны» изгонять названные истоки, но и ни в чем не помеха им».

Ту же мысль полемически заостренно высказала и З. Кедрина:

«Когда я прочитала стихотворение одного поэта, как он спал в избе, где шмыгали тараканы, и умилялся, что он приобщился к народной жизни, меня это возмутило. На приобщаться к тараканам надо, а бороться с ними!». Критик далее утверждала, что «народу нет нужды реставрировать древнее, отжившее, но сохранение и развитие животворных национальных традиций необходимо и нам, и нашей социалистической культуре в целом, потому что ее красота и многообразие складываются из того лучшего, что создал каждый народ и что развито у нас на социалистической основе».

О необходимости правильного общетеоретического осмысления диалектики общего и особенного, четкого понимания того, что общее никоим образом не отменяет особенного и не заменяет его, не вытесняет, говорил азербайджанский эстетик А. Эфендиев:

«Под единством диалектика подразумевает не голое, очищенное от всего конкретного единство, а единство в многообразии, то есть единство, включающее в себя всю конкретность особенного и единичного. В таком понимании взаимосвязь интернационального и национального проявляется не как сумма первого и второго, а как взаимосвязь общего и особенного. При этом общее на существует без особенного, и наоборот».

К сказанному следует добавить, что отношения общего и отдельного раскрываются в марксистской диалектике как отношения части и целого: «всякое общее есть... частичка или сторона... отдельного», «общее существует лишь в отдельном...» (В. И. Ленин, «Философские тетради»).

4. ОТСТАЕТ ЛИ КРИТИКА?

Отметив большие заслуги ученых старшего поколения — К. Л. Зелинского, Л. Н. Новиченко, Г. Н. Ломидзе, М. Н. Пархоменко, З. С. Кедриной, киргизский критик К. Бобулов подчеркнул: «Это отнюдь не означает, что все проблемы разрешены и остается только умело списывать в свои диссертации чужие мысли. Жизнь идет вперед, развивающаяся литература ставит перед нами, критиками, новые неотложные задачи».

Какие же это задачи?

Многие участники совещания в Баку сошлись на том, что одна из важнейших проблем, решаемых сегодня и критикой, и теорией литературы, и философией, и социологией, — это проблема соотнесенности национальной психологии и эстетики. Иначе говоря, соотношение философской и социологической категории национального характера с эстетической категорией национального своеобразия литературы. С. Агабабян (Ереван) указал на сложности практического характера в раскрытии этой проблемы:

«Очень трудно наглядно-фактологически показать, как национальная психология становится эстетическим содержанием. Трудно обнаружить этот незримый переход и сформулировать его. Но тем не менее мы убеждены, что этот переход национального в эстетическое — не миф, как кажется некоторым законодателям «эстетического свободомыслия», а одна из решающих предпосылок обогащения художественного мира».

По-разному подходя к данной проблеме, участники совещания развили по сути совпадающие концепции национального характера как основы эстетической самобытности литератур. Проиллюстрируем это тремя примерами.

С. Агабабян: «Национальная психология — не продукт какой-то консервации, не «оранжерейное производство», а исторически развивающаяся и социально обогащающаяся субстанция постоянно обновляющегося национального бытия».

В. Оскоцкий: «Характер литературного героя раскрывается как национально-своеобразный не «сам по себе», не в силу предопределенных и извечных психологических «примет», но только в конкретном своем бытовании, в непременном соотношении с действительностью народного бытия, в преломлении через социально-исторический опыт нации».

А. Эфендиев: «Национальное, по нашему мнению, обнимает как содержание, так и форму литературы. С этих позиций большую важность приобретает проблема национального характера. Некоторые критики и эстетики считают неправомерной постановку вопроса о национальном характере в литературе социалистического реализма. Они считают, что социальная однородность и единство советского народа исключают возникновение сугубо национальных черт характера. Что такое национальное, спрашивают они. Если это то или иное свойство темперамента, иронизируют такие теоретики, то у всех наций есть люди с различными темпераментами.

Но, возражая против действительно поверхностных определений, иные критики не прочь отрицать и вообще всю сложнейшую проблематику национального характера. Конечно, дело вовсе не в том, что азербайджанец горяч или русский добродушен. Каждая личность формируется под влиянием тех или иных конкретных условий, и в этом смысле национальный характер, изображенный в искусстве, концентрирует в себе особенности национальной жизни. Так, скажем, трагедия Григория Мелехова не может быть объяснена без учета конкретно-исторических особенностей донского казачества. Без анализа условий жизни донского казачества, к которому принадлежит Мелехов, совершенно невозможно понять психологию, своеобразие отношения к миру, порывы, смятения, зигзаги и конечную трагедию этого человека. Или возьмите героев романа-эпопеи Алексея Толстого «Хождение по мукам». Перед нами не абстрактный образ интеллигенции, а конкретно-исторический национальный образ русского интеллигента, сложными путями идущего к революции.

То же самое относится к таким классическим произведениям азербайджанской советской литературы, как «Севиль» и «Алмас» Дж. Джабарлы.

Все это говорит о том, что национальный характер необходимо искать не в случайных проявлениях психологии, темперамента и тому подобных свойств героев, а в типических обстоятельствах, формирующих типические характеры».

Попытки с наскока определить национальный характер, национальную самобытность, «предсказать» дальнейшую судьбу той или иной нации, ее культуры, ее языка стали объектом острого анализа в выступлении критика Э. Елигулашвили (Тбилиси).

Следующая серьезнейшая задача нашей критики — и в этом вновь были единодушны все участники «круглого стола» — решительный поворот к сравнительному изучению литератур народов СССР.

Такой поворот уже намечается, но пока только в капитальных исследованиях отдельных ученых. Азербайджанский литературовед Б. Набиев рассказал в связи с этим о достижениях и недостатках работы своих земляков.

«Пора уже всем нам, — сказал он, — перейти к исследованию и обобщению основных закономерностей развития литературных взаимосвязей так широко, как это делается в ряде трудов Г. И. Ломидзе (Москва), в монографии К. Касумзаде «Национальное и интернациональное» (Баку), Юлдуз Нигматуллиной «Национальное своеобразие эстетического идеала» (Казань), Расима Юсуфова «Русский романтизм начала XIX века и национальные культуры» (Махачкала), и др.».

О пробелах белорусской литературной науки в исследовании вопросов взаимодействия и взаимовлияния литератур говорил Н. Гилевич. Нельзя не согласиться и с серьезными замечаниями А. Сулакаури в адрес отдельных критиков, которые, впервые сталкиваясь с той или иной братской литературой и отрецензировав всего две-три, а то и одну книгу, выносят безапелляционные приговоры этой литературе в целом, не разобравшись как следует ни в ее богатых традициях, ни в многообразии ее нынешних поисков, в ее реальных достижениях и недостатках.

Участники совещания говорили и еще об одной задаче советских литераторов.

«Наши идеологические противники в своих «исследованиях», — сказал узбекский литературовед Л. Каюмов, — описывают дело так, будто в нашей литературе до революции имелись кое-какие национальные особенности, а за годы Советской власти эти особенности были утрачены. С подобными клеветническими утверждениями буржуазной науки мы, советские критики и литературоведы, должны бороться тем более решительно и последовательно, что наши идейные враги ведут такую пропаганду по всем каналам и всеми видами идеологического оружия».

Долг советских писателей состоит в том, чтобы уметь дать своевременный отпор подобным концепциям, разоблачая их политическую фальшь и научную несостоятельность.

***

Советская литература развивается по пути укрепления единства в многообразии, отвечающему социалистической природе нашего многонационального государства. На этом пути за последние годы во всех республиках появились новые значительные произведения, обозначился заметный рост писательских отрядов, связи между которыми расширились и упрочились.

Все это ставит перед критикой, исследующей современный литературный процесс, новые и сложные задачи. Большой и серьезный разговор, состоявшийся на совещании в Баку, по общему мнению его участников, будет содействовать более углубленной разработке одной из важнейших сторон литературного процесса — вопросов взаимодействия и взаимовлияния литератур народов СССР.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

П. А. БАЙДЕБУРЕ — 70 лет

Писателю П. Байдебуре исполнилось 70 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Павел Андреевич! Сердечно поздравляем Вас, талантливого украинского прозаика, с семидесятилетием со дня рождения.

С момента выхода Вашей первой книги прошло сорок лет. За это время Вы опубликовали около тридцати сборников очерков, рассказов и повестей, в которых воспета революционная, трудовая и воинская героика Ваших замечательных земляков — шахтеров Донбасса. Ваши книги, выходившие в Москве, Киеве и Донецке, пользуются заслуженной популярностью в широких кругах читателей. Ценным вкладом в художественную Лениниану родного Донбасса являются Ваши рассказы «Были у Ленина», «Шахтерские посланцы» и др.

Сам в прошлом донецкий шахтер, студент комвуза, участник Великой Отечественной войны, многолетний руководитель писательской организации Донбасса и член Донецкого обкома КП Украины — таковы вехи Вашей трудовой, творческой, ратной и партийной биографии.

От всей души желаем Вам, дорогой друг, доброго здоровья, счастья и новых творческих успехов».

А. С. САРМЕНУ — 70 лет

Исполнилось 70 лет известному армянскому поэту А. Сармену. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по армянской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Арменак Саркисович! Примите наши искренние поздравления и добрые пожелания в связи со славным Вашим юбилеем — семидесятилетием со дня рождения и пятидесятилетием творческой деятельности.

Мы знаем и ценим Вас как одного из ветеранов советской армянской поэзии, автора многих талантливых лирических и гражданских стихов, песен, произведений для детей, обогативших советскую армянскую литературу. Ваше творчество пользуется заслуженной популярностью в народе.

Желаем Вам, дорогой Арменак Саркисович, крепкого здоровья, бодрости, новых больших творческих успехов во славу советской многонациональной литературы».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

«АНТИЛИТЕРАТУРА»: КОМУ ОНА СЛУЖИТ?

В. ЩЕРБИНА

ПЕРЕДОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ВСЕГДА ПРОПАГАНДИРОВАЛА ВЫСОКИЕ ИДЕАЛЫ, ФОРМИРОВАЛА ЛИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА-БОРЦА, ЧЕЛОВЕКА-ГРАЖДАНИНА. ИДЕОЛОГИ ИМПЕРИАЛИЗМА ПЫТАЮТСЯ УВЕСТИ ЛИТЕРАТУРУ ОТ РЕШЕНИЯ ОСТРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ОБЛАСТЬ РЕАКЦИОННОГО МИФОТВОРЧЕСТВА. ПУБЛИКУЕМАЯ СТАТЬЯ ПОСВЯЩЕНА РАЗОБЛАЧЕНИЮ СОВРЕМЕННЫХ «ТЕОРИЙ» БУРЖУАЗНОЙ ЭСТЕТИКИ.

ПОЧЕМУ социалистическая идеология глубоко плодотворна для культуры? Потому что она отвечает объективным законам ее развития. Потому что она содействует поступательному движению литературы и искусства.

Многие авторы тенденциозных антисоциалистических работ обычно противопоставляют идеологию внутренним законам искусства. По их мнению, эстетическая природа искусства чужда какой-либо определенной системе идей, якобы неизбежно сковывающих свободу творчества, естественность и полноту мировосприятия художника.

Отчуждение литературы от идеологии проявляется в различных формах, не только прямых, но и косвенных. Таков, скажем, прежде всего смысл воззрений, усматривающих непосредственный и решающий фактор художественного движения современности лишь в научно-техническом прогрессе. Литература, в соответствии со этой односторонней концепцией, остается наедине только с воздействием производственно - технических атрибутов нашей эпохи, отрешается от духовной культуры в широком смысле слова. Отсюда неизбежно возникают концепции духовной и эстетической интегрированности, нивелировки, как якобы всеобщего процесса современности.

Односторонность такой концепции прогресса в XX веке чувствовали и чувствуют многие передовые зарубежные писатели. В дискуссии с буржуазными социологами И. Бехер утверждал такое представление о XX веке, которое видит в нем прежде всего эру новой человечности, возвещенной социалистической революцией. «Век техники, — говорит поэт, — это определение, которое игнорирует общественную особенность нашего века: он должен называться «человечным веком», веком Великой Октябрьской социалистической революции».

Напротив, даже внешне противостоящие друг другу «эволюционистские» и «культрареволюционные» течения буржуазной мысли ссылаются тем не менее на одну первооснову — на особенность современного «индустриального общества». И на этой почве вырастают различные однобокие антисоциалистические концепции. Вслед за авторами теории конвергентного развития культуры в индустриальных обществах Р. Ароном, З. Бжезинским, У. Ростоу миф о стирании идеологических противоречий усиленно распространяют также литераторы ренегатско - ревизионистского толка: Э. Фишер, Р. Гароди и их приспешники. Например, Э. Фишер всячески варьирует тезис о неприменимости к проблемам литературы социально-идеологических критериев, о некоем универсальном единстве современной культуры. Так, всякая идеология для Фишера — «фальшивое сознание» независимо от того, социалистической или буржуазной она является по своему содержанию.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ эстетика отвергает всякие виды отождествления литературы с другими формами общественного сознания, растворение ее в отвлеченных политических и этических категориях. Версию о подчиненности художественного творчества умозрительным идеологическим схемам усиленно приписывают советской литературе и искусству наши политические противники. Это они демагогически упрекают советское искусство в подмене познавательно-эстетической природы искусства суммой абстрактных идеологических понятий.

В последние годы на Западе все чаще наблюдается стремление противопоставить эстетическим взглядам В. И. Ленина, его воззрениям на роль культуры в общественной жизни концепции А. Богданова, будто бы являвшиеся образцом творческих исканий, пролагавших пути новаторскому искусству. Профессор Калифорнийского университета Фредерик Лидж опубликовал в журнале «Славик ревью» статью, в которой пытается доказать «прогрессивность» взглядов Богданова по сравнению с «консервативностью» взглядов Ленина. Для Ленина главным, по словам этого «теоретика», якобы было всего лишь распространение существующей культуры, а не создание новой. Напротив, умозрительные конструкции Богданова изображаются Лиджем основой «новаторских» исканий. Но всякому мало-мальски знакомому с наследием В. И. Ленина ясно, что подобные представления беспардонно искажают истину.

Идеи А. Богданова, как и его романы («Инженер Мэнни», «Красная Звезда»), могут служить лишь примером примитивной и вульгарной идеологизации литературы, подавления художественного творчества предвзятыми отвлеченными схемами. Они получили отрицательную оценку со стороны Ленина, увидевшего в них все тот же махизм, лишь облеченный в беллетристическую форму.

Итак, ревизионисты и откровенные ренегаты наших дней яростно отвергают самое правомерность понятия идеологии. В их трактовке все сферы политики и культуры навязчиво подчиняются ложным, предвзятым схемам. В области эстетики они выступают против реализма, всячески демонстрируют свою приверженность к различным видам мифотворчества, то есть подчиняют искусство набору своего рода извечных «моделей», якобы всегда лежащих в основе художественного творчества, всей духовной деятельности человечества.

ТЕМА «литература и культура» постоянно находилась и находится сейчас в центре внимания крупнейших писателей XX столетия, так как определяет место литературы в духовной жизни эпохи, выбор художником своей позиции в борьбе социальных сил.

В современном мире назначение литературы проявляется по-разному. В одних случаях она предстает как могучая формирующая, духовно обогащающая сила, в других — как фактор обеднения, стандартизации или искажения личности. Если произведения прогрессивной литературы сближают человека с культурой, то реакционная литература разъединяет их, включает в сферу псевдокультуры, духовно обедняет личность или калечит.

Многие литературные явления остаются вне сферы культуры, оказываются на деле чуждыми и часто враждебными подлинной культуре. Таковы прежде всего реакционные литературные течения, а также поток ремесленнической стандартной продукции и «массовой» культуры, получивший широкое распространение в мире капитализма.

В арсенал современного литературоведения в последние десятилетия вошли такие специфические термины, как «антилитература», «антиискусство». Однако они часто трактуются со знаком «плюс», выдаются за атрибуты некоей, якобы самой утонченной, самой высокой культуры, наиболее соответствующей современному мировосприятию. Действительно, модернизм наших дней широко обращается к этим терминам. Но подлинный, негативный смысл этих понятий в развитии всей духовной жизни будет раскрыт, если определить их еще одним термином: «антикультура». Ведь именно такова объективная природа «антилитературы», «антиискусства» и других родственных им явлений, выполняющих функцию разрушения основ культурного бытия современности.

В настоящее время на Западе широко распространяются концепции, разъединяющие искусство и культуру, провозглашающие их несовместимость, даже враждебность друг другу. Истоки таких концепций большей частью заложены в трактовке природы искусства как явления будто бы иррационального и внесоциального, берущего начало в неизменных глубинах человеческого подсознания.

В свете модных сегодня за рубежом неофрейдистских воззрений литература предстает как арена борьбы человека с культурой, его протеста против гнета общества, духовных норм и традиций последнего. Типичны в этом смысле суждения американского теоретика искусства Лайонела Триллинга. В книге «Вне культуры» Лайонел Триллинг развивает взгляды, изложенные в его предшествующих работах «Либеральное воображение» и «Сопротивляющееся «Я». Согласно его концепции современная литература находится в состоянии «постоянной борьбы с культурой» — со сложившимися духовными устоями и ценностями, с нормами общественной морали и эстетики. Назначение литературы и искусства усматривается в «освобождении индивидуума от тирании культуры», в праве встать вне ее, быть автономным в своем восприятии и суждении». В наследии Дж. Конрада, Т. Манна, Ф. Достоевского, Л. Толстого Триллинг пытается отыскать моменты, совпадающие с утверждением о том, что сущность современной литературы заключается в борьбе против социальных связей. Современная литература, по его мнению, борется за свободу не от определенного, именно — буржуазного общества и его культуры, а за свободу от всякого общества, от культуры вообще.

Идея всеобщего отрицания культуры глубоко проникла в сознание некоторых кругов «новых левых», особенно бунтующей молодежи. Например, дух анархического всеотрицания отличает ряд выступлений западногерманского журнала «Курсбух», отражающего настроения «новых левых». Сам издатель этого журнала Ганс Энценсбергер широко известен своей социально заостренной поэзией и драматургией. В то же время программа его журнала «Курсбух» при своей сверхлевизне отличается склонностью к сочетанию разного рода псевдореволюционных, анархистских и вульгаризаторских взглядов. Для журнала характерно отождествление культуры с буржуазным сознанием, призывы отбросить литературу, поскольку она якобы служит капиталу, выполняет в классовой борьбе «отвлекающую функцию».

Во многом подобные экстремистские воззрения на культуру — увлечение ультралевой модой. Нельзя, однако, не видеть, что нигилистическое отрицание культуры вообще, так же как и противопоставление ее литературе и другим видам духовного творчества, — продукт не революционного сознания, а модного всеобщего анархического «критицизма», мелкобуржуазного бунта, отвергающего все и вся.

Причины беспощадного отрицания литературы и других видов искусства, противопоставления человека культуре заложены в противоречиях бытия и сознания капиталистического общества. Истоки этих причин различны и требуют дифференцированного подхода, глубокого и конкретного анализа. Но ясно одно: эксплуататорское общество не в силах разрешить противоречия между органической потребностью людей в высоких и глубоко человечных ценностях литературы, искусства, дающих ответ на больные вопросы жизни, и реальным качеством «массовой» культуры.

ИНТЕНСИВНОЕ развитие подлинно большого народного искусства — отличительная черта культуры социализма. В проекте Директив XXIV съезда сказано: «В целях более полного удовлетворения духовных потребностей народа обеспечить дальнейшее развитие печати, телевидения, радио, литературы и искусства, укрепление материально-технической базы учреждений культуры». В этих лаконичных строках — перспективы дальнейшего подъема духовной жизни нашей страны, реализация ленинской программы культурной революции, той программы, которая и ныне выполняет роль истинного и надежнейшего маяка для всей прогрессивной культуры в сегодняшнем нашем бурлящем и сложном мире.

ВСТРЕЧА С МИХАИЛОМ ШОЛОХОВЫМ

О Михаиле Александровиче Шолохове, коммунисте, члене ЦК КПСС, депутате Верховного Совета СССР, Герое Социалистического Труда, лауреате Ленинской премии, мы все-таки знаем не в той степени, в какой хотелось бы... И совсем не неожиданно, что будни певца тихого Дона так же интересны и поучительны, как и сами произведения Михаила Шолохова.

Именно об этих буднях мы и узнаем из книги ростовского писателя М. Андриасова «Сын тихого Дона», выпущенной издательством «Советская Россия».

В книге рассказывается о дружбе Шолохова с грузинскими чаеводами и виноделами, с колхозниками и деятелями культуры Армении, Казахстана, Украины, Белоруссии. Интернациональную миссию Шолохова — советского человека, коммуниста — М. Андриасов подчеркивает во многих главах своей книги.

Шолохов — борец за мир, выступающий против войны, против варварских налетов американских бомбардировщиков на мирные села Вьетнама. Мы читаем послание Шолохова президенту США Джонсону. Это послание короткое, но впечатляющее своим призывом к внутренней совести, к ответственности перед человечеством... «...Коммунист Шолохов всегда говорит как коммунист», — подчеркивает М. Андриасов.

Основными героями шолоховских произведений являются люди труда: крестьяне и рабочие. М. Андриасов раскрывает перед нами волнующие встречи Шолохова с представителями рабочего класса.

Много страниц книги «Сын тихого Дона» отведено раскрытию деятельности Шолохова — народного депутата. Безотказность писателя — практическую помощь трудящимся и целым организациям, его гуманное отношение к людям — М. Андриасов показывает на многочисленных примерах, взятых из будней Шолохова.

Автор, например, пишет о том, «как еще лет тридцать пять назад молодой Шолохов помогал молодому, только что становившемуся на ноги вёшенскому колхозу».

Рассказ ведется от лица очевидца, человека, обратившегося к писателю за помощью.

— На хозяйственные дела нам нужны были деньги. Колхозная касса пуста. Где их взять? Колхозники посоветовали мне: «Сходи к Шолохову. На соседней улице живет. Он человек простой. Последним поделится». Пошел. Встретил он меня запросто, как старого знакомого. С интересом расспрашивал о колхозных делах. Тут я и высказал ему нашу просьбу. Горячо откликнулся и выручил нас. Да и после не один раз помогал нам. Помню, окрестные крестьяне часто шли к Шолохову со своими делами, обидами, шли за советом, за помощью...

Книга М. Андриасова — это книга о встречах Михаила Александровича с самыми различными людьми, населяющими нашу планету. Здесь и немецкая писательница Анна Зегерс, и парагвайский поэт Эльвио Ромеро, и французский писатель Андре Вюрмсер, и финский прозаик Мартти Ларни, и австралийская писательница Катарина Сусанна Причард, и многие, многие другие.

Интересны в книге М. Андриасова рассказы о встречах с советскими людьми — героями шолоховских произведений. Со страниц они говорят о себе, и не только в прошедшем времени, а и в настоящем.

Книга М. Андриасова еще более приближает Шолохова к читателю, и в этом ее главная заслуга.

В. ЩЕРБАКОВ

СЮЖЕТ ДЛЯ РАССКАЗА

ДАВЫДОВ, РОВЕСНИК ДАВЫДОВА

Мне легко писать об этом человеке — мы давно с ним знакомы и не раз подолгу говорили о жизни. Но мне одновременно трудно писать об этом человеке, потому что писать о нем — значит, писать обо всей истории нашего завода-гиганта.

Прежде всего мой герой — не только однофамилец, но и ровесник шолоховского Давыдова, того самого балтийского матроса Семена Давыдова.

В отличие от шолоховского, «моего» Давыдова зовут Михаилом — Михаилом Яковлевичем. Он слесарь бывшего Краснопутиловского, а ныне Кировского завода. И в этом, казалось бы, случайном совпадении есть что-то не случайное, просящееся, что называется, на бумагу.

Когда первые книжки «Поднятой целины», сразу раскупленные, завернутые бережно в газеты, передавались из рук в руки, краснопутиловцы искали Давыдова в своих цехах. Они вглядывались в лица товарищей, они обсуждали каждого. Они чувствовали, что Давыдов похож на кого-то из них — так знаком и так он близок. И, может быть, поэтому взгляды многих останавливались на Михаиле Яковлевиче...

Героизм трудовых будней тех дней питал новую, пролетарскую литературу. О слесаре-сборщике Михаиле Давыдове, рабочем-путиловце, Геннадий Фиш написал поэму.

А потом снова была работа, такая, что на личные дела не оставалось времени. И никто не удивился, когда лучшего из рабочих, совсем еще молодого Мишу Давыдова «со сборки», представили к правительственной награде — ордену Ленина.

...Весной равнина пламенеет тюльпанами. На солнце наброшена легкая дымка марева. Разное видела на своем веку Сальская степь. Первую колею проложила по ней неуклюжая скифская упряжка, потом скрипели на равнине казачьи дроги, телеги, запряженные волами, грохотал и первый — слабенький еще, колесный — трактор... И вот наконец содрогнулась земля от гула моторов двухсотдвадцатисильной машины. Вслед за трактором по степи пролегла вспаханная борозда шириной полметра. Полметра! Пар клубился над черной землей...

И когда директор издал приказ об объявлении благодарности особо отличившимся при сборке нового трактора работникам завода, то рядом с фамилией руководителя работ Михаила Давыдова стояла фамилия слесаря Сергея Давыдова — сына Михаила Яковлевича.

Троих сыновей привел Михаил Яковлевич на завод. Любо глядеть, когда идут они по утрам через заводской двор...

У Михаила Александровича Шолохова спросили как-то, почему Давыдов — питерец, а не киевлянин или минчанин? Писатель ответил так:

— Когда начал я писать «Поднятую целину» — это был мой низкий поклон питерскому пролетариату, рабочему классу. Я сделал Давыдова балтийским матросом — это мой второй поклон, поклон морякам Балтики. Дело не в том, что Давыдова нет, не в том, что он умер. Настоящие герои не умирают. Они живут. Я горжусь тем, что Семен Давыдов был путиловцем!..

На земле нашей в разных ее концах, в поселках и станицах стоят на пьедесталах памятники — ленинградские тракторы. Отслужившие свой век, переработавшие для людей, они славят теперь рабочие руки, которые помогли преобразить землю. Это памятники тем Давыдовым, которые помогали крестьянам перестраивать жизнь... Это памятник и моему Давыдову — путиловцу, герою-труженику.

В. КАРПУЩЕНКО,
литсотрудник газеты «Кировец»
Фото В. ГОЛУБОВСКОГО

ПИСАТЬ ИСТОРИЮ СОВРЕМЕННОСТИ

Беседа с заместителем председателя правления Союза журналистов СССР Борисом Бурковым

Внимание всех советских людей приковано в эти дни к документу огромной политической и государственной важности — проекту Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971 — 1975 годы. И, пожалуй, главная роль в пропаганде Директив принадлежит сейчас советской печати. В этой связи корреспондент «ЛГ» С. Абрамов обратился к заместителю председателя правления Союза журналистов СССР Б. С. БУРКОВУ с просьбой рассказать о том, с какими результатами наша журналистика подходит к предстоящему съезду.

— Высокая оценка, — говорит Б. Бурков, — данная нашей печати на XXIII съезде партии, в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева, обязывает советских журналистов каждодневными делами оправдывать высокое доверие партии. А впрочем, судите сами: только за последние пять лет орденами награждено свыше 130 республиканских, центральных и областных газет... Язык цифр немногословен и точен: 7 500 газет выходит у нас в стране на 57 языках тиражом более 134 миллионов экземпляров. Только за период между XXIII и XXIV съездами партии тираж газет и журналов вырос на 64 миллиона экземпляров. Кстати, нынешний тираж журнальной продукции — 150 миллионов! Книжной — больше миллиарда! Это четвертая часть всей мировой книжной продукции. Телевидение и радио давно и прочно вошли в быт каждой советской семьи.

— В чем же причина такого — трудно подыскать другое определение — небывалого роста и тиражей, и названий журналов, газет, книг?

— Да простится мне столь «обывательское» объяснение: интереснее журналистика стала. Новые рубрики, новые темы, да что там темы — новый подход к ним, новые требования и читателей, и самих авторов. Много талантливой молодежи пришло в журналистику в последние годы. И, конечно, большую помощь оказывают им журналистские организации Союза журналистов СССР, созданный в 1957 году, приходит к съезду партии окрепшей организацией — сорок семь тысяч человек объединяет он сейчас.

— Сорок семь тысяч журналистов сегодня! А в 22 университетах страны на факультетах журналистики учится более 12 тысяч студентов...

— Эту цифру надо увеличить: например, Московский университет рабочих корреспондентов уже окончили 2 500 рабкоров. Подобные университеты созданы не только в Москве, но и в Киеве, и в других городах. А партийные школы, где тоже готовят квалифицированных журналистов? А семинары, занятия, которые ведут в Союзе журналистов секции публицистики, фельетонов, фотосекция?

— Известно, что Союз журналистов проводит немалую работу по изданию литературы для журналистов — история, теория, практика советской печати. В Политиздате, и примеру, недавно вышла первая книга восьмитомной «Библиотечки журналиста» — «В. И. Ленин, КПСС о печати». А совсем недавно — еще два тома...

— Это «Газетные жанры» и «Газета, автор и читатель». Еще в этой же серии выйдет книга об освещении в нашей печати партийной жизни, экономических вопросов, науки, литературы, искусства — «Главные темы», сборник-антология «Газетный мир», специальная книга «Работа над словом» — стоит ли все перечислять? В Киеве вышла книга «Трибуна миллионов», рассказывающая об опыте лучших городских и районных газет. Книги по журналистике выходят в Ленинграде, Свердловске, Львове, Саратове...

— Их авторы — журналисты или писатели?

— И журналисты, и писатели, а точнее — публицисты. Ибо вспомните ленинские слова: «...постоянное дело публицистов — писать историю современности...» А это — наше общее дело: и писателей, и журналистов. Многие из сегодняшних литераторов начинали свой путь в газете. Они и сейчас не порывают связи с прессой. Не стоит далеко ходить за примерами. Только в работе секций Союза журналистов принимают активное участие известные писатели Н. Атаров и Б. Агапов, А. Аграновский и Е. Рябчиков, Г. Радов и Б. Егоров. Писателем или журналистом назовете вы В. Пескова и Ю. Жукова, Г. Боровика и М. Стуруа? Их корреспонденции, очерки, репортажи украсят любую газету, их книги — нарасхват в магазинах. Сотни членов Союза писателей носят в кармане билеты Союза журналистов. И это не удивительно: чтобы стать хорошим прозаиком, очеркистом, надо досконально знать жизнь, а это ли не преимущество журналистики! В общем, речь идет о тесной связи двух творческих союзов — писателей и журналистов, связи духовной и связи «материальной»: сколько встреч, пленумов, поездок провели мы вместе за последние годы!..

— Кстати, о поездках. Ленинградские журналисты выпустили две интереснейшие книги: «Поезд 4001-й» и «Сто планов ГОЭЛРО».

— И книги эти — результат поездок ленинградцев в дни Ленинского юбилея по маршруту поезда Совнаркома, по ленинским местам Финляндии и Ленинградской области, от Волхова до Свирь-Шушенской ГЭС. В этом году ленинградцы направили большую группу журналистов по городам РСФСР и Украины. Девиз поездки — «От съезда — к съезду. Ленинград — стране. Страна — Ленинграду». Вообще, опыт Ленинграда стоит перенять и другим городам. Ленинградская журналистская организация установила тесную связь с заводом «Красный выборжец». А сейчас вместе с рабочими завода проводится смотр-конкурс на лучший материал о тружениках «Красного выборжца». Его итоги будут подведены в канун съезда.

— Достаточно посмотреть на страницы газет, чтобы убедиться в том, как ярко, многогранно показывает предсъездовскую жизнь страны наша печать. Думается, немалая заслуга Союза журналистов СССР в том, что он мобилизует сейчас все силы журналистики на подготовку к XXIV съезду КПСС.

— Правление Союза журналистов в своем решении о подготовке к предстоящему съезду призвало направить всю деятельность нашей организации на выполнение этой основной сейчас задачи. Наша творческая работа должна способствовать всестороннему освещению в печати успехов внутренней и внешней политики КПСС, достижений нашей экономики, науки, культуры, широкому показу социалистического соревнования в честь XXIV съезда партии.

ХРОНИКА

16 марта в ЦДЛ состоялась встреча членов парткома Московской писательской организации и актива литераторов столицы с руководителями Краснопресненского райкома КПСС и исполкома райсовета.

Выступившие на ней первый секретарь Краснопресненского РК КПСС И. Д. Писарев, председатель райисполкома З. А. Сарнисов и другие подробно рассказали о задачах, которые предстоит решать району в новой пятилетке.

Писатели — авторы готовящегося к печати историко-литературного сборника «Красная Пресня» И. Винниченко, А. Мединов, В. Тельпугов, С. Болдырев, В. Морозов поделились своими творческими планами.

■

18 марта в ЦДЛ состоялся литературно - художественный вечер «Писатели Москвы — коллективам предприятий, награжденных орденами Советского Союза». С тружениками Автозавода имени Лихачева, заводов имени Владимира Ильича, «Красный пролетарий», «Калибр», печатной фабрики «Гознак», кондитерской фабрики «Большевик» и других предприятий столицы встретились писатели В. Ардаматский, А. Барто, Г. Горин, Е. Долматовский, М. Соболь, А. Иванов, Л. Давидович, С. С. Смирнов, А. Софронов, А. Филатов.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

М. В. ГОРБАЧЕВУ — 50 лет

Исполнилось 50 лет М. В. Горбачеву. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Михаил Васильевич! Сердечно поздравляем Вас, известного переводчика и критика, ответственного работника аппарата правления Союза писателей СССР, с днем пятидесятилетия.

Мы знаем и ценим Вас как активного пропагандиста многонациональной советской литературы, организатора многих крупных литературных и общественных мероприятий, способствующих взаимообогащению и развитию братских литератур нашей страны.

В Ваших переводах на русском языке всесоюзный читатель получил немало ярких и замечательных произведений белорусских писателей. Органическим продолжением этой работы являются Ваши литературно-критические и публицистические выступления в печати, перед читателями. Мы радуемся Вашим успехам в жанре прозы.

Много сил и энергии Вы отдаете общественной деятельности в партийной и профсоюзной организациях аппарата правления Союза писателей СССР, Комитете по проведению Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии, в правлении ЦДЛ, в творческом объединении художественного перевода.

В день Вашего полувекового юбилея мы особо хотели бы отметить Ваше умение сочетать деловую, принципиальную требовательность с чувством товарищеского такта, дружеской помощи, столь необходимыми в наших повседневных трудовых буднях.

Желаем Вам, наш дорогой друг, крепкого здоровья, счастья, новых больших успехов в творческой и общественной деятельности».

■

Многие писатели союзных республик хорошо знают этого энергичного, веселого и приветливого человека. Приезжая в Москву, в свой большой штаб — Союз писателей СССР, в первую очередь мы идем к Михаилу Васильевичу Горбачеву, заместителю секретаря правления по литературам народов СССР. В его кабинете — как бы диспетчерский пункт всех связей братских литератур.

Организаторскую деятельность М. В. Горбачев сочетает с напряженной творческой работой. Как переводчик М. Горбачев верен одной литературе — белорусской. Это понятно. Сын белорусского крестьянина с Витебщины, он отлично знает быт народа, язык, историю литературы.

В последние годы Михаил Васильевич перевел мои повести и рассказы. Работать с ним интересно, а это очень важно — взаимопонимание, творческий контакт между автором и переводчиком. Поздравляя нашего друга с 50-летием, хочется сказать ему спасибо за хорошие переводы, за заботу о пропаганде братских литератур и пожелать всегда быть столь же энергичным, работоспособным на всех участках его многообразной деятельности.

И. ШАМЯКИН

И. К. ТАРБЕ — 50 лет

Абхазскому писателю Ивану Тарбе исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Иван Константинович! Сердечно поздравляем Вас, видного абхазского поэта и общественного деятеля, с днем Вашего пятидесятилетия!

Общеизвестен Ваш вклад в развитие абхазской советской поэзии. Ваши стихи и поэмы, Ваша вдохновенная лирика воспитывают у читателей, а особенности у молодежи, бла-

Вадим КОЖЕВНИКОВ

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

РАССКАЗ

ГЕННАДИЙ Фомич Колесов, начальник механизированной колонны на строительстве магистрального нефтепровода в районе Крайнего Севера, вымаливал по рации у областного центра приезжего московского лектора.

Низко наклонившись над микрофоном, натужливо багровея, он кричал:

— Я на вас вовсе не кричу, уважаемый товарищ, я вежливо объясняю. Что значит «не нашего профиля»? Да у меня тут все со всевозможным образованием. Нет, артиста-чтеца можете сами себе оставить, если у вас неграмотные. Это я не грублю, а так — для юмора. Заверяю, аудитория будет обеспечена на самом высоком уровне. Значит, прошу, в смысле категорически настаиваю.

Отстранившись от микрофона, вытерев пот с мясистого, мускулистого лица с шелушащейся, бурой, обмороженной кожей, Геннадий Фомич изрек радисту:

— Учись! Деликатно и убедительно! Обошелся, как говорится, без отрицательных эмоций, а ведь мог и через райком пугануть.

И вот сегодня Геннадий Фомич ждал вертолета, на котором должен прибыть лектор. Погода по-местному считалась теплой — минус двадцать шесть.

Ярко светило солнце, и все оснеженное пространство тундры сверкало. Воздух прозрачен и недвижим, как вода в таежном озере, и если зажег спичку, она горит ровным неколебимым пламенем. Но Геннадий Фомич объявил досадливо:

— Нам дальнейшая зловредная оттепель только огорчение. — Потопав валенком по твердому, словно кварц, насту, пояснил: — Тут под нами что? Хлябь окоченевшая. Одно удобство: проходить ее посредством низкой температуры. Спрашивается: на кого в данный отрезок времени северный климат работает? На нас, строителей.

Как у всякого прораба, настроение Колесова зависело от двух факторов: от материально-технического снабжения и от погоды. В данный момент все обстояло благополучно, и настроение у него было хорошее.

Что касается столичного лектора, то Колесов добивался его приезда на трассу не только с целью поднять уровень культурно-массовой работы, но и для того, чтобы проверить свой авторитет в области.

Имя Колесова среди строителей широко известно. Он достиг такого положения, когда даже сам начальник главка обращался к нему за советом при заказах на новую технику. Бывший судовой механик, Колесов оставил флотскую службу, соблазнившись кочевой жизнью трассовика, возможностью самостоятельно повелевать новой строительной техникой в климатических условиях, пожалуй, не менее многообразных и трудных, чем во время длительных океанских походов. Будучи человеком волевым, настойчивым, самолюбивым, он, как бы стараясь смягчить эти свои качества, придавал им личину бесцеремонного добродушия, словно от природной бесхитростности позволял себе, настаивая на своем, говорить самые неприятные и будто бы безобидные резкие слова в присутствии начальства, оправдываясь склонностью к просторечию и юмору.

Но скорее всего он просто опасался своего действительного добродушия и старался перебороть его этой несколько напускной манерой размашистой натуры.

У трассовиков Геннадий Фомич пользовался не только уважением, но и почтительностью за расположение к людям, за тонкое знание техники и самостоятельность в решениях в критические моменты.

Снижаясь, вертолет вздул сухой, колючий, сверкающий белыми искрами снежный вихрь, и в воздухе расцвела в мельчайшей ледяной пыли многоцветная радуга.

Геннадий Фомич сразу, прицельно-безошибочно обнаружил среди пассажиров лектора.

Он был в шапке пирожком, фасона «Иван-царевич», в пальто с поднятым воротником, удушливо туго обвязанным толстым вязаным кашне, на ногах полуботинки в галошах, под мышкой раздутый портфель, из которого торчала пластмассовая крышка литрового термоса.

Колесов не без торжественности представился, забрал в свои руки портфель с термосом и повел лектора к себе в вагончик.

Шествуя к вагончику, Геннадий Фомич радушно разъяснял приезжему:

— У нас, на Севере, обратите внимание, небо сплошное, синее, прозрачность, голубизна. Солнце ярчайшее, как в Крыму, даже полезно курортные темные очки носить. Только вся разница — там от плюсовой носы лупятся, а здесь от минусовой. С точки зрения гигиены, считаю, наши холода полезнее. Любые микробы не выдерживают, дохнут, как мухи, никакой инфекции. А красота какая! Ну что можно стерильней снега придумать! Все, как сплошное фарфоровое изделие. Атмосфера освежающая. Жаркий климат, например, человека распаривает, холодный — вызывает на энергичные, полезные для работы телодвижения...

Искоса беспокойно поглядывая на лектора, на его, возможно, только от усталости в пути горестно опущенные углы сухих тонких губ, Геннадий Фомич, из соображений внушить уважительный интерес к данной местности, с излишней значительностью в голосе изрек:

— И опять же, внимание страны куда устремлено? К нам — сибирякам. По существу, западносибирская платформа вроде геологической покрышки величиной в континент, а под ней нефти и газа — целый подземный океан. Тут такая богатейшая база под коммунизм заложена, на самые необозримые времена обеспечение, только поворачивайся.

Осведомился с достоинством:

— Читали, как про нас в проекте Директив партии записано? Сургут пролетали? Обратили внимание, ГРЭС на 2,4 миллиона киловатт ставят, на попутном газе будет работать, извлекаемом из скважин вместе с нефтью. — Упрекнул горестно: — Ну какая же зимой болтанка, надо было глядеть. Пейзаж умовдохновляющий.

Войдя в вагончик, где все было по-домашнему благоустроено, Геннадий Фомич предложил:

— Коньячку? Настойки? Или, может, боржома желаете? Принимал профессора-геофизика: не человек — справочное бюро, все знает, и, представьте, я ему угодил — хроническая изжога. Так он от восторга выразился: «Заполярье, а такая цивилизация — боржом!» — Озабоченно спохватился: — Вы ботинки скиньте. Я вам с собственных теплых ног валенки рекомендую.

Пока приезжий переобувался, Геннадий Фомич готовил на газовой плите яичницу с салом, вспарывал охотничьим ножом консервные банки и продолжал информировать:

— Со служебными экскурсиями к нам теперь много повадилось, и каждого, заметьте, приходится транспортом обеспечивать, вездеходами, вертолетами, а в непогоду на гусеничном тракторе волочим. Командированные больше пожилые, вроде нас с вами, а на работу молодежь едет. Такая, значит, у нас тут закономерность. Почти сплошной комсомол, от него главная выручка.

И на чем удается удерживать от текучести? На перспективе! У кого в сознании ясно зарисуется местная картина в будущем — тот кадр.

Если не напирать на воображение, при всей фактической реальности крылья для инициативы у человека не вырастут.

А я, знаете, ребят буйных на выдумку обожаю. Снабженец у меня — бывший танкист. Порассказал ребятам, как на фронте к танкам для усиления проходимости на траки дополнительные плашки приваривали. Ну и началось. Я, конечно, за эксперимент, но чтобы без риска. Наши тракторы и без того с уширенными гусеницами. Так нет, еще добавили. И получилось. Усилили вездепроходимость, почти болотоходами стали.

Заметив, что лектор устало и невнимательно его слушает, Геннадий Фомич произнес обидчиво:

— Сейчас вы лучший сезон для проходки у нас застали. Болота застыли до твердости скального грунта, аж зубья у экскаваторных ковшей летят, если металл для них не предусмотрен в северном варианте. Низкие температуры молекулы обыкновенной стали не выдерживают, сдают.

Траншею проходим с опережением, потому что удобства низкой температурой обеспечены. Летом другая картина. Комар сильно пикирует, мошкара — как черная

Рисунок В. КРАСНОВСКОГО

копоть. Сплошная топь. Вполне понятно, почему в доисторические времена тут даже такие сильные животные, как мамонты, и те от собственного живого веса гибли.

Экскаватор или трубоукладчик тянет весом, конечно, побольше мамонта.

Но исхитряемся, подводим бревенчатый настил вроде плота и действуем. Бывает, конечно, экскаватор вглубь нырнет, даже стрелы не видно. Ничего, выволакиваем, от грязи отмоем — и снова свои кубики берем.

— Сейчас, докладываю, кладем трубу большого диаметра. Целую нефтяную реку по ней пустим, длиной почти в Обь. — Произнес наставительно: — Надо бы подобные нефтяные реки в школьные учебники по географии записывать, чтобы молодое поколение заранее соображало, при каком богатстве ему жить назначено.

— Вы, что же, коренной сибиряк? — осведомился лектор.

— По патриотическому сознанию теперь — сибиряк, вообще родом — тамбовский. По нефтегазовым магистралям кочевал по всей стране. Но, полагаю, здесь осел прочно. Делов хватит до полного пенсионного возраста.

— Ну, до этого вам еще далеко.

— Правильно! Обстановка не позволяет в соответствии с возрастом жить. — Спохватился: — Да вы боржом коньяком не разбавляйте. Лучше раздельно, хотя бы в порядке профилактики от простуды.

— Вообще-то я избегаю алкоголя, — уныло сказал лектор.

— И правильно делаете. Если без капитальной закуски, хуже нет вреда для организма. — Геннадий Фомич смутился, пояснил: — Вообще-то я тут сухой закон строго установил — за молодежь ответственный. Нет, нет, прошу, для гостя полная демократия. — Оживленно посоветовал: — Рекомендую огурчик свеженький, тюменский, из теплиц. Чистый витамин. Я тут за овощной рацион сильно боролся, двух снабженцев прогнал, беспощадно уволил. Кто работает, тот и деликатес ест — такой у меня лозунг. Флотский борщ самолично научил повара готовить. Давилку приобрели. За обедом каждому двести граммов овощного или фруктового сока, по желанию, чтобы все было культурненько!

— Да, — протяжно произнес лектор, — у вас здесь просто оазис.

— Стараемся, только вот иногда природа балуется. До вашего приезда сколько дней черная пурга бушевала! Весь снег с земляным покровом сдуло начисто, и метет, метет со страшной силой. Хуже штормяги десятибалльной в море. Все фары, прожектора грязью залепило. Бродим днем, как все равно во мраке ночи. А стужа не то что жжет, с ветром насквозь тело прошибает — навылет. Машины черными сугробами заваливает. Механизмы забило все равно как песком в Африке — отказывают. Ну прямо-таки кошмар — девятый вал.

Траншеи копаем, а их тут же черная пурга погребает. Люди придут с работы, словно в грязи вываленные. В бане-вагончике стекла повышибло, не размоешься — сквозняк.

А ведь план давать надо.

Как на флоте. Буря не буря, а свой курс держи.

— Погода действительно не всегда благоприятствует человеку, — безучастно произнес Геннадий Фомич. — Безнаказанно хулиганит, и, заметьте, от науки управы пока на нее нет. Хожу я на ощупь по трассе, где даже на карачках следую, с одного агрегата на другой лазаю. На погоду, конечно, просто все с себя сваливать. А надо поперек нее что-то основательное возразить — впечатляющее. Ребята, как кочегары на старых судах, все в грязи замазанные. Погреют руки у паяльной лампы — и снова на машину.

А ты попробуй с трубоукладчиком, например, справиться, когда поднятую трубу на стреле ветром мотает, будто она не стальная, а картонная.

Можно, конечно, по случаю черной бури всех с трассы снять. Производительность труда все равно при данной обстановке незначительная. И ответственность с меня спадет, если кто поморозится. Но ведь соображаю — у каждого из них тут биография делается. И не для справки, а для уважительного к себе самосознания.

Выходит, в этот момент нельзя их геройства лишить. А ведь мне за это их геройство в случае чего могут влепить по первое число, кроме пережога горючего, возможного повреждения техники, не исключено, вмятины на трубах, все в графу попадет — убыток. Значит, летят премиальные. Ну, я им разъясняю с точки зрения хозяйственника. Простоя за нами не будет, поскольку стихия. Может, пошабашим?

Слушают вежливо, уходить — ни в какую. Я уже себя последними словами клеймлю — знаете за что? — за трепливость. Как-то в столовке с ними засиделся и для разговора выдал, как вывозил раненых десантников на гражданском катере, тоже зимой, в штормягу.

Катер волной окатывает, и тут же вода в лед на палубе на бортах окаменевает. Такой габарит ледяной нарастает, что посуда наша, как самоходный айсберг, выглядит. Бултыхаемся, будто не на суденышке, а на сплошной льдине плывем. Только льдина не тонет, а посуда тонет.

Мы, экипаж, привязались концами и топорами, ломами глыбы льда с палубных построек, с бортов сбиваем. Сами насквозь мокрые и тоже обледенели. А рубать лед надо. Катерок так отяжелел, что из-под волны уже еле вылезает. Сами удивляемся, что на плаву остаемся. Так больше двух суток и рубили лед. Словно какие шахтеры, что ли, которые из-под обвала спасались.

Но раненых все же доставили выжившими, нас тоже вместе с ними в госпиталь уволокли, как обмороженных.

Ну, ребята слушали тогда меня в столовке и, видать, свое самолюбие при себе сдерживали. А вот началась черная пурга, они же меня на место поставили. Не пожелали рабочие места покинуть, хоть ты тут что...

Лектор тоскливо поморщился и согласился:

— Вы правы, у молодежи есть этакое рвение к самопожертвованию, как бы вызов нам, старшим.

— Именно, — одобрительно кивнул Колесов. — Если прикинуть хладнокровно, людей спасти — это только нормальный долг, человеческая обязанность. Но вот простоя техники, срыва плана не допустить в данной обстановке — это высокий идейный фактор, доказательство: в верных руках наше будущее держится.

— Вот только со своей не мог сладить, — горестно признался Колесов. — С дочерью то есть. Я человек, сильно зарабатывающий, мог ей любое самое высшее образование без всяких стипендий обеспечить, только учись, возвышайся. Не пожелала. На полюсную зимовку поварихой нанялась. Там и замуж за гидролога вышла. На льдине свадьбу справили, без присутствия и одобрения родителей. Это же самоуправство!

— У меня, знаете ли, сын, такие тоже надежды на него возлагал... — тихо сказал лектор.

— А к молодежи подход нужен, — поспешно и живо перебил Колесов. — А какой? Вот, пожалуйста, подчеркиваю сразу, суровость природы, трудности, то, что в мировой строительной практике ничего подобного не было, нажимаю на энтузиазм, поскольку сразу всех нормальным бытом не обеспечишь. Пользуюсь романтикой — ставлю на трудные участки, чтобы убедить фактически: работа здесь — подвиг. Затем уже подвожу по мере возможности нормальную бытовую базу. Из балков вселяю в вагончики с полной коммунальной обслугой. Организую лыжные соревнования, подледный лов, всякую самодеятельность. Ну, ясно, курсы по повышению квалификации. Телевизор через «Орбиту» смотрим коллективно.

Кроме того, соображаю, чтобы девчата на одном объекте не скапливались. Рассредоточиваю. Молодежи надо и семейную жизнь обустроить. Замечу, скажем, какой парень с какой девушкой чаще на собрании рядом садится, вызову, намекаю: мол, для семейных есть возможность самостоятельную жилплощадь выделить в полвагона. Значит, не упускай и девушку, и помещение.

Конечно, по производственной линии я для них — авторитет, а вот в разговорах, в беседах тут тянуться приходится: начитанные, наумственные, черти, такие грамотные, деваться некуда.

Лектор сказал, разглядывая свои руки:

— Мне тоже приходилось с моим Сергеем по принципиальным проблемам развития науки много и горячо спорить, даже ссорились...

— А как же, бывает, — подхватил Колесов. — На каждом комсомольском собрании не только до конца повестки высиживаю, но еще после на все непредусмотренные вопросы надо ответить. Пользуюсь для разъяснения местными фактами.

Раньше нам техника не дозволяла в неразмонтированном виде буровую на новую точку доставлять. Сколько людей на это дело бросали! А теперь буровую вышку машинист в целостном виде на воздушной подушке передвигает по пересеченной местности, без дороги, аж только пыль вихрем летит.

Вот, выходит, какое главное направление нашей идеологии в смысле техники. Значит, луноходом это же самое мы и доказываем. Техника — героизм ума.

— Ну что ж, остроумно, — одобрительно отозвался лектор.

— Чего же тут остроумного, если фактическая правда? — не согласился Колесов. — Сама партия приучает к героизму ума по линии технического прогресса. Сегодня электросварка, а завтра, глядишь, лазерным лучом будем трубы сшивать. И вместо битумной изоляции на трубах заводская пластмассовая будет. Теперь химия многое позволяет, и трубы, может, тоже из пластика придумают, по прочности крепче и надежнее стальных, — произнес поучительно. — Нам нужно себя приучать, чтобы на технику все оптимально наваливать. У нас в Заполярье для автоматики — царство. Человека тут дороже содержать, чем машину. Поскольку сейчас уровень жизни еще поднимется, совсем дорого человек обходиться будет. Лишних держать ни к чему. Только самых квалифицированных, кто по автоматике соображает.

И вот, пожалуйста, раньше при слабой технике на трассе тысячи людей, и все мало, и все их нехватка. А теперь даже перед вами будет неловко, до сотни на лекцию соберем, не больше, поскольку машин самых новейших в достатке, нам и людей больше не требуется. Но зато какие, сами убедитесь, — без высшей квалификации ни одного, всем интересующиеся, любым вопросом...

В дверь вагончика кто-то постучал.

— Ну чего там?! — громко спросил Колесов. — Еще церемонии разводит. Толкни дверь ногой, и все.

Но никто не входил. Колесов сам вышел, сердитый. Увидел ребят-сварщиков, строго осведомился:

— Что за чепе такое?

— Мы за автографом пришли!

— Я же наряды вам вчера подписал, — досадливо сказал Колесов.

— Нам не ваш — профессора.

— Он вам не артист какой-нибудь, чтобы свою подпись всем раздавать!

— Ну пусть хоть на газете со своей статьей распишется.

— Она же у вас вся замурзанная, газета. Стыдно показывать, залапали мазутом.

— Читали, оттого...

— Статья-то о чем, может, критическая?

— О микробах, которые серой, парафином и даже металлами питаются.

— Все политическое внимание прессы сейчас — новая пятилетка, а он о микробах пишет, предостерегает от заразы, что ли?

— Да ведь если микробы, которые серой питаются, в нефтяных пластах разводить, они нефть от вредной серной примеси рафинируют, а которые парафином кормятся, могут старые скважины от парафина очистить, как трубочисты, что ли, и медью, и золотом, и редкими металлами есть такие, которые питаются, можно, значит, посредством микробов добычу наладить.

— Вы мне тут фантазии не разводите.

— Он научно доказывает, и не один, вместе с сыном — тоже ученым, на его опыты ссылается, на производстве проведенные... Значит, факт.

— Дискуссию тут на холоду вы мне не устраивайте. Ладно, давайте газету, попрошу — подпишет, если вам напечатанной фамилии недостаточно.

Вернувшись в вагончик, Колесов укоризненно оглядел тарелки с почти нетронутыми яствами, спросил:

— Может, вам нездоровится, так я могу с медпункта сестру вызвать, большой мастер банки, горчичники ставить.

— Нет, я совершенно здоров, — безучастно произнес лектор. С покорной слабой улыбкой добавил: — Благодарю, но не нуждаюсь.

Колесов, испытывая неловкость от затянувшегося молчания, вежливо осведомился:

— А насекомыми вы не занимаетесь? Может, сынок ваш ими интересуется? Беда тут летом от гнуса. Хорошо бы научным способом извести. Не то что люди, животные сильно страдают. Оленьи стада от гнуса в болотах спасаются, а вылезти не всегда могут. Приходится выручать, с помощью трубоукладчика их из топи выволакиваем в порядке скорой помощи...— Поглядел в окно, сообщил: — Вот ребята пришли, не терпится вас послушать. Я им пообещал, что вы вроде академика, на любой вопрос — ответ.

Лектор вздохнул, произнес виновато и сипло:

— Трудно мне будет у вас выступать.

— Это отчего же? — обидчиво спросил Колесов.— Аудитория незначительная?

— Да нет, аудитория прекрасная — молодежь. Но именно поэтому мне тяжело выступать. Понимаете? Сына я недавно потерял, вот что.

— Откашлялся.

— Он тоже вроде этих ваших был — стремительный. Я его к себе на кафедру в аспирантуру, все данные были. Но возникли у меня с ним серьезные разногласия по теории выживаемости микроорганизмов при высоких давлениях, низких и высоких температурах. До острого конфликта дошли. И чтобы меня опровергнуть, допустил он при лабораторном испытании перегрузку пресса, при которой стальной стакан, содержащий микроорганизмы, взорвался. Осколком был ранен, и смертельно. Потом его единомышленники провели анализы содержащейся среды в стакане. Оказался прав он, а не я. — Помедлил: — Большая потеря для науки. Я, собственно, поэтому временно институт оставил и вот взял путевку в обществе «Знание», езжу с лекциями. Хотя какой я лектор! Даром слова не обладаю. Тематику предложили весьма элементарную. Читаю скучно. Но нужно себя в порядок привести, перебороть себя, чтобы оригинальную работу сына продолжить, точнее — весьма перспективную. Так что вы меня извините, не в форме...

Колесов встал, зачем-то снова заглянул в окно, предложил робко:

— Может, выйдем прогуляемся на сон грядущий? Посмотрите, как у нас тут северное сияние трепещет. Зрелище необычайное.

Лектор безвольно позволил натянуть на себя пальто и, шаркая ногами, вышел из вагончика.

Они шли рядом долго, молча. Потом лектор взглянул на ручные часы, осведомился:

— В котором часу у вас все-таки лекция назначена?

— Да чего там, пускай телевизор смотрят. Хоккей передают. — отмахнулся Колесов.

— А что если я им изложу гипотезу моего сына о происхождении жизни на Земле? — сухо спросил лектор. — Как полагаете, поймут? Без соответствующей подготовки весьма сложно. — Недоверчиво усмехнулся. — Особенно после хоккея.

Колесов поспешно закурил и, держа в пальцах догорающую ровным пламенем спичку, глядя на нее, произнес глухо:

— Я перед вами, извините, собой шиковал, выставлялся: мол, вот какие мы тут. Про черную бурю баланду пер. А что это все перед тем, что вы пережили, и вот сына над собой признали. Это же души подвиг, а не только ума.

Лектор поежился и попросил:

— Пожалуйста, больше не надо об этом... — Строго осведомился: — Так где у вас назначена лекция?

В большой палатке, приспособленной под клуб, в этот вечер очень долго светились целлофановые окна во мраке полярной ночи.

И стояла первородная тишина, что принято обычно называть «белым безмолвием». Сверкало и беззвучно всплескивалось светопадом северное сияние. Весь край неба горел, содрогался пронзительно светящимся белым пожаром этого сияния.

городные чувства патриотизма, преданности идеям ленинизма. Ваши книги стихов «Мосты», «Звезды», «На суд товарищей», «Испытание» изданы на абхазском, грузинском, русском и других языках.

Ваши прозаические произведения, созданные в последние годы, открыли нам новую яркую сторону Вашего дарования. Романы «Известное имя» и «Солнце встает у нас» пользуются заслуженным успехом у читателей.

Около двадцати лет Вы бессменно возглавляете Союз писателей Абхазии. Много сил и энергии отдаете Вы воспитанию молодой смены литераторов своей республики.

Мы также высоко ценим Вашу общественную деятельность в Верховном Совете Абхазской АССР и в жизни писательской организации страны.

Желаем Вам, дорогой Иван Константинович, крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых творческих успехов».

■

Хорошо, когда рядом с именем писателя можно поставить имя его героя. Еще лучше, когда имена героев опережают в читательском сознании имя их создателя, например Обломов, или Печорин, или Вася Теркин. Есть писатели, которые ведут за собой сквозь время целые вереницы своих героев. Это Достоевский, Лев Толстой, Вальзак. А есть такие, у которых герой обобщенный, лирический, главный; скажем, у Пришвина — русский лес, у Расула Гамзатова — Дагестан...

У Ивана Тарбы главный герой его творчества — и поэзии, и прозы — это его родная Абхазия, земля древняя и прекрасная, расположенная в горах, примыкающих к Черному морю. Я бы сказал, что вся эта земля лежит между нежностью и суровостью. Ласковая синева теплого моря и темные скалы, цветущие апельсиновые деревья и заснеженные вершины гор. Нежность и суровость господствуют и в быту абхазцев, и в их поэзии.

Все это мы найдем в книгах Ивана Тарбы.

Но есть у него и еще один герой — народный характер, оживший под именем Харзамана.

Ивану Тарбе исполнилось 50 лет. Харзаман знаком читателям его книг четыре года. Пожелаем тому и другому долгих лет жизни и процветания.

Вл. СОЛОУХИН

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Сердечно благодарю всех товарищей и организации, поздравивших меня с шестидесятилетием и награждением орденом Октябрьской Революции

Анатолий СОФРОНОВ

■

Прошу передать мою благодарность всем, кто поздравил меня с пятидесятилетием и правительственной наградой, — друзьям юности, фронтовым товарищам, собратьям по литературе, читателям, коллективам учреждений и организаций.

Иван МЕЛЕЖ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Н. Л. ЕЛИНСОНУ — 50 лет

Исполнилось 50 лет заместителю директора Литературного фонда СССР Н. Л. Елинсону. Секретариат правления Союза писателей СССР наградил юбиляра Почетной грамотой и направил в его адрес приветствие, в котором, в частности, говорится: «Дорогой Николай Львович! Примите наши сердечные поздравления с 50-летием со дня Вашего рождения...

Полувековой юбилей — дата значительная, а особенности могда человек приходит и ней со всесторонне доброй репутацией, заслуженной длительным полезным трудом, общественной активностью.

За 15 лет Вашей руководящей работы в Литературном фонде СССР мы получили возможность узнать и высоко оценить Ваши неизменные энергию, инициативу, способность совмещать чуткость и внимание и материально-бытовым нуждам литераторов с хозяйским рачительным отношением к интересам Литфонда.

Вы по заслугам пользуетесь уважением в писательской среде, и нам приятно отметить это в Ваш торжественный день.

Искренне желаем Вам долгих лет такой же плодотворной деятельности, больших успехов, крепкого здоровья, всего, всего доброго».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим пожеланиям.

ИЗУЧАЮЩИМ ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

МОСКОВСКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ДРУЖБА» ПРЕДЛАГАЕТ:

Виско В., Кароляк С., Василевская Д., Рафал С. «МЫ ГОВОРИМ ПО-ПОЛЬСКИ»

Учебник польского языка. Начальный курс с комплектом пластинок.

Учебник предназначен для тех, кто начинает изучать польский язык и желает активно овладеть основами разговорной речи. Тексты диалогов в исполнении артистов варшавских театров записаны на пластинках, которые являются неотъемлемой частью учебника.

Цена учебника с комплектом пластинок 7 руб. 30 коп.

Учебник с пластинками можно выписать наложенным платежом, без предварительной оплаты.

Адрес магазина:
Москва ГСП-3, ул. Горького, дом 15.

СЕГОДНЯ — ПРЕМЬЕРА

«ОСВОБОЖДЕНИЕ», ФИЛЬМ ТРЕТИЙ...

В СЪЕМКАХ кинозпопеи «Освобождение» принимают участие тысячи людей, целые воинские соединения. А начинали все три человека, маленький сценарный коллектив, который сложился отнюдь не случайно. Жизненный и творческий опыт одного дополнял опыт другого. Режиссер-сценарист, офицер в годы войны Юрий Озеров, окончивший не только ВГИК, но и Академию имени Фрунзе. Писатели Юрий Бондарев и Оскар Курганов. Первый пришел на фронт со школьной скамьи. Лейтенант, командир орудия, он до мелочей знал все тяжелейшие солдатские будни. Другой — военный корреспондент — имел возможность наблюдать действия целых армий и соединений.

Писать втроем очень трудно, давать интервью втроем, наверное, еще сложнее. Поэтому накануне премьеры третьего фильма эпопеи — «Направление главного удара» — корреспондентом «ЛГ» беседовал один из авторов сценария — О. Курганов.

— Что отличает «Направление главного удара» от двух предыдущих картин?

— Каждый фильм цикла должен быть самостоятельным произведением, показать войну и победу с разных точек зрения. Если в «Огненной дуге» и в «Прорыве» важное место занимали массовые сцены, панорамы грандиозных танковых сражений, то здесь внимание сосредоточено на противопоставлении двух центров — Ставки Советского верховного главнокомандования и ставки немецко-фашистских войск. Мы хотели показать не только столкновение двух непримиримых общественных систем, двух полярных идеологий, но и торжество нашей военно-стратегической школы.

В фильме можно выделить несколько важнейших сюжетных тем.

Первая. Деятельность нашей Ставки. Не просто приказы, но их зарождение. Смелые стратегические решения. Так, например, на Украине были сосредоточены четыре наши танковые армии и фашисты, естественно, ожидали там наступления. И вот, эти танки нередко решали исход крупнейших сражений, ради внезапности операции было решено не передислоцировать эти соединения. Замысел блестяще оправдался. Титаническая работа Генштаба, обсуждения, даже споры, порой ожесточенные. Мы пользовались воспоминаниями многих людей, потом сверяя все с документами. Особенно ценными были рассказы советских военачальников. Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский, например, помог точно воссоздать на экране важнейший эпизод в Ставке, когда он добивается утверждения своего предложения о направлении главного удара.

Вторая. Главный удар. Танки впервые в мировой практике идут через считавшиеся непроходимыми болота. Массовый героизм советских воинов.

Третья. Мощный отголосок наших побед в самой Германии, реакция разных людей во всем мире, наконец, история заговора против Гитлера. — А что же сближает новую картину с предыдущими фильмами?

— По жанру — это тоже историческая хроника. Очень трудный жанр, требующий художественной и исторической достоверности, тонкой психологической разработки характеров и все это при небывалом для художественного кинематографа охвате события. Во всяком случае мы стремились к такому синтезу.

Сегодня в мире выросло новое поколение людей, для которых война отошла в далекое прошлое. Но Великая Отечественная не просто одна из многих тем нашей литературы и искусства. Войну и сейчас помнят в каждой семье, для миллионов людей те четыре года равны целой прожитой жизни. Вот почему столь жадно прочитываются и художественные произведения о 1941—1945 годах, и военные мемуары, столь пристрастно смотрятся фильмы и спектакли о тех незабвенных днях. У нас было немало талантливых военных картин, но нашему кино по-моему все-таки порой не хватало масштабного показа решающих военных сражений. А в это время американская кинематография создала десятки о второй мировой войне, такие, как «Самый длинный день» и «Битва в Арденнах», где история войны грубо фальсифицирована. Их постановщики стремились доказать, что судьба Европы решалась на Западном фронте. Мы свою главную задачу видели в том, чтобы сказать о великом подвиге советского народа, о тех, кто действительно освободил Европу. Забегая вперед, отмечу, что наша последняя картина закончится цифрами: «На всех фронтах за годы войны погибло 170 тысяч американцев, 390 тысяч англичан, 20 миллионов советских людей...»

Кино — аудитория миллионов. И нам дорого, что эта аудитория с интересом встретила картину, рассказывающую правду о минувшей войне. Первые фильмы «Освобождения» сейчас демонстрируются в странах социализма, в Японии, Франции, Италии...

— Съемки велись на местах происходивших событий?

— Это было почти невозможно — прошли десятилетия. Многое изменилось. Так, например, «Вольфшанце» («Волчье логово») — ставка Гитлера была взорвана. Съемочная группа воссоздала ее в павильоне с абсолютной точностью. Друзья со студии «ДЕФА» (ГДР) помогли нам в этом, помогли разыскать оставшихся в живых участников заговора. И они подтвердили: обстановка верна даже в мельчайших деталях.

Вообще же съемки были уникальными по своим масштабам. В этих фильмах с исключительной силой проявились большой талант постановщика Юрия Озерова, мастерство оператора Игоря Слабневича и многих прекрасных актеров. Огромную работу проделал и художник Александр Мягков. Его декорации превосходны и всегда исторически достоверны.

— Летом студия «Мосфильм» сдает последний фильм эпопеи — «Битва за Берлин». Что же дальше?

— Пока могу сказать лишь одно: творческий коллектив будет продолжать совместную работу...

Беседу вел Р. ПОСПЕЛОВ

На снимках: кадры из фильма «Направление главного удара».

Е. КРИВИЦКИЙ

MADE in USA

АНТИКОММУНИЗМ В АМЕРИКАНСКОМ КИНО

ТЕ, КТО смотрит кино уже не менее двадцати пяти лет, вероятно, помнят и «Песнь о России», и «Северную звезду». Созданные в годы, когда СССР и США совместно боролись против гитлеровской Германии, эти американские фильмы были проникнуты дружескими чувствами к нашей стране и в какой-то мере отражали героизм и мужество советского народа, сражавшегося против фашизма. Правда, и в них не обошлось без развесистой клюквы, но это были далеко не те урожайные ее сорта, которыми Голливуд потчевал зрителей в таких довоенных картинах, как «Весеннее безумие» или «Ниночка». Традиционные для Запада приметы русского быта — вышитые косоворотки, балалайки, самовары, «московскую горилку» с наклейкой размером в пол-бутылки — хотелось воспринимать лишь как наивность людей плохо знающих нашу страну.

Однако отдадим должное последовательности американского кинематографа в развитии «русской темы». Период войны был единственным и недолгим исключением в истории Голливуда, когда на его экранах появлялись герои более или менее похожие на реальных советских людей. В военные же годы, начиная с 20-х, кадры, посвященные нашей стране, неизменно снимались с позиций антисоветизма и антикоммунизма. Голливуд реваншно проповедовал американский образ жизни, а в годы «холодной войны» принимал в ней ярое участие.

С середины 50-х годов, когда грубая антисоветчина приелась американскому зрителю, Голливуд менее интенсивно эксплуатировал «русскую тему», хотя никогда и не отказывался от нее полностью.

Новая волна антисоветизма и антикоммунизма в американском кино четко обозначилась лет шесть назад. Разумеется, она возникла не сама по себе, не по внутренним, «имманентным» законам «свободного искусства». Волна эта — всего лишь составная часть фронтального идеологического наступления, предпринятого буржуазной пропагандой в последние годы.

К созданию фильмов антисоветского характера настойчиво привлекаются люди, имеющие репутацию «независимых», «стоящих над схваткой», а еще лучше — известные хотя бы малой толикой критического отношения к капиталистической действительности.

Что из этого получается, попытаемся показать на последних работах таких ветеранов американского кино, как Альфред Хичкок и Джон Хастон. И тот, и другой, кстати, за свою долгую жизнь в кинематографе не раз заявляли, что они, дескать, чужды политики и подчиняются единственно требованиям искусства.

501-й ВОПРОС АЛЬФРЕДУ ХИЧКОКУ

Всемирно известный автор «фильмов ужасов», можно сказать, отец этого жанра, Альфред Хичкок долгое время слыл за человека, свободного от политических страстей. Французские кинокритики «новой волны» даже находили в его фильмах чувство неудовлетворенности современной буржуазной действительностью. Это выражалось, по их мнению, в том страхе и подавленности, которые постоянно испытывали герои «фильмов ужасов».

Четыре года назад французский режиссер Франсуа Трюффо взял у Хичкока интервью, состоявшее из 500 вопросов. Во множестве ответов, изданных потом отдельной книгой под названием «Кино по Хичкоку», утверждается, что единственная цель искусства — развлекать зрителя, пугая его. Что Хичкока интересует только интрига, которая определяется борьбой добра и зла, сокрытых в каждом человеке. Что его кредо — «драматическое напряжение».

В последнем фильме Хичкока «Топаз» (другое название «Тиски») сталкиваются четыре разведки — американская, французская, кубинская, советская. Бывший советский гражданин, перебежчик, продает американцам имеющиеся у него сведения о поставках советского военного снаряжения на Кубу (действие происходит в 1962 году). Эти сведения нуждаются в уточнении, и американская разведка обращается к французскому агенту Андре Деверё, имеющему на Кубе любовницу, за помощью.

Вернувшись в Париж, Деверё совершает еще один «подвиг» — теперь уже не во имя Соединенных Штатов, а во имя Франции. Он выводит на чистую воду группу чиновников службы безопасности, работающих... на советскую разведку.

Центральным персонажем фильма, таким образом, является Андре Деверё. Именно он избавляет Соединенные Штаты от опасности ракетного удара со стороны Кубы и только ему обязана Франция тем, что все «прислужники красных» переселились в иной мир. Выходит, главный герой «Топаза» Андре Деверё? Нет, не выходит. Мистификация Хичкока на этот раз имеет четкое политическое назначение.

Андре Деверё полетел на Кубу вопреки категорическому запрету своего «центра» и решительным протестам жены, — исключительно по настояниям американцев. И второй свой подвиг — разоблачение «красных шпионов» в Париже — Деверё осуществил опять-таки благодаря тесной связи с американской разведкой, которая снабдила его соответствующими уликами.

«Мистификаторский» дар Хичкока поистине безграничен. В фильме заняты актеры разных национальностей, в парижских сценах — преимущественно французы. Роль же Андре Деверё играет американский актер — с характерным обличьем киноэкрана: энергичное, с подчеркнуто твердым подбородком лицо, отменно атлетическая, в пропорциях привычного голливудского стандарта фигура. Во всем его облике и поведении навязчиво проступает пресловутое «Made in USA».

В отличие от американизированного Андре Деверё собственно французы — и не только те, что служат «красным», — выглядят жалкими статистами, все они трусливы, легкомысленны, развратны. А говорить о том, каковы на экране кубинцы и русские, вообще, пожалуй, излишне, поскольку читателям, надо полагать, достаточно ясна подоплека этого фильма. Конечно же, они жестоки, фанатичны, коварны, и, если бы не Андре Деверё, а вернее, его проницательные коллеги из Центрального разведывательного управления, один Хичкок знает, до чего довели бы «красные» беспечную Францию!

Уже в ту пору, когда Франсуа Трюффо брал свое «марафонское» интервью, в 1966 году, на экранах демонстрировался фильм Хичкока «Разорванный занавес». Это был его первый опыт прямого приобщения к антикоммунизму. Правда, весьма «локального» характера — американский ученый-физик, сделав вид, будто хочет изменить Соединенным Штатам, приезжает в ГДР, чтобы выведать секретные сведения. Он добивается своей цели и благополучно возвращается на Запад.

Беседуя с Трюффо о «Разорванном занавесе», Хичкок утверждал, что и в этой ситуации его увлекло излюбленное им «драматическое напряжение».

После выхода «Топаза» 501-й вопрос апостолу «драматического напряжения» должен формулироваться так: не служит ли «драматическое напряжение», достигнутое в этом фильме, нагнетанию в человеческом обществе подозрительности и страха, милитаристического угара и, в конце концов, усилению международной напряженности?

Впрочем, г-н Хичкок может и не отвечать на этот вопрос, — созданная им картина с исчерпывающей определенностью говорит о его нынешних политических взглядах. Он открытый и ярый приверженец американского образа жизни и только в Соединенных Штатах видит надежный оплот империализма. Кино, по Хичкоку, если иметь в виду «Топаз», — это такого рода оружие антикоммунистической пропаганды, которое, унижая национальное достоинство людей, сеет семена недоверия и вражды между народами. Эстетика ужасов и страха, исповедуемая Хичкоком несколько десятилетий, предстала теперь на экране в своем чистом виде — как единственное отрицание гуманизма.

«КРЕМЛЕВСКОЕ ПИСЬМО» ДЖОНА ХАСТОНА

В буквальном переводе с английского название фильма Джона Хастона означает «Кремлевское письмо».

Кремлевское Кремль. Для прилежного читателя «Нью-Йорк таймс» или «Вашингтон пост» слово это в любых модификациях является синонимом «коммунистической угрозы», разного рода глобальных замыслов, которые — увы! — скрыты в сплошном тумане секретности и недоступны даже самым вездесущим корреспондентам.

«Кремлевское письмо»! Тот «прилежный читатель» и без дополнительной рекламы катит в кинопарк-инг возле Нью-Йорка, чтобы, не выходя из машины, наконец-то постигнуть «кремлевские тайны».

Правда, потом выясняется, что речь в фильме идет о письме, адресованном в Кремль. Но зритель ведь уже купил билет и сидит в кинотеатре...

О сути письма, впрочем, в фильме говорится весьма неопределенно. Ясно лишь, что оно направлено неким (это уже «тайна» Белого дома) влиятельным янки в Москву и содержит предложение о проведении совместной русско-американской акции в одной из азиатских стран. Те, кто печется о государственном престиже Соединенных Штатов, вдруг осознают, что таким письмом американцы могут быть скомпрометированы, и решают срочно вернуть его обратно. Вот тут-то и открывается благодатное кинополе деятельности для агентов Центрального разведывательного управления. Руководимые на сей раз не Алленом Даллесом, а Джоном Хастоном, некогда известным, хорошей репутации, режиссером, они устремляются в Россию...

Письмо — лишь повод. Интригующая заявка. Главное — найден импульс для супердетективного сюжета: американская разведка должна проникнуть в «тайное тайных» Советов...

В западной критике, сопровождавшей выход фильма на экраны, отмечалось, что он принципиально отличается от предшествующих «шпионских» картин, в том числе и от скандально знаменитой серии киноприключений Джеймса Бонда. Это, мол, не развлекательный боевик, а обличение той скрытой от мира борьбы, которую ведут между собой разведки разных стран, исследование методов, характерных для всех современных разведывательных служб, независимо от их государственной принадлежности. Такова спекулятивная логика буржуазных критиков, уповающих на теорию «конвергенции»: общность профессии предъявляет людям одни и те же требования — волевые, психологические, моральные, и такой подход к показу разведывательной деятельности свидетельствует, мол, об отсутствии в фильме политической тенденциозности.

Агент номер 007, как и его менее известные коллеги, превосходил всех, с кем ему доводилось сталкиваться, не исключая и разведчиков противоборствующей стороны, по всем статям. Превосходил в сметке, ловкости и храбрости, не встречал равных себе по твердости мускулов, стрельбе из всех возможных и невозможных видов оружия и, само собой, по части успеха у женщин, не говоря уже о способности не тонуть в воде и не гореть в огне. Хастон же сделал фильм, в котором действительно нет столь «исключительных» личностей, он удовлетворился — если это не парадокс — обычными суперменами на уровне «мирового стандарта». Даже руководитель группы, прибывшей в Москву, вроде бы ничем не превосходит своих партнеров. Разве что именно перед ним не устояла высокомерная блондинка, связанная с русской разведкой. Но ведь Джеймс Бонд в процессе одной операции проделывал то же с десятком красоток!

В чем же заключается «новаторство» Хастона? Какую лепту вносит он в «совершенствование» форм антикоммунистической кинопропаганды?

«Уравнивая» в профессиональных качествах разведчиков той и другой стороны, Хастон «уравнивает» по возможности и общественные пороки этих сторон. Приехав в Москву, члены шпионской миссии сталкиваются с тем же, что им так знакомо... у себя на родине: употребление наркотиков, кружки гомосексуалистов, продажность женщин и т. д. и т. п. За московский быт выдаются сцены, хорошо знакомые буржуазному зрителю по фильмам из американской, английской или шведской жизни. В фильме беззастенчиво эксплуатируются темы, являющиеся наиболее ходовым товаром на капиталистическом рынке массового искусства.

За многие годы работы в кино, надо полагать, Хастон достаточно хорошо изучил вкусы буржуазной публики и уверен, что находится на верном пути к ее сознанию (или подсознанию). Он стремится убедить зрителей, что порок — категория всечеловеческая, и поэтому мерзости, характерные для буржуазного общества, естественны и для социалистического. А если обе стороны равным образом испорчены, то стоит ли думать о социализме, не проще ли уповать на улучшение «своего» общества и совершенствование человека милостью божьей. Опять-таки не что иное, как практическое претворение в искусстве теории «конвергенции»!

Таким образом, «Кремлевское письмо» выполняет вполне определенную социальную функцию — укреплять веру в существующий порядок жизни и рассеивать надежды на то, что коммунистические идеи приведут мир к лучшему будущему. Возможно, фильм и достигает этой цели, но, думается, лишь в тех случаях, когда его смотрит зритель очень уж простодушный, зритель, который не знает не только технических возможностей современного американского кинематографа, но — что в данном случае главное — его истинных политических целей.

* * *

Современное американское кино — явление сложное и противоречивое. В Соединенных Штатах работает немало честных, талантливых художников, которые не поддаются психозу антикоммунизма, стремятся откликаться на острые социальные вопросы, протестуют против крайних проявлений аморальности, расизма, культа силы. Но в этой статье мы говорим о той части американского кинематографа, которая, попав в финансовую зависимость от капиталистических монополий, является ревностным проводником реакционной политики Соединенных Штатов.

Трудно назвать ныне какую-либо провокационную политическую акцию Вашингтона или актуальный идеологический тезис буржуазной пропаганды, которые бы не внедрились в сознание американца с помощью самой могущественной музы XX века — кинематографа.

Широко известно, какие гневные протесты прогрессивной общественности всего мира, в том числе и американской, вызывает агрессия США во Вьетнаме. Чтобы обелить эту «грязную войну», оправдать жестокость и насилие, на экраны выпускается картина «Зеленые береты». В целях «обоснования» нескончаемой гонки вооружений, также вызывающей решительный протест американского народа, ставится фильм «Ледовая станция «Зебра», где доблестные подводники-янки бьются с «красной угрозой» в районе Северного полюса.

Можно назвать и еще ряд фильмов, в которых оперативно воплощаются конкретные тезисы буржуазной пропаганды. Ограничимся двумя из них — «Председателем» и «Туфлями святого Петра». Первый построен на перипетиях очередной головокружительной операции американской разведки в Китае с заданием выведать там некий научный секрет направляется в качестве агента ЦРУ крупный физик. Он успешно справляется со своей миссией благодаря помощи... советской разведки. Грубо спекулятивный характер этого фильма не нуждается в комментариях. Во второй картине мифический представитель Вашингтона пытается добиться одинакового понимания путей борьбы за мир в разных странах земного шара. Толкование данного вопроса «красными» провокационно противопоставляется позиции других государств. Фильм этот, «Туфли святого Петра», тоже полностью соответствует определенному тезису антисоветской антикоммунистической пропаганды, направлен на разобщение народов в борьбе за мир, демократию и социализм.

Все названные выше фильмы затрагивают актуальные, современные проблемы международной жизни, вернее, толкуют эти проблемы в точном соответствии с политикой, проводимой сегодня Государственным департаментом США.

Но для антикоммунистической пропаганды в американском кино не менее активно используются и исторические темы. Предпринимаются настойчивые попытки так показать революционные преобразования в нашей стране, чтобы вызвать у буржуазных зрителей страх перед социальным обновлением общества, внушить им мысль, будто социалистический образ жизни лишает человека свободы, ведет к обеднению его духовного мира. Иными словами, делаются усилия дать иллюстрации к тем набившим оскомину положениям антикоммунистической пропаганды, которые давно опровергнуты всем ходом развития социалистической демократии, подлинным расцветом личности в нашей стране.

Еще в 1965 году американским режиссером Дэвидом Лином был снят фильм «Доктор Живаго», который на определенный период стал знаменем антикоммунистической кинопропаганды.

Судя по сообщениям американской и английской печати, «лавры» Дэвида Лина прельщают и других режиссеров. Компания «Коламбиа пикчерз», как заявил ее президент Стенли Шкейдер, ассигновала 8 миллионов долларов на производство фильма «Николай и Александра», посвященного Февральской буржуазной революции в России. Ведется подготовка к съемкам картины, в которой намечено показать участие стран Антанты в военной интервенции против молодой Республики Советов.

Зная практику буржуазного кино в «осмыслении» нашей истории, можно смело, не рискуя ошибиться, предположить, насколько «правдиво» эта интервенция и Февральская революция будут представлены на американском экране.

Антикоммунисты от кино продолжают активно заниматься и экранизацией «сочинений» литераторов, снискавших в последние годы позорную славу антисоветчиков.

Все более часто вспыхивает на экранах Европы, тормозя развитие киноискусства Англии, Италии, Франции, марка «Made in USA», которую в данном случае следовало бы перевести так: антикоммунизм, милитаризм, реакция...

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

17 марта 1971 года на 76-м году жизни скончался видный советский ученый, член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии, доктор философских наук профессор Михаил Александрович ДЫННИК.

В лице М. А. Дынника советская наука и культура понесли тяжелую утрату. Михаил Александрович прошел большой жизненный и трудовой путь. Он родился 2 марта 1896 года в Киеве. В 1919 году М. А. Дынник окончил историко-филологический факультет Киевского университета, где специализировался по философии и русской литературе. После окончания университета он посвятил себя преподавательской и научной работе в области истории философии и эстетики. М. А. Дынник был профессором Института истории, философии и литературы, Московского университета, Академии общественных наук при ЦК КПСС. Его перу принадлежит свыше ста работ по истории античной и западноевропейской философии, по эстетике и критике современной буржуазной идеологии.

Труды М. А. Дынника оказали значительное влияние на советскую и зарубежную марксистскую историю философии, наложили свой отпечаток на направление и тематику историко-философских исследований за последние 30—40 лет. М. А. Дынник представлял советскую философию на различных международных философских конгрессах и симпозиумах — в Италии, Греции, Франции и других странах.

Не одно поколение советских философов начинало свой путь под руководством М. А. Дынника и изучало его широкоизвестные труды — «Диалектика Гераклита Эфесского» (1929 г.), «Очерки истории философии классической Греции» (1936 г.), его переводы текстов античных философов и мыслителей эпохи Возрождения. Он явился одним из авторов и редакторов шеститомной «Истории философии». Его перу принадлежат многие разделы первой советской «Истории философии» (1940—1943 гг.).

Последние годы жизни Михаила Александровича были особенно тесно связаны с Институтом философии АН СССР, где он сотрудничал с 1943 года. С 1966 года М. А. Дынник руководил в институте сектором истории философии стран Западной Европы и Америки, возглавлял работу по созданию цикла исследований по истории диалектики.

Михаил Александрович всегда был готов прийти на помощь другим, помочь молодым ученым найти свое место в науке. Товарищеское чувство было глубоко свойственно ему, и это выражалось также в его деятельности руководителя коллективных трудов.

Все, кому довелось близко знать Михаила Александровича, навсегда сохранят светлую память о нем.

ОТДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА АН СССР. АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК. ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ АН СССР. ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

■

Совсем недавно мы отмечали восьмидесятилетие Владимира Захаровича Швейцера, и вот его больше нет среди нас.

Литературная деятельность Владимира Захаровича продолжалась свыше шестидесяти лет. Она началась бурно и ярко: совсем еще молодой человек, почти юноша, стал признанным мастером фельетона, имя его упоминалось в ряду крупнейших представителей этого жанра.

После Октябрьской революции В. Швейцер много и плодотворно трудился на театральной ниве. Достаточно сказать, что он был основателем Свободного сатир-агиттеатра в Баку (ныне Азербайджанский русский драматический театр). Ряд лет он возглавлял Русский театр в Тбилиси.

Но особенно увлеченно работал Владимир Захарович в кинематографе. В качестве сценариста он участвовал в создании таких известных фильмов, как «Марионетки», «Праздник святого Иоргена», «Бесприданница».

В последние годы Владимир Захарович выступил с яркой и содержательной книгой воспоминаний «Диалог с прошлым», полной тонких наблюдений и точно отобранных штрихов.

Это был человек большого ума, широкой души, исполненный мудрой доброжелательности и неистощимого жизнелюбия.

Он прожил большую, насыщенную жизнь и мужественно встретил смерть.

М. БЛЕЯМАН, Е. ГАВРИЛОВИЧ, Л. ЗОРИН, К. ИСАЕВ, А. КАПЛЕР, Н. ПРУТ, Е. СУРКОВ, А. ШТЕЙН, И. ШТОК

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ФАНТАСТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ

Проект Директив XXIV съезда КПСС волнует ум и будит фантазию, но вместе с тем стоит на твердых реалистических основах.

Пять лет я работаю в Москве в качестве корреспондента газеты «Непсабадшаг». Помню, как здесь я читал Директивы XXIII съезда. Поэтому для меня особенно наглядны эти две стороны Директив: полет фантазии — с одной стороны, и строгая реальность — с другой. Ведь я мог каждый день, неделю, месяц и год следить за тем, как осуществляется на деле план восьмой пятилетки, который казался таким же смелым, каким кажется сейчас новый проект Директив.

Выполнение пятилетнего плана будет означать качественно новую ступень в развитии народного хозяйства. О чем бы ни шла речь — о производственных вопросах, методах управления, технологии, — требование одно и то же: эффективнее, на более высокий уровень!

Неоценимо значение пятилетней программы и в международном аспекте. Конечно, повышение жизненного уровня занимало и в прошлой пятилетке ведущее место, но сейчас подготовлены условия для еще более быстрого прогресса. В проекте Директив этот вопрос рассмотрен обоснованно, со всех точек зрения. Это может служить примером для каждой страны, где борются за улучшение жизни трудящихся.

Реализация нового пятилетнего плана окажет непосредственное влияние и на быстрое развитие экономики Венгрии и всех социалистических стран.

Янош НЕМЕШ,
венгерский публицист

К НОВЫМ СВЕРШЕНИЯМ

С большим интересом познакомился я с проектом Директив по новому пятилетнему плану. Особенно впечатляет главное задание пятилетки — обеспечить значительное повышение материального благосостояния и культурного уровня народа на основе высоких темпов роста социалистического производства, увеличения его эффективности и производительности труда.

В проекте Директив румынский народ видит научно обоснованную программу строительства коммунизма в вашей стране. Читая этот документ, я вспомнил дружеские встречи с рабочими одного московского завода, коллектив которого является членом советско-румынского общества дружбы; вспомнил дерзновенные проекты конструкторов и архитекторов, беседы со специалистами на ВДНХ в павильоне «Космос». Мне запомнилась их единодушная решимость встретить XXIV съезд коммунистов Советского Союза новыми успехами. Именно эта решимость — залог будущих высоких показателей в промышленности, сельском хозяйстве, в научных исследованиях, в деле повышения жизненного уровня советских людей.

Мы искренне приветствуем проект Директив XXIV съезда КПСС и желаем всему советскому народу полного успеха в осуществлении стоящих перед ним задач.

Виктор ВЫНТУ,
румынский публицист
БУХАРЕСТ
(По телеграфу)

СОГЛАШЕНИЕ ПРОДЛЕНО

В Будапеште состоялся обмен нотами о продлении советско-венгерского соглашения об охране авторских прав, подписанного 17 ноября 1967 года.

Срок действия соглашения продлен до конца 1977 года.

МЫ С ВАМИ, БРАТЬЯ!

Прошел год, как я побывал во Вьетнаме, но то, что я там увидел и пережил, свежо в памяти, как будто все это было только вчера. Тем более что и сейчас телеграф продолжает приносить тревожные вести, повторяя названия знакомых мне провинций, городов и деревень, которые были разрушены американскими бомбежками за годы эскалации и снова подвергаются вражеским налетам и обстрелам.

Представитель МИД ДРВ выступил с заявлением, в котором указывается, что с 3 по 7 марта этого года американские самолеты, в том числе стратегические бомбардировщики B-52, бомбили и обстреливали ракетами деревню Хыонглап, а американская артиллерия на южной части демилитаризованной зоны обстреливала деревни Виньшон и Виньзианг, расположенные в районе Виньлинь. Американская авиация нанесла воздушные удары по ряду пунктов провинции Куангбинь.

В прошлом году я сам оказался под американским артиллерийским обстрелом в деревне Виньшон. Нгуен Ван Тхунг, комиссар отряда, охраняющего Красное знамя у моста Хен Лыонг, рассказывал нам о крестьянке Зьем, которая не ушла с жителями деревни, когда их эвакуировали в горы. По ночам она вышивала на красном полотнище золотую пятиконечную звезду, чтобы вместо изрешеченного во время ночных налетов знамени утром поднять новое. Еще он рассказал о том, как старший сержант Май Тхай Зуонг во время подъема знамени был ранен. И все-таки он выполнил свое почетное задание — знамя, как и всегда, гордо развевалось на флагштоке.

Когда мы беседовали с комиссаром, над нами появился американский самолет-разведчик. Он бросил в нашу сторону дымовую шашку.. Так была указана цель артиллеристам американской базы. Сорок шесть снарядов разорвалось в деревне Виньшон.

А в деревне Виньзианг, хотя и снесенной начисто американцами, но живой — она зарылась под землю, молодой поэт в траншее, по которой ходят крестьяне от дома к дому, вернее от блиндажа к блиндажу, читал нам свои стихи. Это были стихи о мирных людях, которые живут, как солдаты, о крестьянах, которые, ложась спать, не выпускают из рук автоматов, о землянке, которая надежно защищает от американских бомб. Мне понравилось это стихотворение и понравилось, как поэт исполняет свои стихи нараспев. Я записывал их на магнитофон. И вдруг снаряд, прилетевший с южного берега, разорвался где-то недалеко. Поэт продолжал свое чтение — для него артиллерийский обстрел стал привычным. А я последний раз попадал под артналет ровно четверть века назад, в марте 1945 года, под Гданьском, где был тяжело ранен...

Памятна встреча и с другим вьетнамским поэтом. Зовут его Суан Хуанг. Живет он в провинции Куангбинь, в городе Донгхое. Мы стояли на пепелище его родного дома.

— Ваш Сталинград помогает нам выстоять в этой войне, помогает нам победить!

«Американская авиация нанесла воздушные удары по ряду пунктов провинции Куангбинь», — читаю я сообщение и вновь вспоминаю своего друга — вьетнамского поэта, и мысленно обращаюсь к нему:

— Дорогой Суан Хуанг! Я, старый солдат, своими глазами видел, как героически сражаются мои вьетнамские братья против американских агрессоров, как они трудятся на полях и на заводах, как они живут — по-солдатски, мужественно и сурово. Я побывал под бомбежками и под артобстрелами и в ту, и в эту войну. Я не просто уверен, я твердо знаю, что вьетнамский народ непобедим. Потому что на его стороне, на твоей стороне, мой дорогой друг, сердца всех честных людей земли, бескорыстная братская помощь советского народа, одержавшего победу под Сталинградом, победу в Великой Отечественной войне.

Александр НИКОЛАЕВ

ВЬЕТНАМ БОРЕТСЯ, ВЬЕТНАМ ПОБЕДИТ!

С 16 марта в нашей стране проходила Неделя солидарности с борьбой вьетнамского народа против агрессии США. На многочисленных митингах и собраниях советские люди выражали чувства дружбы и симпатии к братскому народу, заявляли о поддержке его мужественной борьбы. Они гневно осуждали политику американского империализма в отношении всех народов Индокитая.

Мы публикуем заметки писателя Александра Николаева, который побывал на земле героически сражающегося вьетнамского народа.

ФОТО НЕДЕЛИ

На второй день суда в Сан-Рафеле слово было предоставлено Анджеле Дэвис. Она обратилась к судьям с заявлением, в котором убедительно доказала свою невиновность. Судят не ее, сказала Анджела, а «определенный образ мышления», судят в ее лице Коммунистическую партию США и демократическое движение страны, судят человека с темным цветом кожи, а для Америки уже одно это — преступление.

Фото передано по бильду из Сан Рафеля агентством Ассошиэйтед Пресс

СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ

КЛЕВЕТА, КОТОРАЯ УБИВАЕТ

В одном из госпиталей Женевы умерла новорожденная. Появившись на свет за два месяца до положенного срока, она несколько дней при помощи врачей боролась за жизнь, но сил оказалось слишком мало. Ребенок умер в окружении судебных врачей и адвокатов. При чем тут адвокаты? Ведь достаточно медиков, чтобы констатировать смерть. Но на сей раз нужно было еще засвидетельствовать, что ребенок был белый, а не цветной. Это понадобилось для опровержения клеветы, возведенной на мать.

Жан Себерг с раннего возраста выступала за право негров на человеческое достоинство. Став знаменитой киноактрисой, она не изменила своим убеждениям. Расисты не могли простить этого. Ее оклеветали.

Прослышав, что Жан Себерг готовится стать матерью, кто-то в Голливуде начал распускать слухи о ее безнравственности, о том, будто она ждет внебрачного ребенка и будто его отец — один из деятелей организации «Черные пантеры». То была заведомая ложь. Жан ждала ребенка от своего мужа — французского писателя и кинорежиссера Ромэна Гари, выпустившего в прошлом году антирасистскую книгу «Белая собака».

Бульварная пресса Америки подхватила злую молву. В газетах появились сообщения, будто «кинозвезда экс-госпожа Г.» ждет ребенка от негра.

Грубая, грязная клевета потрясла беременную женщину. С большим трудом врачи предотвратили преждевременные роды. Но травля продолжалась. Роковой удар нанес журнал «Ньюсуик», считающий себя «эталоном» американской прессы. Этот «эталон» превзошел бульварную печать. В небольшой заметке он назвал актрису по имени и повторил ложь.

Через несколько часов после того, как Жан прочла эту заметку, у нее произошли преждевременные роды. Судебные врачи и адвокаты засвидетельствовали отцовство Ромэна Гари. Но ребенок умер.

Ромэн Гари в письме, опубликованном газетой «Франс-суар», обвинил «Ньюсуик» в убийстве дочери. «Даже «серьезное» издание, читаемое шестью миллионами американцев,— говорится в письме, — не может, по всей видимости, не мечтать о ножах банды Мэнсона, оборвавшей жизнь Шарон Тейт и ребенка, которого она носила в своем чреве».

«Французы! — пишет Ромэн Гари, заключая свое письмо. — Я пишу это не для того, чтобы вас разжалобить, даже не для того, чтобы вас взволновать. Я просто информирую, потому что мой гражданский долг состоит в том, чтобы, как свидетелю, помочь вам лучше понять, что происходит в Америке...».

Ю. БОЧКАРЕВ,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»
ПАРИЖ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЗАПЯТНАННЫЙ МУНДИР ВЕСТ ПОЙНТА

Вест Пойнт... Так называется американская военная академия. Вот уже больше полутора столетий она готовит офицерские кадры для вооруженных сил США. В агрессивной войне, которую ныне ведет американский империализм в Юго-Восточной Азии, многими воинскими частями командуют воспитанники Вест Пойнта. Автор перепечатываемой нами (с сокращениями) статьи из американского журнала «Прогрессив», Роберт Б. Джонсон, окончил академию Вест Пойнт в 1965 году, затем, после двух лет военной службы в Западной Европе, в чине капитана был направлен во Вьетнам, где пробыл год. Но, демобилизовавшись, он устно и в печати стал выступать против продолжения войны во Вьетнаме, одновременно являясь одним из основателей комитета ветеранов по расследованию военных преступлений США.

Вест Пойнт — это больше чем какая-то частица армии. В определенном смысле Вест Пойнт — **сама армия.** С 1812 года должность начальника академии неизменно занимали только ее бывшие слушатели. Из их же числа укомплектован почти весь преподавательский состав кафедр тактики, учебной и спортивной подготовки. И до самых недавних пор любой вестпойнтовец, возвращаясь в академию, приносил с собой ту же философию, те же взгляды на воинскую службу, которые в свое время здесь усвоил. Американский народ даже в отдаленной мере не знает правду об этом военно-учебном заведении, готовящем немногочисленную, но могущественную армейскую элиту.

Вест Пойнт выполняет свою задачу с помощью трех основных систем — обучения, воспитания «плебея»* и «поддержания воинской чести».

«Инструктаж» новичков начинается в первый вторник июля. Началу собственно академического, то есть учебного, года предшествуют два месяца муштры и унижений под руководством старшекурсников. За этот период «плебей» овладевает основами военного «протокола», знакомится с традициями академии и проходит интенсивную строевую подготовку.

В мое время одним из излюбленных неофициальных методов был так называемый «душевой строй». Новичков выстраивали вдоль стены и заставляли «вибрировать», то есть возможно сильнее задирать голову. Длилось это до тех пор, пока на лице не выступал обильный пот, что давало право пойти под душ.

Подобное обесчеловечивание «плебеев» — процесс, растягивающийся на несколько лет. Они не смеют обронить лишнее словечко или вступить в спор со старшекурсниками: они заучивают три основных ответа: «Да, сэр». «Нет, сэр». «Виноват, сэр».

Нелегко молодому человеку провести долгие четыре года в Вест Пойнте, пронизанном атмосферой духовного и нравственного оглупления. Ко времени выпуска триединая система подготовки — обучение, муштровка «плебеев» и «поддержание чести», — как правило, делает свое дело.

И если после нескольких лет военной карьеры старший начальник приказывает прочесать и уничтожить, то есть буквально стереть с лица земли, вьетнамскую деревню, то «лояльный» воспитанник Вест Пойнта, выпестованный в этой академии и насквозь пропитанный ее влиянием, вполне готов выполнить такой приказ.

Недавно, обращаясь к выпускникам колледжа армейских командиров и штабных офицеров в Форт-Ливенворт (штат Канзас), генерал-майор Роланд Кирк сказал: «Нам нужны мэры городов и президенты университетов, умеющие находить наслаждение в битвах». За эту речь его наградили почетной медалью.

Генерал Уэстморленд неоднократно заявлял, что ключ к успеху во Вьетнаме — это огневая мощь. Бригадный генерал Джордж Линкольн, в 1954—1969 годах возглавлявший в Вест Пойнте кафедру общественных наук, так расшифровал идею «огневой мощи»: «Функция военной профессии состоит в упорядоченном применении военных ресурсов (в данном случае бомб и артиллерийских снарядов) для решения какой-либо **социальной** проблемы».

Однако не все вестпойнтовцы готовы отказаться от своих моральных принципов, лишь бы остаться «в упряжке». С беспримерной в истории Вест Пойнта прямотой его бывшие воспитанники — и даже нынешние слушатели — бросают вызов этой системе военной подготовки и господствующему в ней духу. Что касается лично меня, то процесс моего перевоспитания начался в ФРГ, где я служил в чине старшего лейтенанта. В свободные часы я стал изучать философию и психологию, с которыми меня не познакомили в Вест Пойнте.

В 1968 году меня направили в школу военных советников в Форт-Брагг (штат Северная Каролина). Этот этап предшествовал моей отправке во Вьетнам. Вот тогда я почувствовал, что больше не могу примирять казенный оптимизм моих преподавателей с трагическими кадрами вечерних выпусков телевизионных новостей. Но окончательным подтверждением мучивших меня сомнений явился мой собственный опыт пребывания во Вьетнаме, где «успех» измеряется числом убитых людей. Я видел, как пытают пленных, как уничтожают страну и народ во имя .. «их спасения». Девиз Вест Пойнта — «долг, честь, родина» — лишился здесь всякого смысла. Я отказался от дальнейшей службы во Вьетнаме и с тех пор посвятил все свое время выступлениям против этой войны, организации борьбы с ней.

Я не одинок. Число подавших в отставку военнослужащих моего выпуска 1965 года, а также выпуска 1964 года, вызвало переполох среди командования. Нашлись люди, которым достало мужества бросить вызов духу Вест Пойнта, этого питомника военных профессионалов, стремящихся «рационализировать» и утаивать зверства, чинимые Америкой.

Роберт ДЖОНСОН

* «Плебеями» в Вест Пойнте называют новичков.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

«УРБАНИЗАЦИЯ» ПО-ИЗРАИЛЬСКИ

Об искренности намерений, как известно, свидетельствуют не слова, а факты. Внимание западной прессы привлек новый шаг израильского правительства, который был преподнесен тель-авивской пропагандой как «исключительное проявление заботы о людях». Министр жилищного строительства Израиля Зеев Шареф объявил, что его правительство намерено построить 19 500 квартир для 100 тысяч человек. План, конечно, достойный похвалы, если бы не одно обстоятельство. Для проявления «заботы о людях» и демонстрации своей «гуманности» правительство Голды Меир выбрало три участка земли общей площадью более 4000 акров (более 1600 га) на оккупированной иорданской территории и в иорданской части Иерусалима.

«Забота о людях» обернулась откровенной политической провокацией. Американский журнал «Тайм» цитирует слова министра Шарефа, который «без обиняков признал»: «Правительство полно решимости сделать Иерусалим подчеркнуто израильским городом. Это — утверждение сионизма».

Эти откровения звучат в унисон с заявлением заместителя премьер-министра Израиля Игала Аллона, сделанным 8 марта в Эйлате: «Израиль должен создавать на оккупированных территориях не сельскохозяйственные поселения, а города. Это привлечет больше людей на территории, необходимые для обеспечения нашей обороны».

Не забота о бездомных волнует Тель-Авив, а желание во что бы то ни стало удержать за собой оккупированные арабские территории.

Я. КАНЕВСКИЙ

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

ПЕРО И КИСТЬ РОКУЭЛЛА КЕНТА

«Высшая цель, которой может служить искусство, — способствовать тому, чтобы люди глубже понимали жизнь и больше ее любили. Передавая нам — и в этом его долг — пламенное горение художника, оно может обогащать и укреплять нас в нашем стремлении к счастью и совершенству».

Эти спокойные и убежденные слова Рокуэлла Кента могут быть поставлены эпиграфом ко всей его жизни. Правда, в этой жизни, бесконечно богатой, пронизанной непрестанным и многоликим творчеством, не было никакого спокойствия. Но вера Кента в то, что человек рожден для труда и творчества ради высоких моральных и общественных целей, была осуществлена им на деле, отразилась во всех его созданиях — книгах, картинах и рисунках, — как и во всех решениях и поступках его долгой жизни, не знавшей ни секунды душевной усталости, ни остановок, ни колебаний. Прекрасный писатель и прекрасный художник — кем он только еще не был! Он был моряком, путешественником, рыбаком, плотником, архитектором, фермером, политическим оратором, памфлетистом, карикатуристом, общественным деятелем на самых передовых и самых тяжелых фронтах борьбы за мир, против войны, фашизма, социальной несправедливости.

Все, что может сделать и создать человек, он умел делать своими собственными руками. Но если он и вошел в сознание миллионов зрителей и читателей прежде всего как писатель и художник, я думаю, что наиболее совершенным и удивительным его созданием был он сам — образец человека в ярком и всестороннем воплощении.

Все его искусство — и книги, им написанные и иллюстрированные им самим, и его живопись, и его графика — целиком определено потребностью сказать самое важное о мире и человеческой жизни.

Ведь именно так Кент создал и направил не только свою творческую, но и свою общественную деятельность, проникнутую, впрочем, тем же творческим, созидательным духом. Когда-то в давние времена (лет семьдесят тому назад!) он, совсем еще юношей, стал социалистом соратником Дебса, — в такие годы, когда слово «социалист» в общественном мнении тогдашней Америки соединялось с представлением о чем-то ужасном, противоестественном. Он кончил свои дни всемирно признанным борцом за мир, участником всех движений против войны.

Мне кажется, редко бывает, чтобы один человек сумел даже за такую долгую, почти девяностолетнюю жизнь столько взять от жизни, сколько взял Кент, и при этом так щедро вернуть накопленные сокровища людям. Он не только все умел, но и соединял огромную образованность, несметное множество знаний с ненасытными поисками нового, и эти поиски заносили его в буквальном смысле на край света — на маленький остров у берегов Аляски, на Огненную Землю к мысу Горн, на дальний север Гренландии. Он был и на Ньюфаундленде, и на Пуэрто-Рико, и в Ирландии, и во Франции, и — много раз — в Советском Союзе: от Ленинграда до Армении и Средней Азии. Его картины, большое число которых было подарено им советским музеям, несут в себе чувство великого простора земли и ее красоты в самых далеких и, казалось бы, неуютных концах, несут в себе человеческую гордость, почти пантеистически слитую с красотой мироздания. Его иллюстрации к Шекспиру, Боккаччо, Вольтеру, Пушкину, Уитмену, Мелвиллу, к собственным книгам — это широкий и яркий мир человеческих страстей, возвышенно-героических, скорбных или радостных чувств и стремлений, отлитых в столь же чеканную и монументальную художественную форму, как и его картины гренландской или адирондакской природы. Наконец, его книги, неизменно и подлинно автобиографические, умные, увлекательные и в высоком смысле гуманистические, — это одно из самых ярких созданий американской литературы XX века.

Но я лично — как и все, кто долго и очень близко знал Кента, — больше всего дорожу его великой сердечностью, его покоряющим воодушевлением, его душевной тонкостью, его нерушимой жизнерадостностью. Я видел его встревоженным и печальным, но гораздо чаще — веселым, ярким, радующимся и красоте русской природы, и своим встречам с людьми, и отклику на свое искусство.

Нужно с великой скорбью думать о его смерти. Но прежде всего надо с глубочайшей благодарностью помнить о том, что он жил на свете, неизменно сохраняя ясность и силу воли, ума и сердца посреди всех тревог и волнений XX века.

А. ЧЕГОДАЕВ,
доктор искусствоведения, профессор

НАВСТРЕЧУ ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ

НАУКА — ТРУЖЕНИК ПЯТИЛЕТКИ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КИБЕРНЕТИКА РАСПРАВЛЯЕТ ПЛЕЧИ. РЕАЛЬНОСТЬ, КОТОРУЮ НЕ ПРИДУМАТЬ ФАНТАСТУ.

ОДНА ЛАМПА — ДЛЯ ЦЕЛОГО ГОРОДА. КОЛОСЬЯ ЗРЕЮТ ПОД «КСЕНОНОВЫМ СОЛНЦЕМ». НАД АВТОСТРАДОЙ — ВЕРТОЛЕТ-ОРУДОВЕЦ.

Академик Г. МАРЧУК, заместитель председателя Сибирского отделения Академии наук СССР

НА ПЕРВОМ МЕСТЕ — КИБЕРНЕТИКА

Что такое научно-технический прогресс? Некоторые склонны понимать под этим чисто технический прогресс. А добавление «научно» придано, дескать, сюда для большей солидности. В таком случае, раз техника может обойтись без науки, значит, единственный движитель ее техники, прогресса — *она* сама. Иными словами, технический прогресс в представлении таких людей — это продвижение от *одного* инженерного усовершенствования к другому.

Будь это на самом деле так, мы двигались бы вперед крохотными, черепашьими шагами, все более отставая от времени. Размах и динамику нашему шагу придают именно крупные научные открытия, а не мелкие технические усовершенствования, хотя и они играют тут свою роль. Недаром в проекте Директив XXIV съезда КПСС намечается ускорить темпы научно-технического прогресса именно «путем всемерного развития исследований в наиболее перспективных областях науки...».

Далее в проекте называются поименно наиболее перспективные, с точки зрения требований времени, науки. Среди них на первом месте — математика и кибернетика.

Математика — одно из главных средств повышения эффективности народного хозяйства... Тем, для кого представление о ней, по традиции, ассоциируется с «башней из слоновой кости», в которой подчас замыкались математики прошлого, этот тезис, возможно, покажется несколько неожиданным. Между тем математика и ее детище кибернетика действительно уже давно заявили о своих правах в деле удовлетворения реальных потребностей общества и чем дальше, тем больше утверждают себя на этом поприще.

ЭВМ — БУХГАЛТЕР. А БУХГАЛТЕР!..

Известно, что эффективность народного хозяйства зависит в первую очередь от эффективности управления им на всех «уровнях» — от заводского цеха и всего завода до министерства. Что же такое эффективное управление? Это своевременное принятие обоснованных решений на основе полной и достоверной информации. Решения принимает человек.

Однако объем информации, предназначенной для управления даже отдельным предприятием, настолько велик, что лишь на изучение ее каждый руководитель должен был бы тратить все свое время, рабочее и нерабочее. Отсюда логически следует вывод: справиться с растущими потоками сведений можно только с помощью электронно-вычислительных машин и основанных на этих машинах автоматизированных систем управления (АСУ).

Я глубоко убежден, что именно здесь таятся самые большие резервы ускорения темпов научно-технического прогресса. Если в ближайшие 5—10 лет нам удастся радикально усовершенствовать планирование и управление на всех «уровнях», используя вычислительную технику и экономико-математические методы, производительность труда резко возрастет.

Кроме того, такое усовершенствование будет иметь ряд «побочных», но весьма положительных последствий в экономическом, организационном и социальном планах.

Приведу лишь один пример. Внедрение автоматизированных систем должно обязательно сочетаться с упорядочением структуры аппарата управления, информационной базы, документооборота. Так, сейчас при традиционной схеме одни и те же сведения о выработке заводского рабочего поступают в управленческие службы по пяти параллельным каналам — для начисления зарплаты, учета расхода материалов, учета экономических показателей, учета трудовых показателей, учета движения изделий. Ясно, что такое дублирование рождает громадное число бумаг и содержащихся в них сведений. На одном заводе подсчитали, что каждый цех заполняет 58 различных форм документов, которые несут в себе 5267(!) видов информации.

А между тем первичными, то есть недублируемыми, как выяснилось, можно считать 85—90 видов информации, которые свободно размещаются в 10 формах документов. Таким образом, «коэффициент усушки» сведений оказался примерно 0.98

Сокращение количества данных позволило освободить людей от огромной информационной перегрузки.

Некоторые высказывают опасения, не отнимет ли машина «хлеб» у человека, не оставит ли его без работы. Нет, разумеется! Напротив, она высвободит многих специалистов из-под ига не свойственных им функций. Сейчас бухгалтеры, плановики занимаются документацией, а должны заниматься тактикой и стратегией производства, как предписывают им их квалификация, знания, должность.

Впрочем, если автоматизация управления (и это естественно в социалистическом обществе) не может привести к безработице, она, без сомнения, позволит сдержать разбухание управленческих штатов, тенденция к которому всегда есть.

Разумеется, автоматизированные системы управления в том виде, как они задуманы и воплощаются в жизнь сейчас, не полностью реализуют возможности вычислительной техники. Постепенно им будут передаваться все более сложные и ответственные функции, в том числе поиск оптимальных решений в изменяющихся условиях. Тем самым люди будут освобождаться для творческого труда — для разработки научных методов управления, изыскания принципиально новых путей роста производительности труда и улучшения его условий.

НАПЕРЕКОР СТЕРЕОТИПАМ

Работа по созданию автоматизированных систем управления уже ведется в нашей стране, хотя полностью завершенных АСУ пока немного. Среди них — известная система Львовского телевизорного завода, о которой в свое время писала «Литературная газета». Близка к завершению АСУ Барнаульского радиозавода, создаваемая с помощью Вычислительного центра Сибирского отделения Академии наук СССР. Мы надеемся, что уже к концу этого года на заводе будет полностью автоматизирована обработка информации.

И тем не менее хотелось бы, чтобы уже сегодня действующих АСУ было больше, а эффективность их выше. Чем же объяснить, что АСУ разрабатываются и внедряются пока недостаточно быстро и действуют не так эффективно, как хотелось бы? Психологической инерцией, незаинтересованностью руководителей? В какой-то степени, но лишь в очень небольшой. Сейчас уже не нужно убеждать, скажем, директоров заводов в целесообразности и выгодности использования ЭВМ. Все прекрасно поняли это, все хотят. Но от желания до умения — дистанция огромного размера. Умения же, понимания существа дела как раз и недостает.

Главное, на мой взгляд, заключается в том, чтобы изменить сложившиеся мыслительные стереотипы. Один из этих стереотипов таков: основа автоматизированной системы, ее сердце — ЭВМ; значит, первым делом надо приобрести машину. Так и поступили на многих заводах. Но оказалось, что ЭВМ там гораздо больше простаивают, чем работают. Получается парадокс: с одной стороны, страна испытывает недостаток вычислительной техники, а с другой, — эта техника используется в мизерных масштабах.

Тогда был сделан вывод: надо покупать малые ЭВМ, которые можно загрузить в большей степени. Однако малые ЭВМ не справляются с большими задачами, которые время от времени возникают перед предприятием, например с задачами оперативно-производственного и оптимального планирования.

Где же выход? Выход — в создании крупных вычислительных систем коллективного пользования. Каждая такая система должна состоять из нескольких ЭВМ, соединенных каналами связи с обслуживаемыми предприятиями. По этим каналам в обоих направлениях передается информация, необходимая для управления производством. Каждый завод покупает не машину, а машинное время, что несравненно выгоднее и для него, и для государства.

Организация вычислительных систем коллективного пользования — ВСКП — позволила бы преодолеть еще один крупный недостаток. Сейчас АСУ создаются по отраслевому принципу. Но, как известно, каждая отрасль нередко проводит собственную научно-техническую политику — в организации работы, планирования, стимулирования... Традиционные принципы этой политики формировались в зависимости от взглядов того или иного министра, точки зрения коллегии министерства. Вот и получается: сколько отраслей, столько разных типов АСУ. А это ведет к дублированию работы, неэффективному использованию вычислительной техники, наконец, таит опасность того, что АСУ различных отраслей не смогут при необходимости «состыковаться».

Проект Директив решительно требует проведения единой технической политики. В области автоматизированных систем управления это, на мой взгляд, должно означать прежде всего централизацию усилий по созданию АСУ. Вычислительные системы коллективного пользования как раз и могут послужить такими центрами, вокруг которых объединятся коллективы разработчиков АСУ, ныне маломощные и раздробленные, слабо взаимодействующие между собой.

Другая сторона дела — приспособление линий связи к нуждам вычислительных систем, в частности к передаче буквенно-цифровой информации. Без этого развитие таких систем, а значит, и АСУ совершенно немыслимо. Сейчас ведется работа по созданию Единой системы связи СССР, однако эта работа, к сожалению, несколько оторвана от запросов вычислительных центров.

Поэтому мне кажется, в окончательном тексте Директив следовало бы специально оговорить необходимость приспособления линий связи к нуждам автоматизированных систем управления.

Из сказанного уже ясно, что вычислительные системы коллективного пользования надо создавать по территориальному принципу — в больших городах с развитым межотраслевым хозяйством, в крупных научных и учебных центрах.

«Клиентами» городских центров должны стать транспорт, торговля, служба быта, строительство... Все эти объекты очень удобны для управления с помощью ЭВМ, но пока, к сожалению, почти им не охвачены.

В чем я вижу тут основные трудности? Наиболее уязвимое место в деле развития вычислительных систем коллективного пользования — неудовлетворительное математическое обеспечение ЭВМ и его недостаточная универсальность. Это приводит к неэкономному расходованию машинного времени и опять-таки делает АСУ, разработанную в одной отрасли, на одном предприятии, не применимой в другом месте.

Наконец, математическому обеспечению уделяется сейчас непросту недостаточно внимания, как будто оно может наладиться само собой, без соответствующих усилий!

Думается, нужны эффективные меры, чтобы улучшить положение. В частности, полагаю, баланс расходования средств, отпускаемых на разработку вычислительной техники, должен быть резко изменен, а именно: следует увеличить в финансировании долю математического обеспечения. (Интересно заметить, что в США, например, уже несколько лет расходы на математическое обеспечение составляют более половины общей суммы расходов на вычислительную технику.)

Такое изменение финансирования позволило бы, в числе прочего, увеличить роль материального стимулирования работников, обслуживающих ЭВМ, что тоже очень важно, особенно учитывая их сегодняшнюю нехватку. Но это уже особая тема.

С ОПОЗДАНИЕМ В ДЕСЯТЬ ЛЕТ...

Никакой научно-технический прогресс невозможен без хорошо налаженной системы подготовки высококвалифицированных специалистов, прежде всего для новых областей науки и техники. К сожалению, вузы опаздывают с их выпуском в среднем, вероятно, на пять лет: новые специальности «закладываются» в институтах тогда, когда народное хозяйство уже переживает острую потребность в них. Значит, пять лет наука и промышленность страдают от недостатка этих специалистов. Фактически даже не пять, а, по-видимому, десять лет, если учесть, что молодые специалисты не сразу приносят «отдачу».

Причина такого опаздывания очевидна — отсутствие прогноза, видения перспективы в области образования. Нужен план введения новых специальностей в институтах, четко следующий за прогнозом развития науки и техники. Только в этом случае появление новых направлений не будет заставать нашу систему высшего образования врасплох.

Сейчас, например, сложилось крайне неблагоприятное положение с программистами: математиков и инженеров, способных работать на ЭВМ, вообще не хватает, а специалистов для вычислительных систем коллективного пользования еще меньше, ибо тут требуется более высокая квалификация.

В истории нашей страны не раз бывали периоды, когда оказывалось жизненно важным подготовить в самом экстренном порядке большое число специалистов того или иного профиля. Я думаю, такой период мы переживаем и сейчас. Необходимо в срочном порядке организовать в широких масштабах подготовку программистов при университетах и вузах. На мой взгляд, заслуживают особого внимания предложения, с которыми неоднократно выступал академик М. А. Лаврентьев, — о создании специального института подготовки специалистов в области прикладной математики вообще и программирования в особенности по типу Московского физико-технического института.

Наконец, следует уже сейчас сконцентрировать те силы, которые есть в крупных специализированных вычислительных центрах.

В прошлом наша страна успешно справлялась с подобными задачами. Нет сомнения, что справится и сейчас.

АВТОМАТАМ ОСВАИВАТЬ «ЦЕЛИНУ»

Проблема организации автоматизированных систем управления, безусловно, актуальна для всей страны. Важна она и для Сибири, может быть, даже важнее, чем для других районов.

Как известно, сибирская земля необычайно богата природными ресурсами. По предположениям геологов, здесь сосредоточено около двух третей мировых запасов угля. Только за последние годы в Сибири открыто более 100 месторождений нефти и газа. Значительны запасы руд, всемирно известны якутские алмазы.

Наконец, за Уральским хребтом — четыре пятых лесов страны. Могучие реки — Обь, Енисей, Лена — позволяют создать здесь один из главных центров по выработке электроэнергии.

Главная задача, стоящая перед нами, сибирскими учеными, в этой пятилетке,— обеспечить более полное использование этих богатств, повысить их удельный вес в народном хозяйстве страны.

Для этой цели можно, конечно, привлекать все новые и новые людские ресурсы. Однако вряд ли это единственный и наиболее разумный путь. Как известно, Сибирь, в значительной своей части, не очень-то уютна, жить в ней нелегко. К тому же основные ее богатства расположены, к сожалению, в труднодоступных районах. Поэтому развивать тут народное хозяйство, на наш взгляд, надо прежде всего на основе практически полной автоматизации новых предприятий, на основе широкого использования электронно-вычислительной техники для управления. Сибири необходима специфическая сеть вычислительных центров, которые вместе с автоматизированным производством обеспечили бы динамичное развитие промышленных и других комплексов.

Не следует, конечно, думать, что Сибирь 1980 или 1990 года будет безлюдной, ибо людям тут нечего будет делать. Еще раз хочу напомнить, что в социалистическом обществе автоматизация, будь то автоматизация производства или автоматизация управления, не идет в ущерб интересам человека. Энтузиастов, людей, жаждущих жить и работать в Сибири, полагаю, всегда будет достаточно. И дело всем им найдется, интересное дело, в котором они смогут раскрыть свои способности.

Как и повсюду, машина лишь освободит человека от нетворческой, малоинтересной работы и поможет ему там, где мозг человека в чем-то уступает «мозгу» машины.

НОВОСИБИРСК

Еремей ПАРНОВ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ-ФАНТАСТА

СОТВОРЕНИЕ ГРЯДУЩЕГО

ПЛАН, прогноз, мечта... Несмотря на разницу этих слов, они все означают одно и то же — взгляд в завтра. В проекте Директив сконцентрированы планы и прогнозы, планы, построенные с учетом прогнозов. Но за строкой проекта — и мечты...

Говорят, что мечта — первый шаг к изобретению. Нашему веку дано было воплотить в жизнь многое из того, о чем тысячелетиями мечтали люди, и многое, о чем они даже не мечтали.

В незаконченном романе «4338 й год» В. Ф. Одоевский писал о том, как ученые просвещенной России покорили воздушное пространство, изобрели синтетические искусства, научились получать искусственную пищу из небелковых продуктов. Одоевский заглядывал из николаевской Руси в тысячелетия, не подозревая, что век спустя все, о чем он пишет, станет реальностью. Американец Эдуард Беллами в нашумевшем романе «Через сто лет» пытался заглянуть всего на век вперед, но и его, казалось бы, смелые мечты научный прогресс опередил лишь за какие-нибудь три десятилетия.

В наш век небывалой научно-технической революции «девальвация» фантастических изобретений происходит буквально на глазах. Предсказания по части науки будущего перестали быть атрибутом изящной словесности и давно перекочевали в исследовательские институты, дальние и ближние прогнозы сделались неотъемлемой частью планирования научной политики.

Фантазия в чистом, так сказать, виде бессильна предвосхитить завоевания науки даже ближайших лет. Не удивительно, что фантастика давно отошла от приземленной инженерии и обратилась к глубоким философским проблемам.

Но людям свойственно мечтать. Они торопят время. Мысленно опережают его, чтобы хоть одним глазком заглянуть в будущее.

Какой будет наша жизнь через десять или хотя бы всего через пять лет? Какими новыми достижениями обогатит ее наука в новой пятилетке?.. Учтем исторический опыт и отбросим фантастику. Попробуем разглядеть наше завтра с реальных позиций, уже завоеванных наукой сегодняшнего дня.

В последние годы мы не раз были свидетелями торжества человеческой мысли и мужества. С экранов телевизоров следили мы за стыковкой отсеков первой орбитальной лаборатории. Радио и газетные полосы сообщали нам не только о погоде Подмосковья, Урала и Дальнего Востока, но и о показаниях барометра и термометра на поверхности Венеры. Мы успели даже свыкнуться с мыслью, что в этот самый момент на Луне осуществляет свою уникальную программу неутомимый трудяга — луноход.

Все это наши космические будни... А завтра? Не трудно «предсказать», что будет создана орбитальная обсерватория, оснащенная самыми совершенными приборами. Но можно лишь смутно догадываться о том, какие тайны откроет Вселенная экипажу космонавтов-астрономов, космонавтов-астрофизиков. Быть может, они «поймают» в космических лучах кварки или гипотетические тахионы, летящие со сверхсветовой скоростью? Зарегистрируют гравитационные волны? Обнаружат черные дырки «провалившихся» под собственным тяготением звезд? Обнаружат «духов» — световые источники, излучение которых обежало Вселенную? Трудно предсказать будущие открытия и, естественно, их последствия в науке и технологии. Но мы можем быть уверенными в том, что будем провожать в долговременный орбитальный полет космонавтов-исследователей. Можно лишь гадать о том, найдут ли будущие космонавты на Марсе следы жизни или нет. Если все же найдут и жизнь эта окажется отличной от нашей, земной, то современная биология совершит невиданный скачок. Быть может, ученым удастся тогда ответить на извечный вопрос: «Кто мы? Откуда пришли? Куда идем?»

Но и без марсианской жизни наука стоит буквально у границ нового, биологического века. Синтез генов обещает нам победу над болезнями и практически неограниченную приспособляемость к условиям среды.

Нельзя с уверенностью сказать, когда именно биологи научатся управлять наследственным кодом, когда раскроют тайну рака, победят сердечно-сосудистые заболевания, далеко отодвинут границы старости, вырастят в колбе первое искусственное существо. Вряд ли мы увидим это в ближайшие пять лет. Но ученые явно вплотную приблизятся к решению всех этих проблем. «Побочные» же последствия их поисков позволят продлить среднюю продолжительность жизни по крайней мере на 1—2 года. Так, во всяком случае, уверяют демографы.

Очень неуловимо, очень постепенно, но все-таки необратимо изменится вся наша жизнь. Цветное телевидение станет повсеместным, войдет в быт видеотелефон, транспорт увеличит скорости, автоматика и телемеханика поселятся в наших домах.

Проблема управляемого термоядерного синтеза, скорее всего, не даст нам в ближайшие годы ощутимых плодов, но промышленные магнито-гидродинамические генераторы стоят буквально у нас на пороге.

Академик Г. И. Будкер всерьез пишет об антивеществе как о возможном источнике реактивной тяги для звездолетов. Вряд ли мы будем свидетелями первого такого полета, но через 5 или 10 лет вакуумные «бутылки» с антиматерией станут привычным атрибутом физических лабораторий.

Как видим, даже такая невероятная экзотика, как антиматерия, за какие-нибудь 10—15 лет стала чуть ли не обыденностью! А еще через 10 лет?..

Еще в прошлом веке открытия ученых почти не затрагивали повседневной жизни людей. Путь от науки к практике был настолько долог, что плодами научного древа пользовались, как правило, далекие потомки. Но постепенно скорость стала наращиваться. Телефон прошел путь от идеи до первого опытного образца за 56 лет. Радио понадобилось на это 35 лет. Зато радар покрыл всю дистанцию за 15, а телевизор — за 14 лет. Квантовым генераторам (если не считать их «изобретением» инженера Гарина) хватило 9, а транзисторам — даже 5 лет! А разве можно представить себе нашу жизнь хотя бы без тех же транзисторов?

Последствия научных достижений, таким образом, мы начинаем ощущать все быстрее. Поэтому с уверенностью можно сказать, что если в этот момент в тиши лабораторий и кабинетов сделано великое научное открытие, то к концу пятилетки оно станет неотъемлемым элементом нашего быта.

Мы не только узнаем новое о Вселенной и о нас самих, но получим и материалы с необыкновенными свойствами, чудодейственные лекарства, более совершенные средства транспорта и связи, бытовые автоматы и кино, дающее еще большую иллюзию реальности, чем панорамное или циркорама.

С радостью и нетерпеливым ожиданием приветствуем мы завтрашний день. Он исследован нашими прогнозами и выверен нашими планами. Пройдет несколько дней — и вступит в силу главный План, суммирующий наши намерения и ожидания на ближайшие годы, — Директивы XXIV съезда КПСС.

В НАУЧНЫХ ЛАБОРАТОРИЯХ

Год 1975-й: «чистые» цементные заводы...

Проблема чистого воздуха волнует всех. Однако больше всего тех, кто живет поблизости от химических, цементных, металлургических заводов, выбрасывающих в атмосферу тонны газов, пыли...

Сейчас в нашем институте разработан простой и эффективный озоно-каталитический метод улавливания газообразных отходов сернокислотного производства. Созданы также новые конструкции электрофильтров, обеспечивающие очистку газов в цементном производстве более чем на 99 процентов.

Широкое внедрение этих новинок в промышленность, которое предполагается осуществить в текущей пятилетке, позволит значительно оздоровить воздух вблизи «грязных» предприятий и, кроме того, сберечь десятки тысяч тонн ценной продукции, выбрасываемой ныне «на ветер».

Б. ПОДОШЕВНИКОВ,
директор Государственного научно-исследовательского института по промышленной и санитарной очистке газов

За пультом управления — автомат

Как известно, автоматизация технологических процессов, помимо прочего, призвана облегчить управление ими. Но, как это ни странно, именно управление автоматизированным производством нередко сейчас становится весьма сложным. Возьмите, например, нефтеперерабатывающий завод. Достаточно сказать, что общая длина щитов управления с контрольными приборами на таком заводе достигает нескольких десятков метров.

Нашим институтом совместно с другими организациями создана автоматизированная система управления процессами нефтепереработки — «Нефть-1». Она принципиально отличается от распространенных ныне систем управления. На щит выводятся только основные параметры процессов, остальные выдаются лишь по запросу оператора. Главная обязанность системы — автоматический контроль за ходом процесса и автоматическая его стабилизация.

Эта система уже эксплуатируется на Новогорьковском нефтеперерабатывающем заводе.

Е. ДУДНИКОВ,
профессор, заместитель директора Центрального научно-исследовательского института комплексной автоматизации

МЕЧТА В МИЛЛИОН ВАТТ

РАССКАЗ ОБ ИСТОЧНИКЕ СВЕТА, СОПЕРНИЧАЮЩЕМ С СОЛНЦЕМ

«Обеспечить дальнейшее улучшение условий труда...» «Осуществить дальнейшее улучшение структуры питания населения...» «Усилить селекционную работу по выведению новых сортов растений...»

(Из проекта Директив XXIV съезда КПСС)

КАК ПРОДЛИТЬ ЖИЗНЬ...

Человеку, не сделавшему за свою жизнь чего-нибудь очень значительного, хотя, быть может, и преуспевшему в мелких, будничных делах, жизнь кажется долгой, очень долгой, щедрой в своей долготе.

Напротив, тот, кто преследует большие цели, словно бы убыстряет темп своей жизни. Он исчисляет ее количеством удавшихся книг (если он писатель), серьезных открытий (если ученый), крупных изобретений (если рабочий-рационализатор). Подлинные удачи, как известно, случаются редко, временной промежуток между ними велик, а бытие, измеренное таким масштабом, скоротечно. Под конец человеку так и не хватает порою года, месяца, суток для чего-нибудь, что он считает очень важным.

Селекционеру, чтобы вывести новый сорт пшеницы или ячменя, требуется двенадцать, пятнадцать, восемнадцать лет. Собственно, селекционный цикл длится в среднем три года: я первое лето селекционер получает гибриды, стараясь придать им определенные качества, которые он хотел бы видеть в будущем сорте; следующей весной свет полученные зерна и осенью собирает урожай; однако судить о результатах он может лишь на третью осень, ибо наследственные признаки, как известно, устойчиво проявляются лишь во втором гибридном поколении.

Но тремя годами дело, естественно, не ограничивается. Что-то в гибридах не устраивает селекционера, что-то он, подобно художнику, одним штрихом хотел бы подправить. И вот цикл повторяется заново.

Если вы начали работать в двадцать лет, то можете рассчитывать на удачу лишь к сорока — пятидесяти. Среди селекционеров не бывает вундеркиндов, как, скажем, среди математиков. Их академики в летах. Под конец на счету у каждого селекционера, даже самого удачливого, три, много — четыре выведенных сорта, получивших широкую известность.

Можно ли сжать сроки? Ведь дело не только в селекционерах. Сейчас, применяясь к сегодняшним условиям и требованиям, выводят сорта, которые будут приняты к производству через 12—15 лет, а тогда и условия, и требования станут иными...

...Представьте себе такую фантастическую картину. В стране создана сеть репродукционных центров, где за зиму при искусственном освещении выращиваются два урожая зерновых культур. Осенью, собрав урожай, селекционер посылает в репродукционный центр семена выращенных им гибридов, а к весне получает оттуда зерно второго поколения. Цикл селекции завершен. Вместо трех лет потребовался только год. Все сроки сокращаются в три раза! В три раза быстрее страна получает новые высокоурожайные сорта самых важных для нее культур.

Вы думаете — прожектерство?..

ОВОЩИ — НА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ

На Плато Расвумчорр
не приходит весна,
На Плато Расвумчорр
снега, снега...

Это из песни, сложенной здесь, на высокогорном открытом руднике Центральный, промышленная площадка которого на 1050 метров выше уровня моря.

Кольский полуостров. Суровый климат с десятимесячной, на редкость капризной зимой, солнечным и кислородным голоданием, резкими перепадами давления, приходами светового режима. Человек, тут живущий, более чем в других местах подвержен авитаминозу, нарушениям обмена веществ, поражению зубов, неврозам... Против этого есть верное средство, если не считать средств лечебных, — полноценное питание с непременной долей свежих овощей и фруктов.

В Мурманске, в Кировске в овощных магазинах можно, пусть не всякий раз, купить картофель, морковь, капусту, лук; во фруктовых — яблоки, лимоны. На том же Центральном — хорошая столовая, которую снабжает овощами подсобное хозяйство комбината «Апатит».

Но Север есть Север. Свежие овощи и фрукты доставляются сюда главным образом с Юга. А потому салат из помидоров в мурманском ресторане стоит два рубля, а из огурцов — больше полутора... Есть, конечно, и рынок. Но цены на рынке — тоже соответствующие...

Главное же — большая разница между завезенными, проделавшими немалый путь овощами и свежими (действительно свежими), выращенными тут же, на месте.

С кем бы мы ни говорили, будь то водитель мощной «Татры» М. Гребенец или секретарь Мурманского обкома Ю. Лысый, — все считают, что проблема свежих овощей для Севера остается очень острой.

...Постарайтесь теперь вообразить такую картину. Повсюду на Севере созданы овощеводческие хозяйства с теплицами, в которых урожаи в два раза больше, чем в поле. Круглый год на столе жителей Заполярья — свежие огурцы и помидоры, салат и редиска, морковь и лук... Цены на них устойчивые, государственные.

Вы скажете — дело далекого будущего?..

«ИСКУССТВЕННОЕ СОЛНЦЕ»

И был вечер, и было утро... Испокон века ночь исключалась из срока человеческой жизни как потерянное время. Если и сейчас каждый из нас в отдельности готов помириться с этим фактом, то страна в целом не мирится. Многие предприятия работают круглые сутки, не зная различия между днем и ночью.

Однако в нашем сознании эта разница все-таки не стерта. И не потому, что на нас «давит память тысячелетий». Психологи утверждают: причина иная. Ночью даже если мы не спим, то всегда привязаны к какому-нибудь узкому пространству, освещенному лампой, свобода нашего перемещения ограничена, — оттого-то, бодрствуя, работая ночью, мы всегда испытываем какое-то ощущение неудобства. Не этот ли смутно осознаваемый факт тревожно маячит за строкой всяких инструкций, повествующих о правилах безопасности при работе в ночную смену?

Мы не знаем, какие существуют нормы на освещение открытого рудника, знаем только, что те, от кого это зависит, стараются сделать так, чтобы на громадном пространстве ночью было светло, «как днем». Добиться этого нелегко. Сотни прожекторов и ламп освещают разработки, и все-таки нужный эффект не всегда достигается. Особенно на Севере, в пургу, в ненастье. Экскаваторщики, шоферы работают почти впотьмах, лишь при свете фар. Взрывники откладывают зарядку скважин.

Осветительное хозяйство само по себе сложно, требует немалых хлопот. Рудник весь оплетен паутиной проводов, уставлен столбами. При взрывных работах все светильники в округе вместе с кабелем приходится демонтировать, убирать в безопасное место, а после взрыва снова устанавливать в прежнем виде.

...Снова призовите на помощь свою фантазию и постарайтесь увидеть еще один фрагмент из будущего (не станем пока уточнять, насколько отдаленного). Большой рудник где-то на Севере. Ночь, пурга. Над рудником висит аэростат. К аэростату прикреплена мощная лампа, одна освещающая ровным светом всю рабочую площадь. Прямо под аэростатом освещенность — 30—35 люксов (чтобы читать газету, достаточно пяти). Шоферы ездят с выключенными фарами. Взрывники закладывают взрывчатку и ночью.

Несбыточные мечты!..

РЕАЛЬНОСТЬ, А НЕ ФАНТАСТИКА

Настала пора сказать, что изображенные нами фантастические картины вовсе не фантастичны. Они реальны в своей основе.

Да, пока у нас нет сети репродукционных центров, обслуживающих селекционеров, но есть лаборатория в Красноярске, фактически выполняющая функции такого центра.

Да, пока еще на Севере не продаются в магазинах свежие овощи, круглогодично выращиваемые в местных теплицах с искусственным освещением, но там же, в Красноярске, едва ли не каждые два месяца с небольшой площадки снимают более десяти килограммов огурцов.

Да, пока над северными рудниками не висят аэростаты с мощными светильниками, но такой способ освещения уже опробован на одном из карьеров под Кривым Рогом. Что касается рудников Севера, лампы такого же типа устанавливаются там на мачтах.

На Центральном вместо сотен устаревших светильников над пространством длиною два километра господствует десяток ламп мощностью по 20 киловатт каждая, освещающих основные рабочие узлы. Светильники подняты на передвижных опорах. Во всем карьере нет сейчас ни одного столба.

Главное то, что создана Лампа.

Думается, работа эта, хотя о ней уже писали, все-таки не в полной мере еще оценена.

...Всегда бывает интересно, когда та или иная техническая новинка, со временем занимающая свое место в нашей жизни, появляется не просто благодаря хитроумному изыску инженерного рассудка, а вследствие какого-то научного открытия.

В данном случае речь идет об открытии доктора технических наук И. Маршака и его сотрудников В. Васильева и А. Вассермана, которые установили, что электрическая дуга, или, как теперь принято говорить, плазма, в газоразрядной лампе при определенных условиях будет себя вести, как металлический проводник. Это открытие, казалось бы, частное, мало что говорящее непосвященному, широко распахнуло двери для конструирования мощных дуговых ламп, дающих много света, причем света, по своему качеству близкого к солнечному.

Сейчас в одном из КБ созданы уже ксеноновые лампы мощностью от двух до ста тысяч ватт, и, как полагает его главный инженер Борис Васильевич Скворцов, вполне реальна цель — светильник в миллион ватт, который один может осветить небольшой город.

Свой главный «злак» — ксеноновую лампу — Иммануэль Самойлович Маршак вырастил не быстро. Как и селекционеру при выведении сорта, ему на это понадобились годы и годы — более двух десятков лет, если считать со времени окончания института. Хотя были и другие, более ранние успехи. Сын известного поэта, выбравший путь исследователя еще до войны, прошедший через нее военным инженером, И. Маршак уже в 1946 году получил Государственную премию за создание оригинального импульсного прибора...

«ЭКОНОМИЯ» — ДВА ГОДА ЖИЗНИ

На вопрос, как пройти к Лисовскому, вахтерша в проходной Института физики имени академика Киренского в Красноярске лаконично объясняет: «Это там, где свет» (дело происходит днем). И действительно, как только выходишь во двор, яркий свет в окнах сразу же бросается в глаза. Первое впечатление: там, за стеклами, свой день, свое «днёвное светило».

Внутри лаборатории — фрагменты лета, живые куски, вырванные из него (на улице — зима, сибирский тридцатиградусный мороз). Под мощными лампами тянется вверх пшеница. Посаженная в разные сроки, она как бы представляет нам разные летние месяцы. Хочешь да не можешь отделаться от впечатления: первые всходы, обдуваемые ветерком вентилятора, — майский солнечный полдень; вымахавшие зеленые стебли с наливающимся колосом — июнь; зеленожелтые ряды, гнущиеся под тяжестью зерна, — август...

Тут же невзначай разрушаются некоторые наши устойчивые представления, так сказать, стереотипы. Оказывается, для роста растения вовсе не обязательна земля: пшеница растет на мелких коричневых камешках, керамзите. Снизу, по специальным трубам, к ее корням подается питательный раствор. Это и есть знаменитая гидропоника.

Работы по светокультуре у нас в стране еще в давние двадцатые годы начал академик Николай Александрович Максимов. Но развитие их задерживалось из-за отсутствия хороших источников света. До сих пор большинство теплиц освещается обычными лампами накаливания или люминесцентными лампами. И те, и другие маломощны, растения под ними растут плохо. Встреченные нами в лаборатории Лисовского селекционеры из Омска жаловались, что за зиму едва-едва удается вырастить один урожай.

В Красноярске же под ксеноновыми лампами к весне свободно поспевают два поколения пшеницы, ячменя, других культур, а за год здесь снимают шесть (!) урожаев зерновых.

Не очень-то большой смысл есть сейчас в том, чтобы говорить, каков этот урожай, — ведь речь идет о размножении селекционного материала, а не о производстве зерна, но, право же, искушение назвать цифры слишком велико: в пересчете на гектар — от 80 до 150 центнеров в одном поколении. Фантастика! Воображение рисует подземные заводы по производству пшеницы при искусственном освещении. Может быть, и будет когда-нибудь такое — когда уж совсем станет тесно на поверхности нашей планеты. Но пока речь о другом — о размножении десятков зерен-гибридов.

К 1 октября селекционеры присылают Г. Лисовскому по 50 гибридных семян каждой комбинации. За октябрь—декабрь выращивается первое поколение гибридов — 1—2 тысячи зерен. Январь идет на обмолот и отлежку семян. В феврале—апреле три сотни этих семян дают урожай 5—8 тысяч зерен — второе поколение. К концу апреля, когда пора начинать полевой сев, все зерно «возвращают», если так можно сказать, селекционерам. Два года их жизни «сэкономлены»...

ЧТОБЫ СТАЛО ДОСТУПНО ВСЕМ...

В наш век космической, электронной и другой очень сложной техники к сложности как бы и доверия больше, чем к простоте. Рассказывая о своих результатах аудитории, наслышанной о чудесах науки, специалист нередко кожей чувствует, как теплеет вокруг него атмосфера, если ему, кстати или некстати, удается ввернуть словечко типа «синхрофазотрон».

Некоторые селекционные учреждения довольно охотно последовали за красноярцами, узнав, что они выращивают пшеницу в фитотроне — герметичном металлическом ящике, внутри которого искусственно регулируется среда. То там, то здесь начали строиться такие же установки.

Но фитотрон — дорогая штука. Самый маленький, площадью от полутора до пяти квадратных метров, стоит около пяти тысяч. А чем больше, тем, естественно, дороже — миллионы рублей.

Фитотрон — это как бы космический корабль: заключенное в нем растение-«космонавт» искусственным путем получает все необходимое для жизни — воздух, воду, питание, свет. Около года — на тех самых шести поколениях пшеницы, выращивая ее в фитотроне, — колдовали в Институте физики, чтобы нащупать наилучший, как говорят, оптимальный режим для ее роста. И когда нащупали, подобрали, оказалось, что тот же режим можно выдержать и без фитотрона, в обычной комнате. «Высокая интенсивность светового потока (не ниже 15 тысяч люксов), круглосуточное освещение, оптимальные по спектральному составу источники света (ксеноновые лампы)...» — вот основные слагаемые этого режима, как они сформулированы в официальном документе.

Как видим, именно ксеноновым лампам нужно в первую очередь сказать спасибо за то, что в простых, без особого оборудования помещениях растения созревают на 15—20 дней быстрее, чем в поле: скороспелые и среднеспелые пшеницы — за 50—70 дней, позднеспелые — за 70—80, ячмени — за 40—60...

Ныне и директор Института физики Иван Александрович Терское, и заведующий лабораторией управления биосинтезом Генрих Михайлович Лисовский, и другие специалисты убеждены, что для селекции фитотроны (нужные для научных целей) вовсе не обязательны. Без них тут можно вполне обойтись. А это значит, что уже сейчас светокультура может стать доступной практически любому селекционеру. Тут-то и возникает вопрос о создании в стране сети репродукционных центров.

По мнению красноярских ученых, роль таких центров могли бы взять на себя научно-исследовательские институты, вузовские лаборатории или самостоятельные научно-производственные организации, в которых бы сочеталось, как это видно уже из названия, ускоренное размножение селекционного материала с исследованиями по светокультуре различных растений.

Возражения против идеи создания репродукционных центров опираются в основном на тот факт, что стоимость выращивания растений в них относительно высока. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что эти расходы с избытком окупятся урожаями будущих высокопродуктивных сортов.

УРОЖАЙ СОЗРЕВАЕТ НА ГЛАЗАХ

Так утопия ли это — овощи на Севере в январе? В конце концов дело науки — доказать принципиальную возможность чего-то, а уж воспользоваться такой возможностью — забота прежде всего инженеров, агрономов.

Получено ли в данном случае такое доказательство, можно ли среди полярной ночи растить, достаточно быстро и с хорошими видами на урожай, зелень, о которой издревле сказано, что каждому овощу — свое время (и свое место, можно было бы добавить)?

Без сомнения, получено.

В Красноярске растят и огурцы, и лук, и редис, и помидоры... Но главное направление работы там — зерновые. Овощами занимаются между делом — когда временно появляется площадь, свободная от ячменя или пшеницы. Поэтому вряд ли вам точно скажут, каков урожай овощей, скажут весьма приблизительно: «Сняли пару десятков килограммов... Вот видите, еще висят». Это об огурцах, выращиваемых в небольшой кювете.

Но в другом месте, в Москве, в Институте физиологии растений, где тоже уже давно, с 1961 года, работают с ксеноновыми лампами, кандидат биологических наук Нина Николаевна Протасова даст вам точный ответ.

Урожаи овощей (растущих здесь в фитотронах) в два-три раза больше, чем в поле, а срок выращивания значительно меньше. С одного квадратного метра тут снимают: редиса — 6 килограммов за 20 дней, салатной капусты — 15 килограммов за 30 дней, помидоров — 24 килограмма за 60 дней, огурцов — 7,8 килограмма за 75 дней.

Итак, принципиальное доказательство есть: без солнца на Севере можно заниматься овощеводством. А как смотрит на это Север? Север говорит: надо подсчитать, сколько это будет стоить. Красноярский Институт физики и норильский Институт сельского хозяйства Крайнего Севера готовятся сейчас провести совместный эксперимент по выращиванию овощей в Норильске, чтобы сделать экономическую прикидку. У красноярцев — ксеноновые лампы, опыт работы с ними, у норильчан — горячее желание приобщиться к этому опыту, попробовать у себя...

Эксперимент впереди, но уже сейчас ясно, что все дело будет зависеть от отпускной цены на электроэнергию. По мнению Г. Лисовского, выращивание овощей под ксеноновыми лампами окажется экономически вполне приемлемым, если она будет отпускаться теплице за те же деньги, что и промышленным предприятиям.

В таких районах, как Норильск, где есть перспектива в изобилии получать дешевую электроэнергию, такой вариант, по-видимому, уже в ближайшие годы будет вполне реален.

Главный агроном кольского совхоза «Индустрия» — подсобного хозяйства комбината «Апатит» — Я. Булийшвили также полагает, что главная проблема — дешевая электроэнергия. В совхозе 14 тысяч квадратных метров зимних, летних и грунтовых теплиц. Но, увы, и здесь пока нет ни одной ксеноновой лампы — только лампы накаливания и люминесцентные, которые используются как дополнение к солнечному свету. Когда он есть. Электроэнергия, отпускаемая совхозу, лимитирована.

Между тем и на Кольском полуострове добыча электроэнергии значительно возрастет в этой пятилетке. Станет ли она доступной тепличным хозяйствам? Это зависит не только от себестоимости ее, но, по-видимому, и от организации этих хозяйств.

Начальник Мурманского областного управления сельского хозяйства Герман Артемович Садовников убежден, что тепличные овощеводческие хозяйства надо строить как крупную отрасль, под единым областным руководством. В этом смысле нынешние подсобные хозяйства, распыленные как придатки по отдельным предприятиям, явно отстали от времени.

Быть может, это и есть самый прямой путь к овощам на Севере: дешевая электроэнергия плюс перевод сельского хозяйства на промышленные рельсы.

Подсчитано: на каждого жителя нашей страны требуется один квадратный метр «под стеклом» — только в этом случае население полностью, круглый год будет обеспечено овощами. Если такие подсчеты справедливы, то в первую очередь этот минимум площади теплиц нужен, конечно, северянам.

ЛАМ-ПУ! ЛАМ-ПУ!

После опубликования этого материала мы предвидим раздраженные отклики: «Довольно! Сколько можно писать о достоинствах ксеноновой лампы! Вы дайте нам ее...»

Для того и пишем, чтобы скорее и в возможно большем количестве появились эти лампы и в теплицах, и на осветительных мачтах, и в клиниках, и в кино-, фото-, телестудиях... Мы знаем, что заявок на них — хоть отбавляй.

Как же обстоит сейчас дело с выпуском ламп? Долгое время они не производились серийно. Сегодня такое производство разворачивается. Не было пусковых устройств, отражателей. Их приходилось делать самим заказчикам, на месте, кто как изловчится. Сейчас одному из заводов Министерства электронной промышленности поручено изготовлять светильники в комплекте. В какой мере и как быстро будут удовлетворены все жаждущие получить эти светильники, покажет время.

Предстоит не только выпускать, но и серьезно усовершенствовать лампу, снизить ее стоимость. Относительная дороговизна лампы вызвана сейчас высокой стоимостью кварцевого стекла. Чтобы отыскать пути удешевления этого и других материалов, нужны совместные усилия различных исследовательских и проектных организаций.

Так или иначе, но ксеноновая лампа уже вышла из пеленок. Она светит сегодня на десятках объектов пятилетки. А завтра — будет на сотнях и тысячах.

О. МОРОЗ, В. НЕДЗВЕЦКИЙ

КРАСНОЯРСК — МУРМАНСК — МОСКВА

ВЕРТОЛЕТ НАД МОСКВОЙ... ОТСЮДА МНОГОЕ ВИДНО — И ДИНАМИЗМ РАЗВИТИЯ БОЛЬШОГО ГОРОДА, И ВЫЗВАННЫЕ ЭТИМ РОСТОМ ГОРОДСКИЕ ПРОБЛЕМЫ...

Александр ПРОХАНОВ

ПЕШЕХОД И АВТОМОБИЛЬ: ВИД СВЕРХУ

Вертолет конструкции Камова, «Ка-26», легкий, изящный, мобильный, снискавший славу на международном рынке — в Японии, Швеции, ФРГ, отлично проявивший себя как машина многоцелевого назначения — в лесном и сельском хозяйстве, для перевозки малых грузов и пассажиров...

Сегодня у него новое поле деятельности.

Желто-голубой вертолет под сверкающим зонтиком винтов идет над шоссе, пропуская под собой гудящий поток машин. Две милицейские «Волги», связанные с вертолетом в подвижный треугольник, мчатся по трассе.

— Я — «Орел». Я — «Орел». В районе сорок третьего километра у переезда — пробка! Следуйте в район скопления. Подключаю посты ГАИ...

Самосвал с прицепом загородил полотно дороги, возник затор. Подоспевшая автоинспекция развязала затянутый узел. Вертолет на низких высотах носился над трассой, посылая через громкоговорители указания водителям и пешеходам.

На подмосковных дорогах с этого года введено вертолетное патрулирование. ГАИ получила еще одно мощное средство контроля и регулирования. Наряду с автоматикой и радаром вертолет делает управление автомобильными потоками более гибким и совершенным.

...Вертолет в блеске винтов идет над Москвой. Сквозь стеклянный пузырь кабины веду наблюдение.

Москва, как панцирь, вспыхивает золотом мокрых крыш. Как галактика, виток за витком, распахивается от сердцевины — Красной площади, Мавзолея... Город, как срез гигантского дерева: кольца за кольцами, напластованные веками. Выплеснув новые районы за Окружное шоссе, Москва метнула в синие дали бетонные стрелы дорог.

Что открывается взору сквозь стекло вертолета, идущего над Подмосковьем?

Бурная диффузия железных дорог и высоковольтных линий. Отсутствие статики. Вечно меняющийся живой орнамент. И повсюду машины...

Они, как подвижная часть города, как свободные электроны в жесткой решетке кристалла, высыпали на дороги, наполнили их, расшатали прежнюю структуру области, наложили на нее новую геометрию. Москва, наращивая свою статическую массу, увеличивает поле своей гравитации. И этот рост носит подчас лавинный, взрывной характер. «Автомобильный взрыв», который в ближайшее время осуществят пущенные конвейеры, придаст картине еще больший динамизм.

Я лечу над подмосковными трассами на вертолете ГАИ. Начальник отделения вертолетного патрулирования Петр Павлович Бутков, отрываясь на время от рации, дает мне пояснения:

— С каждым годом Подмосковье увеличивает свой автомобильный поток на 15—20 процентов. За предстоящую пятилетку он вырастет вдвое. Прибывающая лавина новых легковых автомобилей резко изменит всю картину движения, всю динамику связей. 10 тысяч километров подмосковных дорог испытывают на себе резкое, почти ударное увеличение нагрузки. Мы готовимся к этому. Уже сейчас вертолет над дорогой незаменим. Он увеличивает зону контроля, мобильность, координацию наземных постов. Мы оказываем первую помощь пострадавшим, ведем постоянную разъяснительную работу с водителями и пешеходами. Предстоящие перемены на дорогах не должны застать нас врасплох...

Как же готовится Подмосковье к тем переменам, о которых говорит П. П. Бутков?

Москва встречает их интенсивным дорожным строительством. Расширяются полотна на крупнейших трассах. Одеваются асфальтом проселки. На перекрестках шоссе отрываются от земли, и в воздухе, на нескольких горизонтах происходит развязка потоков. Дороги сворачивают в сторону от крупных населенных пунктов, огибают их — автомобили точат себе новые русла в лугах и лесах, не снижая скорости, простреливают насквозь обширнейшие пространства.

Тут важна синхронность работ. Сеть московских улиц перекраивается в расчете на сквозные, врывающиеся в город трассы. Рост новых кварталов находится в прямой зависимости от автомобильного напора. Жилые массивы, улицы, шоссе связаны динамическим равновесием, центр которого — автомобиль. Диспропорция отдельных элементов нарушит всю систему, резко снизит ее эффективность. Автомобиль в городе и окрестности должен двигаться быстро, по кратчайшим расстояниям, не изменяя остальных функций организма.

Психологический аспект «автомобильного взрыва» тоже немаловажен. Расхлябанность на дороге недопустима. Самоконтроль водителя и контроль за ним автоинспекции усилятся. Пешеход, житель подорожных сел должен пересмотреть свое отношение к родной центральной улице — проходят те времена, когда деревня высыпала на асфальтированное шоссе со своими свадьбами, гуляниками, прогулками. Теперь эти трассы наполнены машинами, идущими со скоростью 100 километров в час. И село, приноравливаясь к этому, строит тротуары, переходы, вывешивает мигающие светофоры.

Неосторожность на дорогах все более превращается в опасное преступление, ставящее под угрозу многие жизни, нарушающее ритм артерии.

С напряженным вниманием служба движения, шоферы, строители изучают наступающие перемены. Тут мало эмпирических расчетов, прикидок. Нужен сложный социально-экономический анализ, прогноз — онто и ложится в основу всей автодорожной проблематики. Возникают новые принципы планировки, новые концепции города, пригорода, системы городов. Над этим уже думают архитекторы, уже появляются проекты-гипотезы.

Автомобиль меняет картину города, и эта меняющаяся на глазах картина открывается мне с вертолета.

Синей струей гудит внизу полная движения трасса.

Работает милицейская рация:

— Я — «Орел», я — «Орел»! Следуйте к пятидесятому километру...

МАССОВАЯ АРХИТЕКТУРА — НОВЫЙ ФЕНОМЕН?

НА ЭТОТ ВОПРОС ОТВЕЧАЮТ ФРАНЦУЗСКИЕ ПУБЛИЦИСТЫ И СОВЕТСКИЙ ЗОДЧИЙ

На днях гостем редакции «Литературной газеты» был известный французский архитектурный критик Мишель Рагон.

Корреспондент «ЛГ» обратился к нему с вопросом: чем он объясняет бросающийся в глаза контраст между непривлекательной «массовой архитектурой» и отдельными прекрасными зданиями, которые, видимо, можно отнести к произведениям искусства!

Мы публикуем сегодня ответ Мишеля Рагона, размышления Марселя Корню о взглядах Рагона на современное зодчество и заметки на ту же тему видного советского зодчего, доктора архитектуры А. В. Иконникова.

Мишель РАГОН:

Массовая архитектура в моем представлении — это совершенно новый феномен. И архитекторы к нему оказались неподготовленными. До начала индустриальной революции архитектор был артистом. Он строил уникальные здания. Строил для князей, для герцогов, для церкви. Строил дворцы, сады. В то время, как проблема жилья решалась тогда отнюдь не архитекторами. Это были заботы ремесленников-строителей.

С началом промышленной революции возникла срочная потребность в жилищах. Архитекторы оказались в хвосте общего потока строительства. Города создавались эмпирически; кстати, этот процесс их стихийного роста продолжается. Архитектура не поспевает за ним. Архитектор вынужден строить большое количество квартир. Он перестал быть архитектором, реализатором «заманчивых идей», но не стал и инженером. Он оказался где-то между двух стульев.

Сейчас, в период научно-технической революции, мы наблюдаем «индустриальную архитектуру», то есть строим быстро, но... временно. Да, я рассматриваю архитектуру нынешнего жилищного строительства как архитектуру временную. Я думаю, что в некотором смысле современный урбанизм — это миф. Это скорее пожелание, стремление к идее, чем конкретная ее реализация, конкретный завершенный проект. Все-таки мы до сих пор не нашли формулы того города, который нам сейчас необходим.

Я думаю, что в градостроительстве, в жилищном строительстве, вообще в архитектуре мы отстаем от уровня современной технической цивилизации. В этих делах мы даже не стоим еще на пороге научно-технической революции, а только подступаем к ней. Все-таки *подлинно* индустриальные методы еще не вошли в полной степени в современную архитектуру. Все-таки мы еще ремесленники.

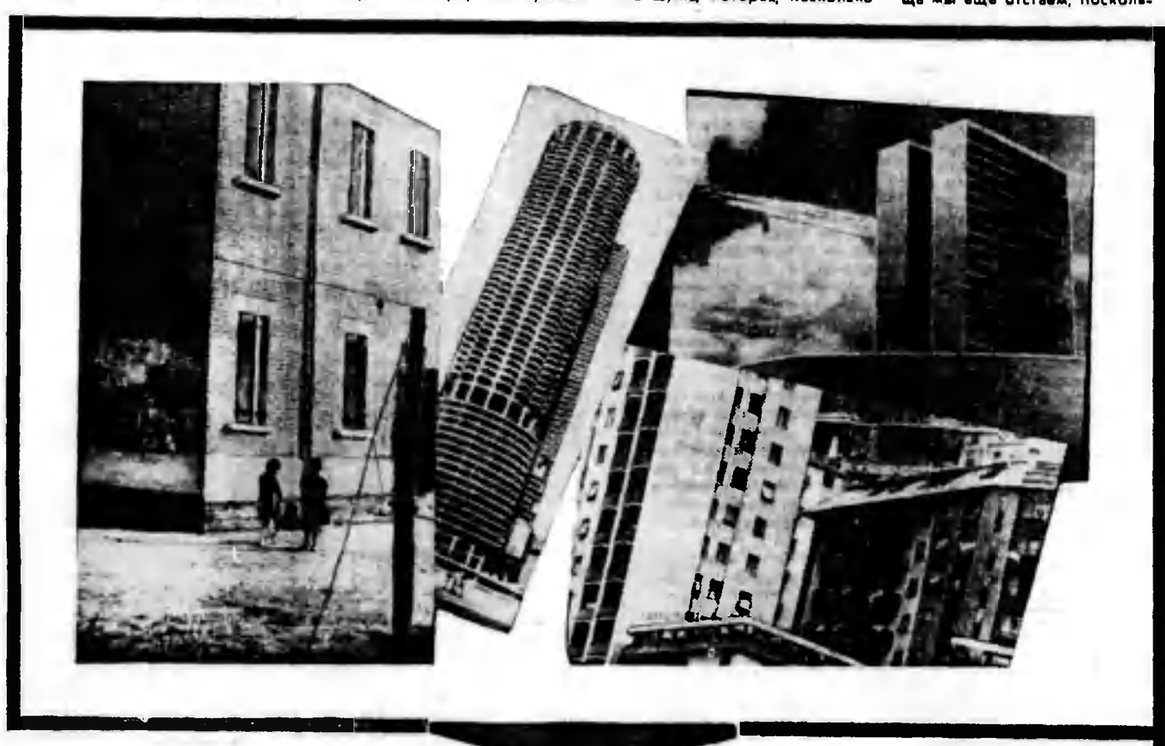
Сравните жилище и автомобиль. В современной городской цивилизации автомобиль находится полностью «в своей тарелке». А возьмите квартиру. Во Франции, во-первых, она очень дорога. Во-вторых, она плохо функционирует в городском организме. И далеко не каждый может купить себе квартиру из тех, кто покупает машину. В жилище не решена проблема шума, которая, насколько я слышал, есть и у вас. Ничего жилец не может поделать, если наверху его сосед играет на пианино, поскольку мы еще не достигли абсолютной звуконепроницаемости стен. Даже новые города я могу назвать временным жилищем. Ведь вы посмотрите, что там происходит! Ни службы общественного транспорта, ни достаточной культуры обслуживания, ни других средств, которые необходимы для жителя данного города, данного района, данного квартала. И получается, что средний француз, обладающий стандартной квартирой и стандартной машиной, при сравнении их друг с другом все-таки предпочитает стандартную машину. Во Франции машина даже становится второй «квартирой». Человек берет свою семью, своих детей, везет их за город, старается оказаться вне дома, потому что в машине ему лучше, нежели в квартире.

Для чего я привожу, конечно, несколько утрируя, этот пример? Чтобы показать, что все достижения технической революции сейчас в архитектуре используются не так, как, скажем, в автомобилестроении. Если автомобиль — это применение научно-технической революции в широком плане, то в области жилища мы еще отстаем, поскольку мы все еще проектируем и строим временные жилища.

Однако зерна будущего можно найти и в современном. Не всегда эти зерна видны, но даже когда их замечают, то иногда говорят, что это утопизм, это нереально, это невозможно сделать, это фантазии. Когда в XVIII веке придумали дом-каскад, то это рассматривали как фантазию. Но спустя много лет построили такой дом-каскад, и мы сейчас восхищаемся им и считаем, что это — последнее слово архитектуры. Вы знаете известный проект здания-монумента в честь III Интернационала, где мыслилась большая башня с вращающейся залой. Тогда это считалось фантазией. Сегодня мы можем видеть эту фантазию на Останкинской телебашне в Москве.

Пусть сейчас еще нельзя реализовать многие смелые проекты, но даже самые фантастические из них надо рассматривать как то зерно будущего, которое удастся реализовать через некоторое время. Поэтому и в области жилищного строительства, и в области градостроительства в целом надо иметь научно-исследовательские центры будущего, какие, скажем, имеют люди, исследующие космос. И в этих центрах мы могли бы аккумулировать идеи будущего.

Комфорт, простор, природа!.. Вильнюсский жилой комплекс «Жирмунай» — символ возможности массовой архитектуры в век индустриального строительства.



Марсель КОРНЮ

ЖЕМЧУЖИНЫ В МОРЕ ПОСРЕДСТВЕННОСТИ

ТРУДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ...

«Нравится ли вам новая архитектура?» — представьте себе, что этот вопрос задали бы всем без исключения французам и француженкам в возрасте от 12 до 105 лет. Впрочем, спрашивать об этом бесполезно. Результат заранее известен. Подавляющее большинство ответит примерно так: «И слышать не хочу о теперешней архитектуре. Она наводит на меня смертельную скуку. Нравится ли она мне? Да вы что, смеетесь?»

Во всех ответах — неудовлетворенность, недоверие, отвращение, в некоторых даже враждебность. Короче, у новой архитектуры с общественным мнением отношения трудные. Конечно, есть люди, относящиеся к ней благосклонно, доброжелательно, но они выглядят белыми воронами.

Мнение большинства всегда производит впечатление. Если даже я и уверен, что большинство ошибается или проявляет непонимание, у меня непременно возникнут сомнения, ведь в основе этого единодушия должны лежать реальные причины. В чем-то эти люди должны быть — более или менее — правы.

Так в чем же правы мои сограждане? А в чем — нет? Чтобы непредвзято оценить предмет спора, давайте раскроем и почитаем «Эстетику современной архитектуры» Мишеля Рагона, недавно вышедшую в свет.

ДОКТРИНА ИЛИ ТЕНДЕНЦИЯ!

Приходится признать, что многие новые здания, подлинно современные по технологии строительства, столь жалки с архитектурной точки зрения, что едва ли их можно причислить к произведениям архитектуры.

Зияющий разрыв между общим архитектурным убожеством и блеском отдельных сооружений поражает. Чем же он вызван?

Можно вместе с Рагоном признать, что этот разрыв существовал всегда. В количественном отношении невзрачность во все времена брала верх. Лачуги окружали дворцы. И на каждый собор приходились тысячи хибар. XX век не принес изменений. Мы лишь слегка оздоровили дома, в которых живут люди, не соблаговолив удостоить их настоящей архитектурой.

Это засилье лишенных своей неповторимости зданий над сооружениями, отличающимися собственным стилем, и объясняет сдержанное отношение людей к современной архитектуре и даже ее неприятие. Ведь французы судят о ней по зданиям массовой застройки, у которых нет никакого архитектурного лица. По всем этим внезапно расплодившимся кубам и параллелепипедам, этим мрачным «крупным ансамблям», где они живут. Нельзя все-таки требовать от них систематически обследовать страну, чтобы найти в море убогости несколько чистых жемчужин!

Я хочу без обиняков отбросить распространенное «объяснение» обилия посредственных зданий в последние годы. Часто слышишь: «Нынешние архитекторы ничего не стоят!» Люди во всем винят архитекторов, делают из них козлов отпущения. Это нелепо. Почему в нашу эпоху должно быть меньше способных людей, чем в любую другую?

Более достойна интереса мысль, что невзгоды новой архитектуры и ее неуспех у публики являются (частично) следствием закоренелых заблуждений в ее эстетических концепциях. Новый пластический стиль на опыте оказался бесплодным. Вместо того чтобы стимулировать изобретательность архитекторов, он заморозил ее. Сперва он шокировал людей, потом стал просто-напросто наводить на них смертельную скуку.

В общем, наблюдается реакция против архитектурной доктрины, господствовавшей в первой половине века и известной под именем функционализма. Доктрина? Скорее течение, тенденция. Или, вернее, тенденции. Уточним сразу же, что функционализм обвиняют не за стремление к рациональной организации архитектуры, которую необходимо было полностью пересмотреть в связи с тем, что изменились материалы и техника строительства. Нет, функционализму ставят в вину некую архитектурную риторику: голые стены, изгнание всяких украшений, эффективное утверждение структуры, абсолютизм прямой линии, острые грани, предпочтение простых объемов, кубов и параллелепипедов.

Справедливости ради следует сказать, что эта пластика была логическим следствием революции в технике строительства.

Появились коробки: коробки-кубы, коробки-параллелепипеды, коробки стоящие, коробки лежащие — коробки, призванные воплощать современность архитектуры.

ПОРЫВ БЕТОННЫХ ПАРУСОВ...

Однако коробки — это уже пройденный этап. С некоторого времени архитектура преображается. Она создает новые формы выражения, новые пластические системы, полные чудес. Она вновь освобождается.

Архитектура больше не мыслит себя в корсете эстетики, где догма брала верх над опытом. Она отделалась от своих табу. Достаточно посмотреть, что стало с прямой линией, которая еще вчера была святыней. Вспомните Ле Корбюзье, создавшего поэму о прямой линии — этой вечной сущности прекрасного. Того самого Ле Корбюзье, который спустя несколько лет рисовал в своем воображении сложные, великолепные формы часовни в Роншан.

Сегодняшний и завтрашний день архитектуры — это весна свободных форм. Купола, шары, раковины, седла, здания-шатры, порывы бетонных парусов. Это «лирическая» архитектура эффектных, неожиданных форм, символических мыслей... Вчерашний архитектор-функционалист был в плену своих новых канонов. Сегодня архитектор и инженер мечтают. Чтобы выразить свои мысли, они привлекают технику, бросая ей вызов. Их воображению открыт простор.

Эти формы, до необычности поразительные, эти здания-скульптуры, эти видения разума, вырисовывающиеся в небе, эта бесстрашная юность вечного мира форм — все внушает уверенность в примирении общественного мнения и архитектуры. Ибо новая архитектура начинает говорить с нами. Голос ее все громче, язык доступнее. Он преодолел влияние неудержимой интеллектуализации, делавшей его педантичным. Напротив, теперь его характеризует живописность с необходимой долей дерзости.

Приходишь только в отчаяние, что еще так редко этот голос молодой архитектуры звучит в наших городах во всеуслышание, или, вернее сказать, во всеувидение.

МНИМАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Нужны ли архитектуре в наш век, такой нелегкий и так много познавший, эстетические тонкости и художественные сантименты? И возможно ли для современного архитектора создать прекрасное, не отказавшись от того, что дает строительству индустриализация? Или искусство и современная техника с ее стандартизацией массового производства — «две вещи несовместные»?

След живого тепла человеческих рук придает особое очарование тонким модуляциям формы в колоннаде Парфенона или пластичной, как будто вылепленной поверхности стен древнего новгородского храма. Детали белокаменной резьбы построек старой Москвы неповторимы, как неповторимы мгновения человеческой жизни.

Капризная вибрация поверхности, богатство трудно улавливаемых нюансов не могут быть воспроизведены в массовых тиражах. Такие свойства — прямая противоположность геометрической точности машинных изделий, стандартности продукции, выходящей с конвейеров и поточных линий. При строительстве из стандартных элементов невозможно индивидуализировать детали каждого здания так, как это естественно происходит в процессе «неповторимых мгновений» ручного труда мастера. Бесперспективны и попытки найти способ имитировать в индустриальной конструкции формы архитектуры прошлого.

Такие попытки делались в нашей архитектуре на первых этапах развития индустриального строительства, в конце сороковых — начале пятидесятых годов. Их результаты были очевидны и огорчительны. Старые, устоявшиеся эстетические стереотипы оказались изжитыми. Наша архитектура, решая новые социальные задачи, осваивая для этого новые материально-технические средства, вышла на грань неизведанного. Нелегко отвергнуть привычное, и многим стало казаться, что возникла альтернатива: стандарт или поэзия, красота или удобные квартиры для тысяч и тысяч семей.

Но альтернатива оказалась мнимой. Да, с помощью стандарта и машинной техники нельзя создать красоту по канонам прошлого. Однако индустриальное производство средствами, которые присущи именно ему, может служить для создания новых эстетических ценностей, может стать материалом новой, нетрадиционной поэзии.

ПРОБЛЕМА «ДВОРЦОВ И ХИЖИН»

«Этот зияющий разрыв между общим архитектурным убожеством и блеском отдельных сооружений поражает. Чем же он вызван?» — спрашивает Марсель Корню в интересной и острой по форме статье, в которой нет, однако, строгого ответа на поставленный самим же автором вопрос. Недостаточно признать, что «этот разрыв существовал всегда», что «лачуги окружали дворцы», что «на каждый собор приходились тысячи хибар». Надо еще понять, почему это происходило, увидеть социальные корни архитектуры «дворцов и хижин».

Марсель Корню констатирует: «XX век не принес изменений». Противоречие неустранимо в капиталистическом обществе, ибо «дворцы и хижины» не архитектурная, а социальная проблема.

Разумеется, и в социалистических странах пока еще мы видим архитектуру разной степени художественной выразительности. Рядом с великолепными, мастерскими работами порой соседствует застройка неинтересная, бледная. Но наши «жемчужины» созданы зодчими не для избранных, а для всего народа. С годами будут расти и общественное богатство, и мастерство зодчих, их умение использовать новые возможности, а вместе с тем — художественная выразительность архитектуры в целом. Появятся новая техника, иные материалы. Изменит свое лицо и нынешняя «массовая архитектура», комплексы застройки приобретут черты индивидуальности. Наши трудности и противоречия — это трудности и противоречия роста, но отнюдь не проблема «дворцов и хижин», которые в обществе антагонистических классовых интересов нельзя устранить в принципе — при любом уровне развития архитектуры и любых возможностях техники.

ПОЭЗИЯ СТАНДАРТА

Цель архитектуры — не только в том, чтобы создавать условия для жизни и труда человека. Она обязана способствовать самой организации жизненных процессов. При этом зодчий использует и то воздействие на психику, которое оказывают различные соотношения пространств, объемов, плоскостей, цветов, тени и света. Целесообразные конструктивно, практически полезные материальные формы в произведении архитектуры несут также эмоциональную и смысловую информацию, которая должна подсказать человеку характер его поведения в данных условиях. Иначе говоря, архитектура обращена и к нашему рассудку, и к нашим эмоциям. Сила эмоционального воздействия делает более убедительной и доходчивой ее смысловую информацию. Эстетическое начало оказывается средством для полноценного решения практической, социальной задачи. Прекрасное и полезное в архитектуре — качества единого целого.

Однако они отнюдь не переходят одно в другое. Конструктивная целесообразность, «удобство» и эстетика предъявляют свои, далеко не во всем совпадающие требования. Найти решение, которое в равной мере отвечает всем этим требованиям, — труднейшая задача.

Стремясь к органическому единству (именно его имеют в виду, когда говорят о «правдивости» архитектуры), современное зодчество отвергает декорацию, независимую от конструкции и назначения постройки. В сочетании с техникой индустриального домостроения она порождает настолько непреодолимые противоречия, что теряет всякую эстетическую и информативную ценность, превращается в бессмысленное и дорогостоящее излишество, сковывающее возможности техники. Но если не декорация, то что же?

Обманчивая доступность простоты была «психологической ловушкой» для многих архитекторов, начинавших прокладывать новые пути современного зодчества. Действительно, обнаженная ясность конструкций, железная логика целесообразного производили ошеломляющее впечатление, когда на фоне эклектической застройки начала века появились первые произведения наших конструктивистов. В контрасте с помпезной и лживой декорацией лепных фасадов простота стала казаться новой эстетической категорией.

Солнце в комнатах, разумный комфорт! Каждый новый дом — решение бытовых проблем десятков семей. Вытесняя живописность старых стен и сумеречный уют тесных дворов, возникала обнаженная геометрия объемов, открытость пространств, четкость повторяющихся форм.

Однако, по мере того как росли новые комплексы, в головах все большего числа людей возникал вопрос: «А можно ли эту архитектуру считать искусством?»

Мы отвергли декоративные «излишества», освободив от ненужного труда строителей. Но это отнюдь не освобождает от творческого труда архитекторов. Напротив, их задачи невероятно усложнились.

Многие считают внедрившийся в строительство стандарт главным врагом искусства архитектуры. Однако стандарт является необходимым условием индустриального производства. Противоречие? Лишь мнимое. Еще в двадцатые годы родилась мысль о том, что стандартизация в зодчестве — проблема не только техническая, но и эстетическая: она может дать архитектуре устойчивый «словарь» художественной выразительности.

На первых порах стандарт рассматривался только с утилитарно-производственной стороны. О влиянии его на эстетические качества зданий речи не шло. Но уже в 60-е годы были проведены эксперименты, которые показали огромные художественные возможности, основанные на творческом использовании индустриальных методов.

Своеобразную «азбуку» унифицированных деталей, сочетание которых дает основу разнообразных выразительных форм, создал московский коллектив, руководимый доктором архитектуры А. Т. Полянским, при строительстве пионерских лагерей Нового Артека. Ленинградские архитекторы Н. З. Матусевич и А. Б. Товбин предложили принципиально новые объемно-пространственные формы жилых зданий из стандартных элементов. Их работа опровергает мнение о неизбежности «прямой линии» и «прямого угла» при индустриальном строительстве. Становятся возможны и постройки любой конфигурации — криволинейной, ломаной...

Тонкие пластические модуляции элементов — колонн, каменных балок, перекрывающих пролеты между ними, придавали характер индивидуальной неповторимости произведениям классической архитектуры, несмотря на то, что эти элементы подчинялись устойчивым стереотипам, по существу — стандарту. Современный индустриальный стандарт позволяет достичь широчайшего разнообразия объемно-пространственных форм, ритма, силуэта.

А. В. ИКОННИКОВ,

доктор архитектуры, директор Института теории истории и перспективных проблем советской архитектуры

ПРЕКРАСНОЕ — ДЛЯ ВСЕХ!

СИМФОНИЯ И МАСШТАБЫ

Главной темой творчества в советской архитектуре, в принципе отвергающей зодчество «дворцов и хижин», является, однако, не отдельное сооружение. Формирование обширных частей городской среды и города в целом, организация больших пространств, где здание выступает лишь как элемент системы,— вот что является для нас главным и что в значительной мере определяет и постановку эстетических проблем.

Индивидуальность художественного образа создается при этом сочетаниями и ритмом объемов зданий, их контрастом с природой.

Жилой район «Жирмунай» в Вильнюсе, застроенный обычными типовыми домами, стал многообразной симфонией связанных в единую систему пространств. Еще большее богатство впечатлений обещает завершаемый сейчас вильнюсский район «Лаздинай».

Проблему становления в нашей архитектуре новых художественных принципов можно было бы (и это куда проще!) показать на примере уникальных общественных сооружений, опираясь на такие — по выражению Марселя Корню — «жемчужины», как мемориальный комплекс в Ульяновске, Дворец пионеров в Киеве, здание СЭВ в Москве, новый театр в Туле, Дворец выставок в Вильнюсе, и многие другие. Но советская архитектура, как я уже говорил, имеет дело с социальными задачами, охватывающими всю сложность существования современных городов и проблем расселения. Единственным верным путем развития архитектуры для нас является тот, который обеспечивает решение эстетических задач в современных масштабах массового строительства.

Малькольм МАГГЕРИДЖ

«ЛИБЕРАЛИСТСКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К СМЕРТИ»

МЫСЛЕННО поискав подходящее название для начавшегося десятилетия, я остановился на таком: «Десятилетие великого либералистского стремления к смерти». Мне представляется, что стремление к смерти, прячась под личиной либерализма, вот уже более века разъедает западную цивилизацию, а теперь процесс этот близится к апогею.

Прежние цивилизации были разрушены извне, под напором варварских орд; наша цивилизация сама придумала себе конец — она растворится в умах своей интеллектуальной элиты. Она тщательно взращивала и взращивает собственных варваров — воспитанных по советам доктора Спока, окончивших прогрессивные школы и колледжи, а по вечерам, вместе с чашкой шоколада, усваивающих более умственные писания.

Распаленному сенатору Джозефу Маккарти, или более уравновешенному, но все же раздражительному Спиро Агню, или даже такому эрудированному и сознательному гражданину, как Энок Пауэлл *, все это представляется не чем иным, как заговором. Чем же иначе объяснить, что либеральный ум, словно древесный жучок, источил все стропила и установления государства? Ах, если бы речь шла только о заговоре! Насколько легко было бы схватить зачинщиков и утихомирить замороченных! Однако нелицо нечто иное: стремление к смерти подсознательно лелеют в редакциях газет и деканатах факультетов, на радио- и телевизионных студиях, а церквах всех мастей, где бы ни собрались два и более просвещенных.

Чтобы подавить стремление к смерти, необходимо противопоставить ему соответствующие стремления к жизни, а этого-то не могут ни сенатор Маккарти, ни вице-президент Агню, ни Энок Пауэлл; в итоге их невероятные обвинения лишь укрепляют именно то, на что направлены.

Америку считают жандармом капиталистско-империалистического статус-кво, как считали Францию после первой мировой войны. При этом, как ни странно, у Америки повсюду охотно перенимают стиль и навыки. Бунтующие ветераны американских студенческих городков стали образцом для Лондона, Парижа и Берлина; американская марихуана, порнография, фильмы Энди Уорхола и прочие порождения упадка и декаданса находят себе сбыт по другую сторону Атлантического океана. Демонстранты на Гросвенорскваер, прорывающие полицейские кордоны перед американским посольством, носят джинсы, скандируют инфантильные лозунги, выкрикивают непристойности, они всклокочены, длинноволосы и бородаты, они орут «Свиньи!» и «Долой!» на манер студентов университета Беркли.

Я задался вопросом: каким образом возникает подобное расположение к врагам и неприязнь к друзьям у тех, кого многие из нас привыкли считать самыми культурными и просвещенными людьми нашей эпохи? Почему для них так очевидно, что все приятное нашим доброжелателям достойно презрения, а все идущее на пользу нашим недругам — благотворно? Почему, например, в США в этих кругах существует единодушное мнение, будто порочить американскую политику и добиваться поражения американских войск во Вьетнаме — тенденция прогрессивная, а противоположная *линия — реакционна?*

Что еще, кроме стремления к смерти, способно перевернуть с ног на голову все нормальные мирские представления о здравом смысле, собственных интересах и желании уцелеть? Помнится, у Тэна в «Происхождении современной Франции» я вычитал, как незадолго до Французской революции компания богатых, либерально настроенных интеллигентов за послеобеденным коньяком рассуждала обо всех чудесах, которые произойдут, когда будет свергнута династия Бурбонов и воцарится высшая свобода а-ля Вольтер и Жан-Жак Руссо. Но вдруг заговорил один из гостей, до тех пор хранивший молчание. Да, сказал он, *правление* Бурбонов *поистине* будет свергнуто, но в результате вас, вас и вас (указывая пальцем) поволокут на гильотину, вы, вы и вы окажетесь в изгнании, в нищете, а вы, вы и вы (кое-кому из элегантных дам) будете переходить от санкюлота к санкюлоту в качестве услады. Все промолчали, осмысливая это пророчество, оказавшееся чересчур вещим, а потом беседа возобновилась. Я *знаю насколько* богатых и модных домов в Лондоне, Вашингтоне и Париже, в этих домах ведутся подобные разговоры, там тоже могут прозвучать не менее вещие пророчества, но им не придадут значения.

Мне часто снится страшный сон: каким-то образом в уединенной пещере сохранилась в большом количестве, наподобие рукописей Мертвого моря, современная духовная пища: видеозапись телевизионных программ с сопутствующими рекламными объявлениями, кадры последних известий и кинохроники, газеты и журналы, стереофоническая запись поп-ансамблей и прочих какофоний, бестселлеры, кинофильмы и т. д... Спустя много веков или даже тысячелетий, когда наша цивилизация давно уже будет находиться в числе тех, которые ныне можно лишь терпеливо восстанавливать по пыльным развалинам, непонятным иероглифам и прочим останкам-реликвиям, археологи обнаружат эту пещеру, примутся сортировать ее содержимое и по нему попытаются представить себе нас, наш облик и быт. (Разумеется, если мы до тех пор благодаря великому либералистскому стремлению к смерти, находящемуся в действии, не взорвем планету вдребезги, а это отнюдь не аксиоматичное допущение.) Наши гипотетические археологи наверняка придут к следующему выводу: никогда еще ни одно поколение людей, стремящихся к счастью, не располагало такими возможностями стать счастливым; однако это поколение — по-видимому, сознательно — стремилось к чему-то противоположному: не к порядку, а к хаосу, не к стабильности, а к краху, не к жизни, творчеству и свету, а к смерти, разрушению и тьме.

В поисках объяснения тому, как стремление к счастью обернулось стремлением к смерти, археологи, мне кажется, непременно наткнутся на учение о прогрессе — самую нелепую и, безусловно, самую пагубную фантазию из всех, что когда-либо овладевала человеческими сердцами, главную догму либерального сознания. Большинство уже сейчас считает несостоятельным представление, будто люди как индивидуумы должны становиться все лучше и лучше, — уж очень неприглядно они ведут себя по отношению друг к другу; однако аналогичная концепция применительно к коллективу — будто непременно должны улучшаться социальные обстоятельства и социальное поведение людей — стала чуть ли не аксиомой.

Не что иное, как теория естественного отбора Дарвина впервые внедрила идею насчет того, будто человек и его природная среда бесконечно и автоматически совершенствуются. Кому дано измерить последствия этого наивного допущения? Какая тайная подрывная организация, располагая неограниченными средствами и ресурсами, могла бы достигнуть хоть тысячной доли того, чего добилась идея естественного отбора в плане дискредитации распространенных в то время духовных ценностей, замены их смутной сентиментальной надеждой на коллективное улучшение человека и либеральным сознанием как вместилищем новых идей? Интересно отметить, что ныне, в свете всего случившегося, первые обскурантисты — противники дарвинской теории эволюции выглядят куда более мудрыми и дальновидными, чем первые энтузиасты-сторонники. Сегодня найдется много людей, и я в том числе, кто охотнее вошел бы в историю в качестве напыщенного епископа Уилберфорсского, чем в качестве, допустим, Герберта Спенсера или нудного бедняги Уэллса, убежденного эволюциониста и ученика Хаксли, надеявшегося на то, что рай земной будет достигнут благодаря науке и технике: а ведь это-то два чудовища-близнеца и превратили мир в бесплотную пустыню, отравили моря, реки и озера, заразили планету и все живое на ней, влезли в мозг и душу человека с целью контроля и выработки нужных рефлексов и в то же время доверили безответственным, слабым рукам человека орудия всеобщего уничтожения.

Воцарение евангелия прогресса неумолимо требовало дискредитировать Христово евангелие и разрушить возведенное на нем, как на фундаменте, здание этики, законности, культуры, человеческих отношений и человеческого поведения. В конце концов наша цивилизация возникла не с теорией эволюции, а с христианством, и с ним погибнет... если еще не погибла.

Либералы набросились на христианство со злобой и яростью, которые сегодня, когда бой ими уже окончательно выигран, трудно себе представить... На случай же беспокойства, касающегося жизни земной, существует понятие ситуационной этики, согласно которой нашими нравственными обязательствами управляет не закон морали и не этический порядок, общий для всех людей, а обстоятельства, сложившиеся на тот или иной момент.

В морально-этическом вакууме, образовавшемся благодаря тому, что христианство лишили духовного или трансцендентного содержания, цветет и благоденствует великое либералистское стремление к смерти, тем более что оно удачно притворяется собственной противоположностью — улучшением жизни. Так, наши войны, из которых каждая свирепее и разрушительнее предыдущей, должны раз и навсегда водворить вечный мир. По мере того как средства массовой информации распространяют все более и более наглую ложь, все горячее провозглашается их приверженность правде.

Опять-таки в отчаянной погоне за физическим и духовным благополучием, которое должно сопутствовать поискам счастья так же естественно, как загар — пребыванию под лучами средиземноморского солнца, возрастает потребление наркотиков и их ассортимент, а также спрос на современных колдунов (врачей, психиатров и т. п.), которые переходят на амплуа жрецов, дают своей пастве всевозможные советы и лепят ее, как воск, поднимают ей настроение и загоняют в депрессию... Именно там, где счастье, казалось бы, всего ближе, в обетованных землях Скандинавии и Калифорнии, многие прыгают за ним из окон верхних этажей, глотают его в виде разноцветных снотворных таблеток, рвут его на части вместе с чужим телом или разбрасывают во плоти и крови по шоссе, где под звуки неумолкающей музыки проносятся автомобили из ниоткуда в никуда.

В своих лабораториях люди, подобные богам, работают над нашими генами, переделывая их по образу и подобию своему; мозг заменили компьютеры, размножение рода человеческого совершается в пробирках, и вот мы вольны наслаждаться своими стерилизованными телами, как нам вздумается. Кое-кто, как и положено богам, изобретает для нас бессмертие: мы будем вечно в движении, как марочный автомобиль, надо только по мере изнашивания заменять нам органы — почки, сердце, легкие, гениталии, даже мозги, — беря запчасти у более новых моделей.

Венец поисков счастья через секс — противозачаточная таблетка. Прибавьте сюда возможность и даже вероятность, что с годами таблетка зарекомендует себя как бедствие, в сравнении с которым Черная Смерть покажется безобидной эпидемией гриппа. Ну, не примечательно ли? Миллионы и миллионы женщин, увлеченных погоней за счастьем, напудренных, раздушенных и напомаженных, причесанных, одетых и холеных в соответствии с рекомендациями телевидения и модных журналов, напичканных витаминами и недожаренными бифштексами, обладательниц бархатных, загорелых и гибких тел, умоляюще протягивают руки и настоятельно требуют противозачаточных средств. Они готовы пойти на любой риск, на любую жертву, готовы как угодно пострадать — утратить если не разум, то аппетит, стать больными и вялыми, даже бесплодными, даже толстухами, — лишь бы им гарантировали бесплодие.

Если мистицизм великого либералистского стремления к смерти сосредоточен в сексе, то этому стремлению нужны, кроме того, свои колдовские обряды (мумбо-юмбо) и способы «промывки мозгов»; старого Адама, невежественного и суеверного, надо заменить новым, либеральным человеком — просвещенным, культурным, эрудированным. Это легко достигается посредством образования — одного из величайших, если не величайшего, мошенничества всех времен и народов. Либеральному уму образование представляется панацеей от всех зол. Образование разрешит любую проблему. Рушатся законность и правопорядок? — новые статистические выкладки призывают к улучшению образования. Ширятся венерические заболевания, вплоть до того, что больны десятилетние девочки? — в *таком случае* давешь половое образование.

В поисках знания мы находим невежество и через столетия цивилизации протягиваем руки нашим свирепым первобытным предкам. Посвятив творчеству всю жизнь, Пикассо пришел к стилю пиренейской наскальной живописи, а Бетховена заглушили барабаны и истошные вопли джунглей. Прекратилась борьба за то, чтобы выделить смысл и порядок из путаницы и хаоса, даже литература ударилась в полнейшую бессвязность и в результате постепенно исчезает. Да здравствует пустота!

...Мне видится, как великое либералистское стремление к смерти мчится сквозь годы на тройке: карета запряжена тремя апокалипсическими конями — прогрессом, счастьем, смертью.

Перевела с английского
Н. ЕВДОКИМОВА

* Энок Пауэлл — член британского парламента. Известен своими расистскими взглядами. — Ред.

ГИБЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ? НЕТ: КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА!

СТАТЬЯ МАЛЬКОЛЬМА МАГГЕРИДЖА, КОТОРУЮ МЫ ПЕЧАТАЕМ СЕГОДНЯ С СОКРАЩЕНИЯМИ, СОХРАНЯЯ ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ АВТОРА, БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА В ЖУРНАЛЕ «ЭСКВАЙР». СОВЕТСКИЙ ЭКОНОМИСТ И СОЦИОЛОГ Ю. ОСТРОВИТЯНОВ ВЫСТУПАЕТ С КРИТИЧЕСКИМ КОММЕНТАРИЕМ К СТАТЬЕ АНГЛИЙСКОГО ПУБЛИЦИСТА

Юрий ОСТРОВИТЯНОВ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОЛОКОЛА КОНСЕРВАТИВНОЙ КРИТИКИ

ОЧЕРК Малькольма Маггериджа, видного журналиста, редактора и сотрудника многих газет, бывшего ректора Эдинбургского университета, — сложное, многоплановое, исключительно интересное явление. Он соткан из несовместимых клеток, отталкивающихся зарядов, кричащих, оглушительных парадоксов.

Прямо заявляя о своей приверженности к открыто империалистической политике, М. Маггеридж неожиданно обрушивает на капиталистический строй каскады жесткой, сокрушительной критики. Образованный человек, прекрасно осведомленный о *грандиозных* возможностях науки, он без колебания отлучает ее от мира, объявляя просвещение и научно-технический прогресс самой нелепой и пагубной фантазией из всех, что когда-либо овладевали человеческими сердцами. Интеллигент по воспитанию и профессии, журналист ведет необъявленную войну против либеральной интеллигенции, обвиняя ее в том, что она, подобно древесному жуку, источила все идейные и политические стропила государства. Враг крайних полюсов реакции и бунтарского антикапиталистического протеста — фашизма и левого студенческого движения, — он становится почти правым радикалом и чуть ли не революционным максималистом, с невиданным ожесточением нападая на золотую либеральную середину, называя ее туманом и пропастью, надтреснутым колоколом и трясиной.

Создается впечатление, что Малькольм Маггеридж доказывает, чтобы опровергать, любит, чтобы ненавидеть, защищает, чтобы низвергать, утверждает, чтобы все разрушить. Потоки обличений общества потребления и откровенная, обнаженная реакционность, изощренная наблюдательность, горькая ирония, блестящий стиль и инквизиторская нетерпимость, желчный сарказм и невоздержанная грубость, взрывы эмоций, фейерверки исторических параллелей, склонность к гиперболам — все это обескураживает и ошеломляет, притупляет аналитическое чувство, затрудняет отчетливое восприятие алогичной, скачущей мысли публициста. И только постепенно, сквозь хаос контрастов, сумятицу образов, нагромождение экскурсов в историю прорезывается подлинный смысл статьи «Десятилетие великого либералистского стремления к смерти», открываются кредо ее автора, его мировоззрение и психологическое состояние.

Малькольм Маггеридж принадлежит к особому направлению социальной, экономической и политической мысли, известному как консервативная критика капитализма. Оно отрицает настоящее западной цивилизации ради ее идеализированного прошлого, отвергает, в сущности, развитие капиталистического строя во имя его вечных, застывших и канонизированных принципов, пытается увековечить, говоря словами К. Маркса и Ф. Энгельса, существующее «общество, однако без тех элементов, которые его революционизируют и разлагают». Консервативная критика обуреваема необычным намерением отсечь причины от их неизбежных следствий, отделить человека от собственной тени, очистить науку, промышленность, культуру от сопутствующих им антигуманных и разрушительных сил, сохранить внутреннее равновесие и гармонию личности в отчужденном и обезличенном мире, собрать как бы заново индустриальную систему из осколков ее лучших, тщательно отобранных традиций. Когда же ее проекты рушатся, она стремится обрести надежду в буржуазном детстве, но, найдя там лишь зачатки общественных отношений и противоречий, расцветших пышным цветом в нашем веке, с содроганием отворачивается от прогресса, осыпая его стрелами неверия, отчаяние и яда.

Английский публицист, видимо, уже прошел через все семь кругов поисков и разочарований консервативного критического ада. Основной его мотив — пронзительная ностальгия по утраченным временам и нравам, главное желание — остановить и заморозить все ускоряющееся историческое движение, представляющееся ему бессмысленной какофонией упадка, преобладающее настроение — разъедающий скепсис, вызванный неоднократным крушением иллюзий.

В фешенебельных городских кварталах, изысканных отелях и гостиных, в загородных поместьях США и западноевропейских стран входит в моду одно своеобразное явление, носящее название «РИМЕЙК». Римейк — это путешествие назад во времени, возвращение в ушедшие годы, иллюзия воссоздания прошлого, материализованная в вещах, обычаях и этикете. Сверхмощные новейшие моторы заключаются в ветхие автомобильные кабриолеты с высоким рулем и колесами на спицах, мебель в стиле «буль», «помпадур» и «чиппендейл» вытесняет пластик и хромированный металл, дамские и мужские костюмы возрождают линии и силуэты одежд конца XIX столетия, в трепетном свете свечей над столиками дорогих ресторанов томно тянутся шемящие звуки старинного танго, приглашая пожилых и преуспевающих людей вернуться и началу своей жизни. Высшая элита пытается хотя бы на миг отдалиться от стремительно нарастающих проблем и катаклизмов атомного века, от его невероятных скоростей и невыносимой социальной напряженности, окунуться в воспоминания, погрузиться в искусственно созданную атмосферу отрешенности, безмятежности, покоя.

Быстро распространяющийся римейк принимает разнообразные формы. Существует римейк сентиментальный, римейк печальный, римейк — идиллия и надежда, римейк морализующий и поучающий, римейк — невысказанный укор и косвенное осуждение. Очерк «Либералистское стремление к смерти» — воинствующий, наступательный идеологический антиримейк. В нем с одинаковым раздражением, а иногда и с иссушающей яростью подвергаются нападению как современная социально-экономическая реальность, так и породившие ее исторические тенденции и лица. В воспаленном воображении автора возникает обобщенный образ главного врага — либерализма, к которому он относит и классические, традиционные буржуазные взгляды, и почти всю интеллигенцию Запада, в том числе ее крупнейших художников, и ученых, и представителей антикапиталистического движения. Он персонифицирует социальные и экономические законы и, неистово атакуя людей, по существу, восстает против самой истории.

Публицист отвергает все главные фетиши теоретического и обыденного буржуазного сознания, издевается над его символами, бестрепетно посягает на мировые авторитеты. Как бесстрашный идеологический флибустьер, он совершает дерзкие налеты на социальный дарвинизм и ситуационную этику, которая наряду с прагматизмом, операционализмом и структурным анализом является научным божеством и руководством к действию для капитанов промышленности и финансов, управляющих исследовательскими корпорациями.

Но Малькольм Маггеридж не останавливается на этом. Он посягает на святая святых благонамеренного западного мышления — утилитаризм и позитивистское евангелие прогресса. Опытный политик, желчный критик и профессиональный наблюдатель, он если не осознает, то чувствует, что в каждом явлении, процессе и идее заложен заряд самоотрицания. В своем порыве сохранить политическую и экономическую систему Запада Малькольм Маггеридж доходит до желания уничтожить все ее интеллектуальные и идеологические истоки. Контрастно, грубо, обнаженно звучат его слова о том, что он предпочел бы быть напыщенным епископом Уилберфорским, чем Спенсером или Уэллсом. Социальное видение, спрессованное у многих западных современников Малькольма Маггериджа до телевизионного экрана, у него порой сужается до нитки лазера, до ослепительной точки ненависти. Она блуждает по различным этажам современной науки и культуры и по страницам истории, готовая испепелить любое движение мысли, если оно содействовало эрозии традиционных ценностей, старого образа жизни, догматов и морали христианства.

Хорошо известно: ненависть ослепляет. Но иногда она заставляет и прозревать. Охваченный ею консервативный идеолог временами с поразительной зоркостью видит процессы распада сложившейся культуры, вырождение господствующих слоев и групп, страшные издержки научных исследований и технических нововведений. Приступ гнева для консервативного критика — и вспышка магния, и защитные очки. Он освещает для него, мгновенно и сразу, все мрачные углы и закоулки общества, позволяет пристально взглянуть на сверкающее солнце науки и техники и увидеть на нем, без боязни ослепнуть, темные отталкивающие пятна.

М. Маггеридж остро чувствует антигуманные возможности неуправляемой инфляции научно-технических открытий, иррациональные извращения массового производства и специально раздутого потребления, подхлестываемого телевидением, прессой, кино, рекламой. Он понимает, какая грозная опасность содержится в действиях тех безответственных и инфантильных ученых, которые, подобно персонажу американского писателя Курта Воннегута доктору Феликсу Хонникеру, только ради любопытства готовы с одинаковым увлечением наблюдать за черепахами, плести колыбель для кошки, делать атомную бомбу и изобретать еще более ужасное оружие, способное уничтожить все живое на земле.

Но в описании публициста не одни социальные последствия научно-технической революции, но и она сама отождествляется с чудовищной общественной *гангреной*. И это не случайно. К. Маркс в одной из своих речей назвал пар, электричество и сельфактор несравненно более опасными революционерами, чем граждане Барбес, Распайль и Бланки. Новый взлет науки и техники революционизировал Запад, вызвал резкую радикализацию всей политической и социальной обстановки. Национальные кризисы наступают даже по незначительным поводам, стремительно и внезапно, как цепная реакция нарастающих политических взрывов. Эти взрывы — яркое свидетельство перезрелости современного капитализма, его подготовленности для глубоких революционных преобразований. М. Маггеридж каждой клеткой и нервом ощущает творческое разрушение и разрушительное творчество научно-технического прогресса. Он страшится будущего, не принимает его, видит впереди только мрак, тлен и опустошение. Консервативная критика видит многое, но только ближним, обостренным, негативным зрением. Ее дальнее зрение или отключено, или обращено в пустоту.

Из историк политической борьбы, создававшей подчас поразительно причудливые комбинации противостоящих социальных сил, широко известна эта особенность консервативной критической мысли. Устремленная назад даже в лучших своих образцах, она всегда становилась наперерез историческому потоку, противопоставляя ему плотину из беспощадного анализа действительности и глубоко пессимистических предсказаний. В своем отвращении к буржуазности, мещанской этике и быту она становилась даже под инсургентские знамена, совершала рейды против промышленного капитализма с редутов легитимизма и мирового теократического государства, наступала на него с *бастионов* феодальных и буржуазных социалистических теорий. Английские аристократы, стремясь привлечь в свои союзники трудящихся, защищали в парламенте экономические интересы пролетариата, публиковали акты о невыносимом положении наемного труда, запугивали властвующую буржуазию, шепча ей на ухо ужасные пророчества.

Предвестник символизма, поэт и философ В. Соловьев, убежденный теократ и сторонник слияния католической и православной церкви, обвинял буржуазную Европу во «всеобщем эгоизме и анархии», требовал уничтожения экономического рабства, защищал духовную свободу, утверждал, что «общество есть дополненная или расширенная личность, а личность — *сжатое или сосредоточенное общество*». Но идеал такого гармоничного строя он видел в мировой теократии, где нравственная власть принадлежит церкви, земная сила верховному руководителю — царю, а исключительное право живого совета с богом — мистикам и пророкам, «обладателям ключей будущего». Бывший марксист, экзистенциалист и мистик, Н. Бердяев понимал и ярко описывал гнет товарного и машинного фетишизма, признавал обезличивание человека в буржуазном обществе, считал капитализм «бесчеловечным строем», соглашался с необходимостью социализации экономики, проповедовал «персоналистический социализм».

Но как только социалистическая революция стучалась в дверь, консервативные критики в ужасе отшатывались от нее, били в гонги тревоги, заклиная духов социализма, которых они еще так недавно вызывали. Предвосхищая Малькольма Маггериджа, С. Булгаков и С. Франк, также бывшие марксисты, а затем «ученые-теософы» и крайние реакционеры, судорожно искали виновников катастрофы, объявляя ими интеллигенцию и науку. Революционных интеллигентов они называли «воинствующими монахами нигилистической религии», их идеи и энтузиазм — одержимостью, самогипнозом, нетерпеливой экзальтированностью, фанатизмом, глухим к зову рассудка и живым голосам жизни. Консервативная критика занималась даже самобичеванием, обвиняя христианство в недостаточных усилиях по реформированию экономической системы в духе социальной справедливости, а себя — в увлечении наукой, в нездоровой вере в гуманитарный прогресс. «О, я был, как в тисках, в плену у «научности», — писал С. Булгаков, — этого вороньего пугала, поставленного для интеллигентской черни, полуобразованной толпы, для дураков! Как ненавижу я тебя, исчадие полуобразования, духовная чума наших дней, заражающая юношей и детей!..»

От таких настроений, которые, несомненно, разделяет и английский публицист, всего один шаг до апокалипсических чувств. И вместе со всей консервативной критикой Малькольм Маггеридж делает его, предсказывая западной цивилизации гибель в духе испытанных библейских канонов.

Но пророчество журналиста — эсхатология особого типа. Это, скорее, не предсказание, а констатация, сосредоточенный взгляд внутрь, концентрированное выражение социального и духовного распада. Апокалипсис Маггериджа — сплошная затянувшаяся судорога, отчаянный крик в ночи, прыжок из окна, всеобщий, но бесплодный оргазм, конвульсия пресыщения, надорванные в погоне за новыми ощущениями психика и нервы, мания самоубийства, рожденная излишествами потребительского культа. По существу, все рассуждения публициста представляют собой различные вариации на одну ноту — знаменитую метафору американского поэта Т. С. Элиота:

Вот как кончается свет:
Только не взрывом,
а взвизгом.

В теории и практике манипулирования широко применяется один прием, вошедший в социологию под именем «эффекта Эдипа». Суть его заключается в том, что даже заведомо неправильный, но страстный и эмоциональный прогноз оказывает влияние на психологию людей, ориентирует их поведение, предопределяет поступки. Пифия безнадежности, оракул тупика, консервативная критика заражает массы неверием, убеждает в бесполезности революции и борьбы за новое общество, отнимает у них перспективу. Но и сама она попадает в плен собственной логики, лишает себя воли, осуждает на бездействие.

Обвиняя либерализм в полной безысходности, в стихийном, безудержном влечении к смерти, М. Маггеридж сам неожиданно становится психологическим смертником, заложником идеи самоуничтожения, убежденным интеллектуальным камикадзе. Как в средневековье религиозные фанатики, он сжигает себя и своих единомышленников на костре собственной ограниченности и воинствующего консерватизма. За неистовством английского публициста скрывается бессилие, за исступлением — безволие, за вспышками обличительной активности — опущенные руки, пассивность и покорность. Его энергия бездеятельна, пафос пуст, философия самоубийственна, эмоции опустошительны и бесплодны.

Консервативный Гамлет последней трети века, Малькольм Маггеридж даже не задается сакраментальным вопросом: быть или не быть? Он твердо знает — не будет. История движется не по его координатам, проверенный столетиями компас отказал, волшебный карлик не остановит время, а это значит, что бьет двенадцатый час цивилизации, вместе с излюбленными идейными опорами рушится мир, печать обреченности лежит не только на окружении журналиста, но и на всей интеллигенции Запада. Как и автомобили в очерке Малькольма Маггериджа, он сам движется из ниоткуда в никуда.

В международной философской лексике есть сжатое, но объемное понятие «пограничной ситуации», означающее грань между бытием и небытием, тотальный духовный кризис, крушение всех прежних представлений и иллюзий. Выход из нее требует разрыва со всеми условностями и привычными взглядами свободного и ответственного выбора своей дальнейшей судьбы. Из ситуации, в которой находится Малькольм Маггеридж, есть только два пути: либо переход в крайний правый лагерь, либо полное обновление мировоззрения, борьба с капитализмом с рубежей революционной теории.

Но М. Маггеридж слишком брезглив, чтобы стать бойцом. Он безнадежно консервативен, чтобы стать революционером. Он становится общественной рефлексией, воплощенной мизантропией, которой есть что обвинять и не во что верить. Ему остается издеваться над игрой в свободомыслие благонамеренной интеллектуальной элиты, ошарашивать ее подчеркнутым презрением к буржуазному рационализму и прогрессу, бить в погребальные колокола, предвещая смерть либерализма, а вместе с ним и западного мира. Но разве позиция, вернее, поза Маггериджа не есть особый, извращенный консервативный либерализм? Разве он сам не остров, отколовшийся от либерального континента? Ведь как бы ни издевался Маггеридж над либерализмом, он рассматривает его крах как собственное поражение. Поэтому, как сказал старый английский поэт Джон Донн, не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе.

«СПАД», «УОЛЛ-СТРИТ В БЕДЕ», «МЕСТНЫЕ НАЛОГИ РАСТУТ», «БИЗНЕС ВСЕ БОЛЬШЕ ОБЕСПОКОЕН», «ТРЕТЬ МИЛЛИОНА БЕЗРАБОТНЫХ В ШТАТЕ МИЧИГАН», «СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ — ПОЗОР НАЦИИ», «БУНТУЮТ ЖЕНЩИНЫ», «В ВОЙСКАХ (США) ВО ВЬЕТНАМЕ НЕСПОКОЙНО». Это заголовки, взятые нами из американских газет и журналов. Комментарии излишни!

АМЕРИКАНЦЫ В ЕВРОПЕ

ВЬЕТНАМСКИЙ РЕЦИДИВ ДОНАЛЬДА МАКГИРА

ДЕЛО тридцатисемилетнего сержанта американской армии Дональда Макгира в течение долгого времени привлекало внимание западногерманской общественности. Военнослужащий одной из американских частей, расквартированных на территории ФРГ, он совершил убийство без видимых на то причин и оснований. Опубликованные на этих днях в печати заключения экспертов-психиатров позволяют глубже понять причину преступления.

На скамье подсудимых — высокий и крупный верзила. Кажется, этот джи-ай шагнул сюда прямо с рекламных плакатов американской армии: «Идите к нам, и вы посетите дальние страны! Идите к нам, и вы станете настоящим мужчиной!» У него спокойные глаза, сильный голос. Он отвечает уверенно и твердо. На суде была зачитана его служебная характеристика. С 20 лет Макгир — в армии. Был в Корее, позже — во Вьетнаме. Его начальство считает нужным отметить: за все время службы он показал себя «как весьма уравновешенный человек». И еще: «Солдат Макгир всегда решительно отстаивал свое мнение...»

После возвращения из Вьетнама сержант начал службу в Западной Германии, где успел обзавестись немецкой женой, с коей пребывал, как установил суд, в «гармоническом браке».

Февральским вечером Дональд Макгир возвращался на автомашине домой. Проезжая сельской дорогой, он заметил идущую девушку и затормозил. В этот вечер Герда Гольд как раз отмечала день своего 17-летия и направлялась к друзьям. Макгир втолкнул девушку в автомобиль, заткнул кляпом рот и связал. Отъехав подальше от селения, он раздел ее и с помощью чулка задушил. Труп по дороге сбросил с моста в ручей, а одежду — в дорожную канаву. Позже на вопрос судьи, почему он это сделал, Макгир с некоторым удивлением в голосе ответит:

— Не мог же я возвращаться домой с мертвым куском мяса.

Приехав к себе, он вместе с молодой женой поужинал. И, как она вспомнит позже, ничто не бросалось ей в глаза в его поведении. Он был предельно спокоен, ни малейшего следа волнений.

Через четыре дня Дональда Макгира арестовали. Он сознался так же спокойно, как и совершил преступление. Следствие тянулось, однако, долго. Судебно-медицинских экспертов потрясла не столько жестокость самого поступка, сколько предельное спокойствие сержанта Макгира в момент совершения преступления и после него. Были привлечены виднейшие светила в области психоанализа. Они не скрывали заинтересованности признать Макгира психически ненормальным. Это было крайне необходимо командованию американских войск в Западной Германии. Точно так же, как и Пентагону в Америке. Психически неполноценный солдат за свои действия не отвечает. Идеальная формула, которая спишет любое преступление.

Когда их посылают во Вьетнам, то считают вполне нормальными для того, чтобы убивать людей. Когда они расстреливают в упор все живое, не разбирая ни пола, ни возраста,—это считается в порядке вещей. Но когда им не повезет и они вынуждены нести ответственность за свои злодеяния, их пытаются спасти, объявив психически неполноценными.

Теперь, когда приговор уже вынесен, известный психиатр профессор Бюргер-Принц заявляет:

— Хотя мы ходатайствовали перед судом о направлении Макгира в лечебницу, больным, в полном смысле этого слова, он, по нашему мнению, не был.

Чем же объяснить тогда поведение американского солдата? Наиболее чистосердечное признание сделал он сам. На вопрос судей, были ли у него ранее приступы жестокости, Макгир ответил:

— Нет. — И тут же добавил: — В обычных человеческих ситуациях.

Что же касается других ситуаций, то там у Дональда Макгира было достаточно возможностей проявить свою жестокость. К «другим ситуациям» он относит свое пребывание в Корее и во Вьетнаме. Там главным его занятием было сеять смерть. Сержант сам пришел к заключению, что, убивая человека, он «приводит себя в приподнятое расположение духа». Макгир рассказал, что однажды он расстрелял бежавших впереди него пленных солдат противника. А затем с «наслаждением» выпустил весь заряд автомата в лежавшие перед ним трупы. Это подействовало на него «необыкновенно освобождающе», хотя и не вызвало никаких внутренних переживаний. И так бывало, по его словам, неоднократно.

Вернувшегося из «особой ситуации» в оккупационные войска в ФРГ Макгира начали преследовать видения, он грезил сценами, в которых вновь и вновь видел себя в роли садиста и убийцы.

Когда-то Макгира беспокоили подобные ощущения. Опасаясь, что это ненормально, он еще во Вьетнаме пытался поговорить с армейским психиатром. Но в госпитале его высмеяли и погнали обратно в воинскую часть. И Макгир снова убивал, приводя себя в «приподнятое состояние духа». Именно этого ему теперь явно не хватало в Западной Германии. Видения кровавого садизма переросли в потребность кого-нибудь убить. И Макгир выбрал жертву. Совершенно спокойно, в полном уме и здравии. Следствие установило, что он не изнасиловал девушку, хотя и пытался. Своим ответом на вопрос «почему», он потряс всех экспертов:

— Потому что она была невинна. Девушка должна лишаться своей невинности добровольно, не иначе. Я категорически против насилия.

Таков американский солдат Дональд Макгир. Он и сейчас может вспомнить каждую деталь преступления. Он необыкновенно точен в своих описаниях. Но напрасно думать, что он раскаялся. Макгир далек от этого чувства. На суде он лишь признал все, как было, откровенно, с армейской точностью, как привык докладывать о проведенной операции за время своей службы во Вьетнаме.

Западногерманский суд приговорил американского сержанта Макгира к пожизненному заключению. Но он, естественно, не назвал главного сообщника — «американский образ жизни», в которой насилие и убийство стали обыденностью.

В. ЛОМЕЙКО,
соб. корр. АПН и «Литературной газеты»
БОНН. (По телефону)

ПОТЕРЯННЫЕ ЛЮДИ

Этот репортаж опубликован на страницах солидного буржуазного еженедельника «Лук». Рост безработицы среди американской технической интеллигенции настолько поразителен, что уже и «большая пресса» не может далее закрывать на него глаза. «Лук» направил своих репортеров на поиски типичного безработного интеллигента. Им оказался инженер по электронике Кит Боуз. Мы перепечатываем с небольшими сокращениями репортаж о жизни его и его семьи (кстати, и слова «потерянные люди», вынесенные нами в заголовок, тоже принадлежат журналу «Лук»).

КИТ БОУЗ обещал своему сыну велосипед, когда тому исполнится девять лет. Но еще не наступил день рождения Боуза-младшего, как отца уволили и денег на велосипед не оказалось. Мать однажды подслушала, как ее мальчик объяснял товарищу — сыну соседа: «Знаешь, мы задолжали за электричество...».

Боуз рос в годы кризиса. Когда ему было столько же, сколько сейчас сыну, мясная лавка отца пошла с молотка и тот стал рядовым продавцом. Боуз поклялся, что с ним ничего подобного никогда не случится. Он пошел в электронику, где уж в наш-то век расцвета науки и космических исследований, думал он, для человека, желающего работать, дело найдется всегда.

В мае прошлого года администрация фирмы «Телесигнал корпорэйшн» на Лонг-Айленде, где он работал, сообщила ему, что он уволен. Нынче срок его страховки от безработицы вот-вот истечет. Он уже ходил в бюро найма штата Нью-Йорк, говорил, что согласен на «любую работу». Но единственное, что ему там предложили,—это продавать краски за комиссионное вознаграждение. Однако когда он пошел наниматься в компанию, ее уже не было: закрылась.

Сбережений у него нет. Платежи по закладной на дом и проценты с небольшого займа, который он взял в банке, составляют 268 долларов в месяц. И хотя его жена работает неполный рабочий день официанткой в ресторане, денег, которые она приносит домой, едва хватает на питание для всей семьи. Что ему делать, он не знает.

Какая это адская мука — хотеть работать и не находить места, где ты был бы нужен! Это изводит человека больше всего другого. Боуз знает, что сам он не виноват ни в чем; сейчас он так же силен и работоспособен, как и раньше. А вот поди устройся на новое место — ох, как это непросто! С людьми его возраста сейчас происходит то же самое по всей стране. И если в прошлые годы какой-нибудь специалист высокой квалификации, инженер неожиданно терял место, его тотчас же приглашали на другое. Теперь же впечатление такое, что эти люди не нужны уже нигде.

Для поддержания морального состояния, чтобы доставить себе и своим друзьям какое-нибудь занятие, а не сидеть все время у телефона и ждать приглашения, Боуз организовал группу таких же, как он, безработных инженеров и среднего административного персонала. Назвали организацию «Самопомощь». Они собираются и вместе прикидывают, где может найтись работа, а чаще просто утешают друг друга.

На одной из таких встреч 50-летний инженер, работавший раньше в компании «Локхид», говорил: «Ей-богу, я стал бы делать что угодно, пошел бы хоть водителем грузовика». Но может ли бывший инженер аэрокосмической промышленности найти место водителя? Скорее всего, нет. Проблема в том и заключается, что этим людям уже не найти для себя ничего. В некоторых отраслях дорогу им преградят профсоюзы. В других предпочтение всегда отдадут более молодым и сильным. Заведующий бюро найма в Хиксвилле, там же, на Лонг-Айленде, Джозеф Карри рад бы всей душой помочь. Но работодатели часто отказываются принимать «слишком высококвалифицированных», особенно когда им за сорок. Боятся, что надолго их не хватит.

По последним данным министерства труда, 1,2 миллиона людей умственного труда, «белых воротничков», ходят сейчас без работы в Соединенных Штатах. И трагедия в том, что немалое число таких людей, тех, кому под 50 или 60, уже не найдут работы никогда. Это потерянные люди — для себя и своих семей, так же как и для страны...

РЕПОРТАЖ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

«НЕ РАЗДРАЖАЙТЕ ГРАБИТЕЛЕЙ»

ЧЕЛОВЕК подошел к лифту и нажал кнопку. Зеленый огонек над дверью запрыгал вниз. На первом этаже дверь открылась, из него вышли двое. Один держал на пальце женскую сумочку, другой заслонил дверь своим корпусом, не давая войти новому пассажиру. Створки сомкнулись, и зеленые огоньки поскакали вверх. Двое не спеша вышли на улицу. Кабинка наконец снова опустилась, дверь раздвинулась. И человек увидел на полу мертвую женщину в крови. Он знал ее, она жила этажом выше его. Ей было 79 лет.

Полиция приехала довольно быстро. «Копы» (так называют полицейских в США) деловито осмотрели лифт, специальный фотограф сделал несколько снимков.

— Вы найдете их? Найдете?! — все спрашивал человек и не мог унять дрожь, бившую его тело.

«Копы» в ответ только пожимали плечами...

— Что они могли взять у нее? Ну доллар! Ну пять долларов! У нее не могло быть больше в сумочке. Как же это — за пять баков убить человека?!

Недавно бастовала нью-йоркская полиция. 25 тысяч «копов» не вышли на работу. Не стояли на углах, не патрулировали улицы, не оглушали воем полицейских сирен. Город был отдан на милость грабителей и убийц. Ждали варфоломеевских ночей. Но удивительное дело — число грабежей, убийств, нападений за дни полицейской стачки почти не увеличилось.

Ньюйоркцы были искренне удивлены. Некоторые объясняют странную нерасторопность преступного мира плохой погодой, другие считают — и их мнение более правдоподобно, — что преступный мир города и так трудится с полной отдачей и быть еще активнее— даже когда на улице нет полиции — просто невозможно. Эти же скептически настроенные люди полагают, что стачка полиции неожиданно показала всю ее неспособность справиться с преступностью: есть полиция, нет полиции — результаты те же самые.

...Две пули в голову старой женщине, чтобы взять сумочку с пятью долларами! Что движет убийцей? Простая жестокость? Нет, 75 процентов преступлений такого рода совершаются наркоманами.

«Запах смерти стелется по городу». Эту эффектную фразу придумал не я. Ее автор — обозреватель журнала «Ньюсуик» Стюарт Олсоп. Он бьет тревогу. Недавно с инспектором 24-го полицейского участка он посетил один из центров подпольной продажи наркотиков в доме номер 9 на 102-й улице. Инспектор по фамилии Ричард ди Рома рассказал Олсопу, что этот дом известен полиции давно. За последние девять месяцев там произведено 366 арестов, однако бизнес не затухает.

Инспектор объяснил, что на территории его участка — между рекой Гудзон и северной окраиной Центрального парка — проживают 160 тысяч человек. Все они делятся на две группы — наркоманов и тех, кто живет в постоянном страхе стать их жертвой. Когда человек впервые познает героин, он может существовать несколько недель на ежедневном «пайке» за 3 доллара. Затем привычка, превратившаяся в болезнь, требует пятидолларовой порции. А через год наркоман не может жить без героина на 40 долларов в день!

Незаконные поставки наркотиков хорошо организованы. «Пушеры» (толкачи), привыкшие к рационализации, продают их в стандартной упаковке по стандартным ценам. Для большинства наркоманов есть только один путь достать деньги, чтобы купить очередную порцию, — грабеж, убийство.

А теперь — простая арифметика. В Нью-Йорке, согласно официальным данным, по меньшей мере 100 тысяч наркоманов (официальная статистика имеет дело только с теми, кто зарегистрирован либо полицией, либо каким-нибудь медицинским учреждением). Это число в действительности, видимо, значительно больше. Но даже если умножить 40 долларов на 100 тысяч, то ежедневная «норма» грабежа в Нью-Йорке — 4 миллиона долларов, то есть полтора миллиарда долларов в год!

Согласитесь, эти цифры дают представление о волне страха, захлестывающей город. «Мы уже ничего не можем с этим поделать, — сказали Олсопу в полиции. — Ситуация не поддается контролю». В порядке «борьбы» с преступностью полиция выпускает отпечатанные типографским способом «памятки возможной жертве». Среди прочих советов там есть и такие: «Если на вас напали, не паникуйте и не сопротивляйтесь... Всегда носите при себе хоть немного денег, чтобы не вызвать раздражения у грабителя... Ходите по хорошо освещенным местам... Ходите, высоко подняв голову и не закрывая глаз, ибо, если вы выглядите как жертва, вы можете ею стать!»

Но, видимо, что-то мешает ньюйоркцам ходить по улицам своего города с высоко поднятой головой. Поэтому, возможно, число убийств и грабежей не уменьшается, а увеличивается.

Каждый житель Нью-Йорка, который может себе это позволить, обдумывает, как бы выехать из города и поселиться где-нибудь в пригороде. Но и тут полиция преуспела. Как сообщил недавно известный американский журналист Пит Хелли, большинство «копов» уже несколько лет назад переехало на постоянное жительство в пригороды. Полицейские первыми бежали из города, тонущего в волнах страха».

«Через некоторое время, — пишет Стюарт Олсоп, — если только не удастся остановить распространение этой злокачественной опухоли, город будет мертв. Он превратится в пустую раковину... В нем останутся жить только самые бедные и маленькая горстка людей достаточно богатых, чтобы изолировать себя от окружающего моря страха...».

Г. БОРОВИК,
соб. корр. АПН и «Литературной газеты»
НЬЮ-ЙОРК. (По телеграфу)

Грязный, темный подземный переход в Лос-Анджелесе, на серой известке — жирные буквы слова «любовь», тело парня-наркомана, распростертое на земле. Он, как и тысячи наркоманов, думал, что ЛСД уведет его в «царство грез», но ждет его лишь полицейский участок или койка в лечебнице для душевнобольных.

Снимок из журнала «Лайф»

ХУДОЖНИК, АНТИФАШИСТ

27 марта исполняется 100 лет со дня рождения Генриха Манна, выдающегося немецкого художника-гуманиста и антифашиста, друга Советского Союза.

В БЕРЛИНЕ, в Государственной опере, 11 марта состоялось торжественное заседание, посвященное этому юбилею. На него были приглашены советские литераторы академик М. Б. Храпченко и член-корреспондент АН СССР Б. Л. Сучков. Мы обратились к Б. Л. Сучкову с просьбой рассказать о праздновании юбилея писателя, о значении его творчества для передовой культуры современности.

— В ГДР столетие со дня рождения Генриха Манна отмечается очень широко, — сказал Б. Л. Сучков. — В частности, в Берлине состоялось торжественное собрание, на котором была зачитана речь Первого секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного совета ГДР товарища Вальтера Ульбрихта, являющегося председателем юбилейного комитета. В этой речи определено огромное значение наследия Генриха Манна для культуры и литературы ГДР, его мировое значение как писателя.

Литературное наследие Генриха Манна — одно из вершинных завоеваний художественной мысли нашего века, а его жизнь — образец служения гению искусства. Единство эстетического и общественного начал составляет пафос и особенность творчества Генриха Манна. Он сам говорил: «Высокая литература есть социальное действие». И эта энергичная формула как нельзя лучше выражает его этическое и эстетическое кредо.

Время всегда проверяет весомость и значимость творений художника. Произведения Генриха Манна, если позволительно так выразиться, были выкованы из тугоплавкого материала: пройдя через все неслыханные испытания двадцатого века, опаленные жгучим пламенем, они сохранили и посейчас свою духовную и эстетическую действенность. Это произошло потому, что творчество Генриха Манна было созвучно прогрессивным, освободительным тенденциям современной истории.

Крупнейшие его романы — «Земля обетованная», «Учитель Гнус», «Верноподданный», «Голова» — не только подвергали критике правящие классы, нравы, традиции, идеологию кайзеровской Германии. Их общественное содержание было значительно шире: Генрих Манн выступал в них как критик капиталистической системы, как художник, ищущий новые социальные и духовные ценности, выводящие его за пределы буржуазного общества. Антикапиталистическая направленность его творчества позволила ему безошибочно понять и раскрыть природу фашизма как прямого порождения империализма.

Диалектика антифашистской борьбы придала гуманизму Генриха Манна социальную действенность. Логична была дальнейшая эволюция писателя к идеям общественной свободы, социализму.

Его давний и стойкий интерес и внимание к общественному и духовному опыту Великой Октябрьской революции в России, его сближение с идеями борющегося немецкого рабочего класса, его ненависть ко всем видам и формам империалистической реакции, его органический интернационализм — все, о чем он так искренне рассказал в книге, исполненной веры в будущее немецкого народа, «Обзор эпохи», — естественно привели его в лагерь свободы и прогресса, и он связал свою судьбу с судьбой Германской Демократической Республики.

В эти дни мы не только отмечаем память великого художника-гуманиста. Мы воздаем должное демократическим традициям немецкой культуры, которую бережно и надежно хранит и развивает новая, социалистическая культура Германской Демократической Республики.

Из писем Генриха Манна

Генрих Манн оставил большое эпистолярное наследие, значительную часть которого составляет переписка с Томасом Манном. Мы печатаем с сокращениями два письма, адресованных писателем брату, из подборки, которая будет опубликована в журнале «Иностранная литература».

3 окт. 1935
НИЦЦА
(Приморские Альпы)

Дорогой Томми, на твое письмо мне очень хотелось ответить сразу, в первый же день, такое оно прекрасное. Но я как раз приехал из Парижа, и каждый день надо было писать по статье, помимо подготовительной работы для дальнейшей жизни короля Генриха IV[1]... Я осчастливлен твоей безоговорочной приязнью к этой книге, дружеским чувством к предмету и к руке, которая им занята. Это-то нам теперь и нужно — вместе с подтверждением, что за эти последние годы мы не сдали, а выросли. Взять себя в руки и утвердить себя сейчас, правда, важней, чем когда-либо.

Ты, конечно, заметил цитаты. Думаю, что решающим тут было просто чувство: в этих крайних обстоятельствах надо пустить в ход все, что играло очень большую роль в жизни, весь гуманитарный факультет, в том числе, разумеется, Фауста. От Монтеня до Гете тянется одна и та же эпоха — это теперь ясно, так как она, кажется, уже совсем померкла. И только по велению чувства я прибавил «моралите»[2], в стиле классических моралистов... Мне хотелось, чтобы один этот раз немецкий и французский перемешались. От этого я всегда ждал самого лучшего для мира. По крайней мере, одну книгу дало это мне самому.

По-твоему, это должно бы дать мне еще кое-что, к примеру — розетку[3]. Но не таковы времена и не таковы современники, и кто подозрителен власти в своей стране, становится подозрителен всякой власти[4]. Одиночка без тыла значит в нынешних условиях так мало, что я даже удивляюсь, как это еще делают исключение для тебя и в общем-то для меня. Знают, правда, что ты — особь статья, но все-таки считают тебя эмигрантом. С недавних пор я состою в правлении всемирного комитета борьбы против войны и фашизма; определил меня туда еще Барбюс — это Роллан, Ланжевен[5], много других французов, кажется, один англичанин, если нет, то я там единственный извне. Комитет достаточно силен, чтобы я смог этим путем стать французом, особенно если в будущем году к власти придет Народный фронт. Есть причины подождать. Есть и та причина, что моей дочери в Праге разрешат работать, только если у меня будет чешский паспорт.

Как ты поживаешь? Это, собственно, я все время хочу спросить тебя, вместо того чтобы говорить самому. Сообщи мне, пожалуйста, что ты поправился и готов продолжать работу. Она так важна и так прекрасна. Как это примечательно, если третий том твоего большого труда[6] все-таки выйдет в Цюрихе и Лондоне. Не задержать хода событий... Внутри страны, независимо от того, продержится ли Третья империя или рухнет, можно ждать только еще худшего — для книг и людей. В числе прочего краденого товара эта компания иногда извлекает на свет словцо «план работы». А вся их работа — это подготовка большого разбойничьего набега, и только перед самой смертью они приступят к нему. Какое разложение!

Ты в последнее время много ездил и, наверное, думать не хочешь о том, чтобы сесть в поезд. Я, впрочем, тоже не хочу об этом и думать; но если бы нам удалось повидаться, мы бы, может быть, все-таки подумали бы, не предпринять ли нам вместе большой, по-видимому, необходимой познавательной поездки в Советский Союз. Ты тоже наверняка получаешь частые приглашения. Скорее это напоминания, и уже чувствуешь себя в долгу перед большевиками. Не будь их — какая еще реальная опора была бы у левых? Больше нет никого, кто счел бы само собой разумеющимися радикальные социалистические мероприятия...

Что касается русского путешествия, то до Константинополя нужно было бы, вероятно, ехать самостоятельно. Начиная оттуда, устроители все возьмут на себя. Фейхтвангер настаивает, чтобы я в будущем мае присоединился к нему. До сих пор все ищу способа уберечься от перенапряжения. Пиши мне, будь здоров, и сердечный привет.

Г.

15 апреля 1942 года
ЛОС-АНДЖЕЛЕС

Дорогой Томми, ты очень тронул меня[7]. Отрадно сознание, что мое положение так серьезно занимает другого человека, которым можешь быть единственно ты. Стыдиться запрещает мне наша естественная близость и еще моя — скажу лучше: покорность воле божьей, чем тупая усталость. Так как обстоятельства постоянно меняются, отказываться, может быть, как раз и не время. Россия, эта страна судьбы, показывает мне, что и я не стал вдруг не нужен: они приобщают к своему великому делу и то, что сделано мной. Если они сверх того дадут мне деньги, это будет, право, больше наградой, чем платой, и зачтется в многократном размере, если учесть их собственное, донельзя напряженное существование.

Теперь прямой вопрос, сколь велика может быть сумма. До Нью-Йорка и чуть больше, надеюсь, а причины для переезда у меня те самые, которые ты называешь. Правда, из 750 долларов, как только они придут, надо вычесть много необходимых платежей, в особенности зубного врача, фигуру вдруг жизненно важную... Вся операция обойдется по самому скромному подсчету в 250 долларов — жестокий удар. Если выплачивать в рассрочку, счет поступит в банк, что увеличит стоимость и обременит меня надолго — страшное дело, как я знаю после покупки автомобиля. За самый автомобиль осталось выплатить еще 300 долларов, до этого я не имею права отдать его. После вычета обоих взносов от ожидаемых 750 осталось бы только 225, но после поездки, которая на машине обошлась бы дешевле всего, машину можно было бы продать там, и на несколько месяцев денег хватило бы.

Большего, чем несколько обеспеченных месяцев, требовать я не вправе: и все-таки жутковато от неудач, которые постигли и, значит, вероятно, еще постигнут меня в этой стране. Рад разделить твое предположение: быть на месте — это уже кое-что; только сейчас я как раз не в самом подходящем состоянии, физически и в смысле легкости на душе, чтобы выступить и заставить считаться с собой. Между тем, тут нет ничего необычного, даже с молодежью теперь такое случается. Ощутимее задерживает меня то, что передо мной лежат три незаконченные работы и что продолжение их мне придется, надеюсь, ненадолго, отложить. Если бы оказалось, что кто-нибудь готов заплатить за них, у меня бы настроение поднялось раньше. Итак, поеду и попытаю удачи.

Если же она заставит себя ждать, вскоре встанет вопрос, вправе ли я еще раз обращаться и к тебе за помощью. Это и здесь нахальство, а в Нью-Йорке будет еще большее... Сделаться самому лектором, хотя и казенным, и притом еще содержать брата — это уж переходит границы дозволенного. Постараюсь обходиться без твоего ежемесячного подспорья, после того как Литвинов[8] переведет деньги. Поблагодарю господина Литвинова, как только их получу...

Сердечно твой Г.

Перевод с немецкого и примечания С. АПТА

[1] Письмо, написанное после завершения первой части двухтомного романа о Генрихе IV.

[2] К некоторым главам романа прибавлены краткие назидательные резюме на французском языке.

[3] То есть орден Почетного легиона.

[4] После прихода Гитлера к власти Генрих Манн был лишен в Германии гражданства.

[5] Поль Ланжевен (1872 — 1946) — выдающийся французский физик, член Компартии Франции.

[6] Тетралогия «Иосиф и его братья».

[7] Имеется в виду предложенное Томасом Манном денежное пособие брату.

[8] М. М. Литвинов, тогдашний советский посол в США, передал Генриху Манну гонорар за его произведения, опубликованные в Советском Союзе.

◆ ЛЮДИ ТРУДА В КНИГАХ ПИСАТЕЛЕЙ ГДР
◆ «ДЕГЕРОИЗАЦИЯ» — БОЛЕЗНЬ БУРЖУАЗНОЙ КУЛЬТУРЫ
◆ ЖУРНАЛ «ПЛАНЕТ» В ПОИСКАХ ПРОРОКОВ

Современный буржуазный мир переживает острый кризис идей и идеалов. А отсюда, по словам Л. И. Брежнева, «моральный распад, *духовная* опустошенность, отупляющее мещанство, поощряемое специально для этой цели созданной мещанской псевдокультурой».

У этой псевдокультуры свои идеологи, которые пытаются оправдать духовную нищету капиталистического общества теориями о «кризисе цивилизации», «смерти человека» и «дегуманизации культуры», свои апологеты и лжепророки. Насколько низко пал уровень буржуазной культуры, свидетельствует хотя бы тот факт, что одним из ее идолов сегодня стал американский писатель Генри Миллер, все творчество которого представляет собой поругание человека и человеческого достоинства.

Для буржуазной литературы наших дней характерен отказ от гуманизма, от изображения активной и цельной личности, что нашло свое выражение в так называемой доктрине «дегероизации».

В отличие от жизнеутверждающей литературы социалистического мира, которая с подлинной глубиной показывает человека труда, творца истории, писатели Запада не в состоянии создать образ настоящего героя и в своих книгах рисуют, как правило, ничтожных людей, опустошенных безжалостным миром наживы.

Вернер НОЙБЕРТ,
немецкий писатель (ГДР)

ТВОРЦЫ НОВОГО МИРА

Глубокое художественное осмысление революционной роли рабочего класса стало важнейшим завоеванием литератур социалистических стран. Человек труда во всем богатстве его духовных, интеллектуальных, творческих качеств — центральная фигура лучших произведений этих литератур. Образ нашего современника, рабочий-революционер занимает видное место и в произведениях писателей ГДР. Об этом рассказывает в своей статье главный редактор журнала «Нойе дойче литературе» Вернер Нойберт.

МНОЖЕСТВО людей в Германской Демократической Республике с живым интересом следят за разносторонней подготовкой, которая ведется в Советской стране к XXIV съезду КПСС. Первый год нового советского пятилетнего плана начался под знаком творческой инициативы масс.

Зачем бы мне, литературоведу и публицисту из ГДР, напоминать об этих хорошо известных фактах?

Затем, что в них заключена величайшая и важнейшая, неиссякаемая тема литературы на многие десятилетия вперед. Глубочайшие истоки литературы наших стран — в социалистическом и коммунистическом строительстве, в творческих проблемах и конфликтах людей, в их героической борьбе за разрешение задач, поставленных нашей исторической эпохой. В центре внимания при этом — рабочий класс как главная творческая сила общественной жизни.

Наши идейные противники, драпирующиеся в тогу литературоведов, философов и социологов, утверждают, будто марксистско-ленинские партии требуют от писателей, чтобы те поставляли им «производственную пропаганду», изображая людей как своего рода «роботов». К подобным утверждениям могут прислушиваться только люди, не знакомые с социалистической литературой. Не раз мне доводилось быть свидетелем того, как, вдохновленные искренним интересом, читатели, ученые и студенты из капиталистических стран словно открывали для себя совершенно новый мир, когда им предоставлялась возможность без предубеждений ознакомиться с духовным богатством и новым реалистическим гуманизмом нашей литературы. Наш оптимизм — как в самой жизни, так и в художественном изображении этой жизни — основывается на уверенности, что рабочий класс и его марксистско-ленинская партия в состоянии разрешить любую общественную, материально-экономическую, научную, воспитательную и политическую задачу. Поэтому изображение современного рабочего класса — со всем его идейным богатством и своеобразием — на многие десятилетия вперед останется в наших социалистических странах важнейшей темой литературы.

Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала к жизни своеобразную традицию литературного воплощения рабочего класса и в немецкой литературе. Иоганнес Р. Бехер, Анна Зегерс, Вилли Бредель, Фридрих Вольф, Ганс Мархвица, Карл Грюнберг, Рудольф Брауне, Отто Готше, Александр Абуш и многие другие, в ту пору и по годам молодые революционные писатели и журналисты, возглавили после 1923 года — в период ее становления — новую, пролетарскую литературу, непосредственно связанную с борьбой Коммунистической партии Германии.

В тридцатые годы, в особенности после Брюссельской конференции КПГ в 1935 году, литература о борющемся рабочем классе пережила новый подъем, сопровождавшийся заметным ростом художественного мастерства. Самым зрелым произведением, принесшим нашей литературе мировую славу, явился замечательный роман Анны Зегерс «Седьмой крест».

В эпических произведениях Анны Зегерс наиболее четко прослеживается также переход к третьей — современной — фазе воплощения темы рабочего класса. «Решение» и «Доверие», сборник новелл «Сила слабых» убедительно продемонстрировали, что наша новая литература ведет глубокий поиск, стремясь к открытию конкретно-исторических человеческих образов и характеров.

Речь идет о диалектических взаимоотношениях извечного и переменного. Буржуазная философия и эстетика не способны решить эту проблему в применении к литературе. С одной стороны, буржуазные идеологи утверждают, будто человек вообще не меняется, его извечными свойствами объявляют эгоизм, страх перед жизнью и приверженность к старому. С другой стороны, в буржуазной литературе можно встретить определение человека как некоего неуравновешенного существа, склонного к импульсивным выходкам и к загадочным колебаниям характера и темперамента. Наша социалистическая литература и тут выступает как отражение жизненной правды в новом сообществе раскрепощенных творческих личностей. Таким писателям, как Эрик Нойч, Герман Кант, Бернгард Зеегер, Юрий Брезан, Фриц Зельбман, Гельмут Заковский, Герхард Бенгш, Вернер Бройниг, Макс Вальтер Шульц, Эрвин Штриттматтер, Бенито Вогацки, в их лучших произведениях удалось отобразить это диалектическое единство извечного и изменяющегося.

За многие десятилетия социалистическая немецкая литература накопила обширный арсенал художественных и идейных средств воплощения важнейших тем эпохи. Однако особенность искусства, как, впрочем, и самой жизни, состоит в том, что творческое начало проявляется в постоянных поисках новых решений.

На современном этапе литература ГДР напоминает богатую талантливыми людьми ударную бригаду, уже завершившую важнейшие приготовления к решающему прорыву и знающую, в каком направлении следует вести поиски, чтобы они увенчались успехом, но еще не добравшуюся до самого «золотоносного» пласта. Я не знаю, одобрят ли это образное сравнение мои товарищи и друзья, однако в нем отразились и моя уверенность в неминуемости дальнейшего подъема социалистической национальной литературы ГДР, и понимание того, насколько трудно осуществить подобный рывок. В самом деле, в настоящее время речь идет о качественно новом этапе в развитии искусства и литературы социалистического реализма. В этом и заключена, на мой взгляд, суть проблемы.

В современной литературе ГДР, создавшей образы высокообразованных, квалифицированных рабочих, выявился ряд новых черт. Среди них — возникновение новых моральных норм, продиктованных конкретно-историческими требованиями социалистического общества и марксистско-ленинской партии.

Следует сказать также о расширении кругозора рабочего человека, который отныне учится мыслить в общегосударственном и даже в мировом революционном масштабе. Для него характерно стремление не только идти в ногу с общественным, экономическим и научно-техническим прогрессом, но и быть в этом смысле пионером и передовиком. Рабочий персонаж вырастает в некое постоянно совершенствующееся гармоническое целое, в котором сочетаются духовные, художественные и научные интересы. Именно потому рабочий класс становится законным наследником всего Доброго, Истинного и Прекрасного в сфере искусства. Буржуазная пропаганда рассматривает человека всего лишь как «потребительскую единицу». Наша же литература не только не умаляет личность, но, напротив, показывает растущую способность к эстетическому наслаждению рабочих людей, их активное творческое начало.

В период широкой подготовки к XXIV съезду КПСС я позволю себе сказать сердечное спасибо нашим советским друзьям за плодотворное идеологическое и эстетическое сотрудничество в целях воплощения нашей великой общей литературной темы.

Многолиная, тематически разносторонняя литература СССР беспрерывно оказывает творческое влияние на писателей ГДР. Мы радуемся каждому новому успеху советских коллег.

Новая эпоха, в которую человечество вступило благодаря деятельности наших марксистско-ленинских партий, беспрерывно ставит перед нами новые задачи и в области культуры, литературы и искусства. Не приходится сомневаться, что XXIV съезд КПСС даст новые импульсы к дальнейшему расцвету творческой работы также и на нашем участке. И потому все наши помыслы сейчас — о новых достижениях в изображении рабочего класса и его славной, закаленной в боях марксистско-ленинской партии.

«Строитель»
Рисунок немецкой художницы Лев Грундиг.

В статье «Герои уходят из литературы» известный английский писатель Р. Ф. Делдерфилд с тревогой отмечает, что западную литературу «захватили антигерои», выступает против того «развенчания человека», которым занимаются в своих книгах многие буржуазные авторы. И хотя процесс «дегероизации» Делдерфилд не связывает с общим кризисом буржуазного общества, по сути его статья — одно из свидетельств того, что капитализм бессилен породить героев, поскольку он враждебен гуманизму и оказывает губительное воздействие на личность человека.

ГЕРОИ УХОДЯТ...

Если бы какой-нибудь дотошный исследователь провел опрос среди любителей романа в возрасте, скажем, от 40 до 80 лет и попросил их назвать наиболее приметную отличительную черту в литературе после второй мировой войны, то большинство почти наверняка назвало бы свободу в изображении сексуальной жизни во всех ее аспектах. Лесбиянки и гомосексуалисты, секс в супружеской жизни и секс для холостяков, секс на брачном ложе и секс на задворках, секс на каждый день и секс в его полуакробатическом варианте, как все это показано в произведениях некоторых американских романистов — рекордсменов в этом «жанре». И все же как человек, так или иначе связанный с литературой, осмелюсь утверждать, что большинство заблуждается. Это не самое значительное изменение в литературных нравах, а всего лишь наиболее очевидное и ставшее предметом широких обсуждений. Гораздо более существенное изменение касается основ литературы и может быть кратко выражено в вопросе, который я вынес в заглавие статьи.

Герои в том виде, как мы их некогда знали, исчезли из романов, на которые сейчас наиболее велик спрос. В одних случаях их места захватили антигерои. В других случаях — а их, вероятно, большинство — даже вовсе не герои, а некие абстракции...

Исчез не только герой, вместе с ним исчезли те ценности, которые он отстаивал... и, насколько мне известно, до сих пор еще никто не счел подобное явление заслуживающим комментариев. Мне кажется это очень странным, поскольку свершившийся у нас переворот в морали, на мой взгляд, явление гораздо более удивительное, чем превращение вымыслов научной фантастики в факты реальности.

Больше уже не к чему быть прямодушным, скромным, правдивым и мужественным, поскольку в нашей действительности неуместны эти устаревшие добродетели. Мир, как не устают нам твердить, — это злачное, грязное, ненадежное место, населенное лжецами, мошенниками, сексуальными маньяками и бездельниками, так что — этому, кажется, учит литература — плыви по течению или же приспосабливайся, как мошенник или сладкоречивый лицемер.

Воскресным утром я всегда с интересом просматриваю литературные рецензии в так называемых «толстых» газетах. Время от времени, пробегая глазами рецензии на лучшие книги недели, вы можете наткнуться на потрепанного героя, совершающего свой «путь наверх», но вы можете держать пари на что угодно, что он выбился в люди, оставив в прошлом немало позорного — насилие, несколько убийств, кровосмесительство; ко всему прочему ему еще предстоит преодолеть садистско-мазохистские наклонности, непримиримую ненависть к отцу и постоянные кошмары, будто его живым сожрали крысы...

Признаться, я теряюсь перед новейшими веяниями. Сначала меня это беспокоило, но затем в полном отчаянии я стал требовать возвращения героев старого склада, которые, несмотря на некоторые странные слабости, вроде, например, честолюбия, столь же честны и надежны, как они кажутся. Если приключаются несчастья, то они все-таки справляются с ними. Бывает, что им приходится выходить из себя, однако они не хнычут, и это, разумеется, развенчивает их как героев с точки зрения нисовременнейшей литературы. Странно, что мои книги еще находят покупателей.

Авангардисты в послевоенной литературе освоили тысячи новых художественных приемов, но забыли, как изображать человеческое достоинство, а оно, на мой взгляд, составляет плоть и кровь литературы.

Р. Ф. ДЕЛДЕРФИЛД,
английский писатель

А. ЧЕРНЫШЕВ, В. ПРОНИН

ГЕНРИ МИЛЛЕР — РАСТЛИТЕЛЬ ДУШ

ЦЕРЕМОНИЯ СНИМАНИЯ ШЛЯП

Французский ежемесячник «Планет» («Планета») периодически превращает свои номера в монографии, посвященные отдельным мыслителям и художникам Запада и Востока, которые, по мнению редакции, оказывали и продолжают оказывать в нынешний век большое идеологическое воздействие на буржуазное общество.

Один из первых выпусков был посвящен американскому писателю Генри Миллеру, чьи книги якобы столь мудры и поучительны, что призваны стать библией XX столетия. Критики «Планеты», принявшие участие в прославлении Миллера, объявляют его великим художником, открывателем новых горизонтов в искусстве, мыслителем, который учит современного человека философии «настоящей жизни». Величие Миллера, утверждает «Планета», в том, что он стоит «вне материальных отношений» в отличие от большинства французских и американских писателей, излишне озабоченных социальными и политическими вопросами. Генри Миллер, как пишет его близкий друг писатель Лоуренс Даррел, сочинил «гигантскую симфонию», содержание коей — сфера чистого духа и, между прочим, плоти. По словам другого восторженного почитателя, критика Поля Ордекэна, «когда напитаешься его книгами, чтобы восполнить недостаток кислорода, когда полюбишь этого бродягу-космополита как далекого брата, хочется принять участие в церемонии снимания шляп в его честь».

Генри Миллер вознесен «Планетой» на исключительно высокий пьедестал. Почитаешь этот журнал и, пожалуй, решишь, что в мировой литературе вообще нет писателя, более обеспокоенного судьбой современников. Глубокомысленные рассуждения о Миллере подобраны и скомпонованы таким образом, что не сразу поймешь, о чем речь. А на самом деле речь идет всего-навсего о порнографии, на ниве которой Миллер, этот — как его именует «Планета» — «представитель великой богемы», совершил все свои «открытия» и «пророчества».

ОН, ЕДИНСТВЕННЫЙ

Статья в «Планете», освещающая жизненный путь 79-летней знаменитости, называется «Бродяга». Миллер много метался по свету, переменил с десяток профессий, его родина — Бруклин в Нью-Йорке, родители — мелкие буржуа.

В 20-е годы, подобно Эрнесту Хемингуэю, Скотту Фитцджеральду, Томасу Вулфу, он поселяется в Париже. Но Париж Миллера — это Париж с изнанки. Трактаты о Генри Миллере, как и журнал «Планета», украшены фотографиями притонов низкого пошиба и портретами ночных красавиц. Генри Миллер не гнушался постыдных ремесел — сводничал, служил вышибалой, а после на протяжении всей жизни охотно, многословно рассказывал об этом в своих сочинениях. Ему присуща какая-то извращенная страсть валяться в грязи. Он исповедовался: «Когда-нибудь я напишу о себе книгу... Не стану превозносить себя, нет! Я разложу себя на операционном столе, вытряхну наружу все свои потроха...»

Тогда-то он и принял решение стать профессиональным писателем и сел за пишущую машинку. Для эгоцентриста Генри Миллера было естественным писать о себе, и только о себе. Он не утруждался поисками сюжетов, героев, художественного стиля, повествовал первыми приходившими на ум словами о собственных похождениях. Впоследствии он с гордостью сообщал, что у него абсолютно отсутствуют воображение и фантазия — их ему заменяет прочная память.

В 1931 году в небольшом парижском издательстве «Обелиск-пресс», специализировавшемся на скабрезностях, появилась книга Миллера «Тропик Рака». За нею последовали «Тропик Козерога», «Черная весна», трилогия: «Сексус» — «Плексус» (сплетение) — «Нексус» (связующее звено) и т. п.

Фактически Миллер высказал всю свою «философию» презрения к человеку и миру в своей книге «Тропик Рака». Мемуарные описания продолжаются в других сочинениях, но отнюдь не прибавляется никаких свежих мыслей. Сюжет складывается из записи почти неразличимых дней, и какой-то случайный день почему-то оказывается в книге первым или последним. Галерея женских образов увеличивается, но все это женщины, которых герой-автор в спешке, кажется, не успевает даже толком разглядеть. Ни одного глубоко постигнутого характера, ни одной реальной жизненной драмы.

Генри Миллер подавал себя как элитарного художника, провозглашал независимость своего творчества от толпы: по его мнению, массовое искусство, например кино, вообще не может стать искусством. В сборнике автобиографий «Писатели XX века» он декларировал свое безразличие к читателю: «Я бы хотел, чтобы меня читало все меньше и меньше людей». Поначалу «Тропики» и вправду читали немногие — близкие друзья и посвященные «любители». В 30—50-е годы произведения Миллера в Англии и США находились под запретом из-за их крайней непристойности. В конце 50-х годов разразился скандал в Норвегии, когда содержание и смысл сочинений Миллера были признаны порочащими достоинство человека и уголовно наказуемыми.

Но времена меняются, и теперь, когда западное общество достигло крайней степени морального распада, а порнография превратилась в «обыкновенный бизнес», Миллер добился громкой славы. В 1961 году запрет с книг Миллера в США сняли, досконально проанализированный литературоведами, он был представлен публике как единственный в своем роде поборник раскрепощения человека, бросающий вызов буржуазному конформизму.

ПАНЕЛИ «РАКА»

Эпиграф к первой книге «Тропик Рака» взят у американского философа прошлого века Ральфа Эмерсона: «Со временем роман будет вытеснен дневниками и автобиографиями. Они станут захватывающим чтением, когда человек научится выбирать из пережитого то, что он на самом деле пережил, записывать правду правдиво».

В самом деле, «Тропик Рака», как и другие опусы Миллера, по существу, романом не назовешь. Это серия зарисовок и карикатур, псевдофилософских откровений и патетических проклятий. Главный — и он же единственный — герой всего написанного — сам Генри Миллер. Героя так и зовут всегда — Генри. Генри обитает в Париже, перебивается случайными заработками, его мысли заняты исключительно поисками еды и вина, ночлега и женщин. Он составил список приятелей, у которых по очереди обедает задарма.

В компании забулдыг Генри таскается по кабакам и притонам, «соображая» на выпивку, завязывая случайные «опасные связи». При безденежье Генри и его друзья норовят подцепить какую-нибудь богатую даму, которая взяла бы их на содержание. А коли таковой нет, можно даже позировать для порнографических открыток. Бродя по улицам, герой «Тропика Рака» брюзжит на Париж, его раздражают люди, занятые трудом, город кажется ему скопищем гобсеков и растиньяков. Парижский нищий, он с ненавистью вспоминает и деловую Америку, весь мир для него «живодерня, выгребная яма, мертвый тупик, в конце которого эшафот».

Богемный бездельник воображает себя художником и замышляет написать так называемую «последнюю книгу»: в ней он покажет людям, что он сам, как и любой человек, — вместилище порока и мерзости. Его книга будет последней, поскольку после таких предельных разоблачений все окажется фальшивым, пресным, гуманистические заблуждения померкнут. Генри Миллер норовит ошеломить читателя тщательно составленными протоколами любовных утех. Все словесные табу отбрасываются, и в ход пускается заборная терминология. Подобные «правдивые» описания занимают сотни страниц. Художник Генри Миллер — никакой. Весь его «вклад» в литературу ограничен циническими откровениями и сентиментальной бульварщиной. Повествование никогда не обходится без порнографии и пошлости.

Чтобы проза не казалась уж чересчур убогой, автор приводит ее в соответствие с литературной модой, порой используя приемы сюрреалистов.

В Париже его соседом был художник-сюрреалист Сальвадор Дали, знаменитый полубезумец, полуавантюрист. Однажды Дали демонстрировал перед публикой вылепленные из хлеба часы. В хлебный мякиш он насовал термитов, термиты на глазах у изумленной толпы пожирали часы и тем самым вроде бы уничтожали время. И у Миллера, совсем в сюрреалистском духе, время тоже смертельно больно раком, его усталый мир умирает, и каждый день может стать днем последним.

«Упразднив» поток времени, живя лишь сегодняшним днем, Миллер, как и Дали, пугает читателя кошмарными видениями конца. В предчувствии фатального исхода автор «Тропика Рака» отменяет прогресс, упраздняет мораль, утверждая: «Все дозволено!» Его философия зовет назад, к пещерному человеку. Он проповедует хаос, разнузданность, жестокость. Простые человеческие радости неведомы Миллеру: его персонажи пугаются брачных уз, даже любимая женщина, став женой, мгновенно превращается во врага. В его мире не существует ни родительских, ни сыновних чувств, ни уважения, ни верности, ни благородства. Индивидуалист по призванию, Генри живет по закону джунглей, готовый жечь, убивать, насиловать — все для того, чтобы сохранить себя для себя: «Главное — это существовать, я буду жить, даже если придется стать людоедом». Он воспевает предательство, мечтает о таком предателе, который по-геростратовски предаст не только близких, народ, родину, но весь род человеческий.

СВОБОДА УБИВАТЬ

Генри Миллер дошел до каннибализма. Это не просто писатель, помешанный на порнографии, но еще и человеконенавистник. Порнография вырастает у него в определенное мировосприятие.

В его фривольных словесных картинках есть постоянный стандарт: герой-любовник мысленно сравнивает себя с отчаянным разбойником, с неутомимым охотником за скальпами, с наемным убийцей. Он испытывает наслаждение от собственной жестокости. Для него любовь — акт насилия, уязвления достоинства другого человека.

Герою и самому Генри Миллеру отвратительна мысль, что кто-то может быть ему ровней. Бродя по миру, он чувствует себя Гулливером, попавшим в страну лилипутов. Этот самозванный Гулливер странным образом напоминает ницшеанского сверхчеловека.

Многие рассуждения Генри Миллера буквально повторяют фашистскую фразеологию. Странно, что это бросающееся в глаза подобие не замечено ни одним из авторов журнала «Планета». В 1939 году, когда фашисты развязали самую кровопролитную в истории войну, герой книги Генри Миллера «Тропик Козерога» орал: «Я смотрю на людей взглядом убийцы. Если я брошу бомбу и четверть мира будет лежать в развалинах, я все равно сделаю это. Я был бы счастлив видеть, как земля разрывается на куски и взлетает на воздух. Я мог бы уничтожить всю землю. Я не принадлежу к ней... Взорвать к чертям! Убивать, убивать, убивать! Убивать всех — евреев и неевреев, молодых и старых, хороших и плохих!»

Генри Миллер склонен повторяться, и в каждой его новой книге появляется подобного рода истерический монолог, напоминающий лексикой и интонацией речи «фюрера». Такие же рассуждения находим не только в беллетристике Миллера, но и в его многочисленных статьях и интервью. Только в последний период вместо обычной бомбы в них уже фигурирует бомба атомная. Удивительно, что подобный «мыслитель» и «гуманист» отнесен редактором «Планеты» Лун Повелем к создателям проектируемой им «Антологии свободы». В данном случае речь может идти только о «свободе» дикого разъяренного зверя.

Конечно, Генри Миллер с его нигилистическими замашками, ненавистью к ближнему никак не может кооперироваться с людьми. Но, создав свои опусы, он претендует на роль некоего идола, вождя слепой толпы фанатиков, преступивших нормы человеческого общежития. В претензии на роль главного проповедника нравственного экстремизма ниспровергатель основ Генри Миллер вновь смыкается с идеологией фашизма.

«ВЕСТЬ» ПОКОЛЕНИЮ

Порнография стала повседневностью современного западного мира, у нее появились даже свои социальные проблемы. Как писал поэт, бывают случаи, что и стриптиз бастует.

Среди специалистов в этой «отрасли бизнеса» Генри Миллер занимает прочное положение, его акции растут, он, безусловно, признанный патриарх порнографии. Начиная свои импульсивные импровизации на вольные темы, этот «американец в Париже» и не мечтал о массовом кассовом успехе. Но сейчас он принят за образец, ему подражают, у него даже появляются наследники.

Некоторые западные критики и социологи объясняют причину бурного успеха Миллера не только широким сбытом его книг на «рынке порнографии», но и тем, что Миллер и его последователи в крайне резких формах выражают общую для буржуазного общества утрату иллюзий, разочарование в так называемой «американской мечте», обнажают ложность видимого благополучия. В какой-то степени мировосприятие Генри Миллера действительно отразило в извращенной, примитивной форме великую депрессию рубежа 20—30-х годов, всеобщий кризис, обнищание, обездоленность.

Наиболее ярко кризис был воплощен в символике начальных кадров знаменитого фильма «Бурные 20-е годы» (в нашем прокате он назывался «Судьба солдата в Америке»): гигантские небоскребы, выглядевшие столь прочными и надежными, рассыпались, как будто они были сделаны из песка. Видя, что все вокруг рушится — и в экономике, и в традиционных идеалах, — честные, мужественные американские писатели, такие, как Хемингуэй, Фолкнер, Томас Вулф, Колдуэлл, стали уповать на внутренние духовные ресурсы человека, на его природную сопротивляемость социальному злу. По-своему ощутил этот общественный крах и Генри Миллер, но, в отличие от писателей-гуманистов, вовсе не веря в человека, он решил как бы выйти из игры, заявив, что в жизни не больше логики, чем на бильярдном столе, попытался обособиться, стать нарочито нейтральным, уйти в секс. Там, где большие американские художники стремились защитить человека, Миллер с глумливым смехом заявлял: «А мне плевать!»

Но в последнее десятилетие, когда политический и духовный кризис капиталистического мира углубился, приняв самые уродливые формы, Миллер снова «пошел в ход», снова «попал в тон». Ведь его «творчество» и «философия» созвучны той атмосфере насилия и жестокости, которая царит в сегодняшних США. Часть западной молодежи утрачивает жизненные опоры, шарахается от непротивления к протесту, от наркотиков — к стихийным бунтам. Это внушает властям страх и беспокойство, и как одно из средств отвлечения молодых от социального протеста на рынок выбрасываются книги шумного, но мнимого бунтаря Генри Миллера и ему подобных лжепророков. Лучше провоцировать буйство сексуальное, чем допустить политический протест.

«Человек и весть, которую он несет миру» — громогласно возвещается на титульном листе журнала «Планета». Действительно, у каждого писателя свой мир и своя судьба, своя миссия и своя планета, он несет миру свою неповторимую весть.

Свою человеконенавистническую «весть» пытается навязать миру и Генри Миллер, чья роль в развращении нынешнего молодого поколения на Западе зловеща.

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗИКИ» Олег ДМИТРИЕВ

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

Местный экскурсовод ввел нас во дворик и показал на двухэтажный особняк.

— Дом в двадцатых годах подвергся значительной перестройке, но фундамент — это доказано! — заложен еще в семнадцатом веке. Предположительно, здесь некогда останавливался Мицкевич,— медленно проговорил он и добавил: — Кстати, отсюда до магазина около километра, минут восемь хорошей ходьбы.

Мы покивали головами, вышли за ворота и стали двигаться на холм по булыжной мостовой. У церкви экскурсовод продолжал:

— Данная кирха заложена в начале прошлого века, строилась на средства богатых ремесленников и окрестных латифундистов. Поздняя готика. Отсюда до магазина километр с небольшим. Прогулочным шагом — минут пятнадцать...

Мы полюбовались поздней готикой и пошли дальше. За углом открывался отличный вид на городок. В закатных лучах поблескивали черепичные крыши. У вокзала на площади стоял наш санаторный автобус.

— На соседнем холме,— потухшим голосом сказал гид,— средневековый замок остзейского барона. Оттуда до магазина, пожалуй, все полчаса...

— Простите,— сказала отдыхающая, которую все звали Зиночка,— а магазин, он тоже достопримечательность?

— В некотором роде,— туманно ответил наш чичероне.

— А какого он века?

— Открыли прошлым летом,— сказал гид и брезгливо посмотрел на собственность остзейского феодала.

— Что-нибудь потрясающее? — допытывалась Зиночка.

— Типовая стекляшка.

— Так что же вы нам все время говорите об этом магазине?

— А то, что через пятнадцать минут он закроется, и на всем побережье вы больше ничего не возьмете!

Гид с надеждой посмотрел на мужчин.

Мы заволновались.

— Послушайте,— мягко сказал Пятецкий, мой сосед по палате, — от того замка полчаса, а отсюда сколько?

— От кирхи святой Марии,— веско сказал экскурсовод,— ровно километр двести пятьдесят метров. Широким спортивным шагом 10—12 минут.

Внизу, когда мы уже порядочно запыхались, я спросил гида:

— Ну как — успеваем?

Тот оглянулся на бегу, потом, резко перейдя на легкую иноходь, обнадежил:

— Налево — дом негоцианта Свинкина. Ампир. Середина прошлого столетия. Отсюда — ровно триста метров, а у нас в запасе целых пять минут. Можно притормозить...

Но мы еще поднажали.

Со стола Евг. Сазонова

МЫСЛИ...

— В нашей лаборатории нет места лодырю! — сказали ему.

— Так я и знал, — огорчился он. И подумал: «Видимо, я опоздал: мое место уже кто-то занял».

* * *

— Ваш проект комиссия не утвердила, — сказали ему.

— Я ожидал этого, — ответил он. И подумал: «Даже такой слабый проект оказался комиссии не под силу».

* * *

— Опять ты забил гол в свои ворота! — возмущался тренер. — Ну, теперь-то я уже сделаю свои выводы!

— Правильно, — согласился футболист. И подумал: «Давно пора менять нашего вратаря».

* * *

— Объявляй мат! Чего ты ждешь! — говорили болельщики.

— Сейчас не время, — ответил он. И подумал: «Мой противник вот-вот станет моим начальником».

* * *

— Если ты сам не исправишь свои двойки, я вызову в школу отца! — пообещала учительница.

— О, только не это! — испугался ученик. И подумал: «Ему будет труднее исправить их, чем мне: ведь он забыл, как это делается».

* * *

— Если радио и телевизор у тебя не испорчены, почему ж ты их не включаешь! — спросили его.

— Я люблю тишину, — ответил он. И подумал: «Иначе я не услышу, что говорят за стеной».

Евг. САЗОНОВ

ХРОНИКА «КЛУБА ДС» Виктор АРДОВ

НАКОНЕЦ-ТО ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ!

Доселе пути их не соприкасались: «Клуб двенадцати стульев» существовал на 16-й полосе «Литературной газеты» при ближайшем участии человековеда и человеколюба Евг. Сазонова. А Московский театр миниатюр играл себе в собственном помещении в саду «Эрмитаж» (Москва, Каретный ряд, д. 3) и на гастролях. Но, как говорили в старинных романах, «они были созданы друг для друга». И вот по обоюдному желанию новая программа Театра миниатюр почерпнута из материалов 16-й полосы.

Два отделения нового спектакля удивительно разнообразны по жанрам. Оно и не

«Шестнадцатая полоса». Сцена из спектакля.

мудрено: какие только формы не принимают стихи и проза, рисунки и фотографии, эпиграммы и афоризмы на 16-й полосе!..

Миниатюры и песенки, сценки и фарсы, интермедии и монологи, танцы и групповые парады. Авторы — современные сатирики: Л. Лиходеев, Г. Горин, Г. Дробиз и, как говорят, еще ряд других товарищей.

Актеров всего двенадцать человек. И, оказывается, раздувать штаты не нужно: эти товарищи (список смотри ниже) справляются вполне.

Режиссер Михаил Рапопорт поставил новую программу, которая озаглавлена — как бы вы думали? — да, да, именно: «ШЕСТНАДЦАТАЯ ПОЛОСА». Можете сами убедиться, посмотрев на афишу. Музыку написал Александр Нестеров: на мой взгляд — неплохо написал: изобретательно, небанально, с юмором. А в музыке юмор — трудное дело...

— Что ж, — сварливо спросит зритель-пессимист или читатель-пессимист, — так уж и нет недостатков?

— Что вы, помилуйте! — снисходительно скажем мы. — Это невозможно — без недостатков. Только недостатками мы займемся, так сказать, келейно: вызовем кого надо куда надо и поставим на вид что надо.

В заключение я намерен выразить благодарность артистам Э. Арзуманяну, О. Вахмистровой, О. Глинке, А. Горизонтову, В. Долинскому, Ю. Дубровину, Т. Кирюшиной, Л. Лазареву, В. Нефедову, Т. Поляковой, Е. Супоневу и И. Сомову. А также оркестру в составе шести человек под управлением Н. Волжина.

Выражаю надежду, что творческий альянс Полосы и Театра продолжится и в будущем.

P. S. Администрация «Клуба ДС» разделяет точку зрения писателя В. Ардова и приглашает читателей на новый спектакль Московского театра миниатюр «Шестнадцатая полоса».

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Павел ХМАРА

Обращение пожарной охраны ко всем гражданам

Гудит земля,
сгорая в топках домен,
вскипает кофе,
тушится гуляш.
Твой вклад
в цивилизацию огромен,
о Прометей,
благотворитель наш!
Нам так твой дар
необходим повсюду!
Нам без огня
минуты не прожить:
хозяйки плохо
вымоют посуду,
курильщики
не смогут закурить,
в квартирах станет зябко,
как в берлогах,
застынет вдруг
технический прогресс.
Умрут автомобили
на дорогах
и самолеты шмякнутся
с небес.
Но мы сегодня
беспристрастны будем,
и мы покажем,
что ты натворил,
когда, как счастье,
неразумным людям
огонь, с небес похищенный,
дарил.
Играть с огнем
мы стали по привычке,
большой беды порой
не видя в нем...
Товарищ! Прячь
от ребятишек спички!
Не допускай небрежности
с огнем!

ФОТО-АТЕ-ЛЬЕ

По словам одного из авторов «Клуба ДС», «зима в этом году выдалась на редкость теплой». Поэтому весна пришла как-то незаметно. Ее приход был замечен администрацией лишь по росту количества писем читателей. Читатели тоньше чувствуют смену времен года. Весной просыпаются чувства, рука тянется к бумаге, и на столе администратора, отвечающего за «Фотоателье», растет гора ответов. За скупыми строчками откликов администратору удается разглядеть все, что переполняет читательские души в начале очередной весны, — набухающие почки, мартовские ветерки, солнечные улыбки.

— Как живете, караси?

— Ничего себе — в джерси! — так ответил Б. Баранов из г. Барановичи на фото в № 11. В. Рокотян (Ленинград) «Сохраняйте хладнокровие». В. Филатов (Красноярск) «Укрощение строптивой». Т. Смирнова (Мончегорск) «Синий чулок». Ее землячка С. Попова «Что-то стало холодать...»

Ленинградка О. Городецкая, чьи подписи составляют примерно половину всей почты, «Родилась в рубашке». П. Гаранин (Москва) «С рыбьего жира бесится». В. Гордин (Москва): «Бросил пить и приоделся». В. Наволочкин (Хабаровск): «А вот шапки не достали». В. Черевань (Ленинград): «...А в сметане лучше!» М. Хазанов (Терскол) и Б. Каган (дер. Очни): «Для нас, гурманы». В. Башкарев (г. Орел) «Вяжите сами». Группа актеров Кемеровского облдрамтеатра им. А. Луначарского «Увольнение на берег».

Весна... Администраторы приветствуют читателей и поздравляют их с ее приходом.

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

ЯЗЫКОМ ПЛАКАТА

К съезду партии идем победным шагом,
Славим легендарный путь страны.
От тачанки под багряным стягом
И до штурма лунной целины.

Плакат Н. Лисогорского, стихи И. Лашкова. 1971 год

И хочется и колется...
Плакат М. Черемных
1930 год

Плакат В. Дени и Н. Долгорукова. 1933 год

Плакат Бор. Ефимова 1946 год

ГОСТИНЫЙ ДВОР

Недавно администрация «Клуба ДС» представила своим читателям сатирический отдел «Пятница» белорусской газеты «Знамя юности». Может быть, другие газеты чураются такого популярного жанра литературы, как сатира и тем более юмор? Нет, это не так.

А как на самом деле?

А на самом деле сатиру и юмор печатают все. Печатают столько, сколько нужно для преодоления недостатков, кое-где встречающихся в нашей жизни.

Администрация «Клуба ДС» с удовольствием показывает, как много и разнообразно работают сатирики.

Сегодня у нас в гостях — сатирические отделы газет.

Милости просим, уважаемые коллеги!

Премия — это здорово. В этом слове что-то от романтики.

Мастер сказал:

— Щукин, я выписал тебе премию, 15 рублей.

Я заулыбался. Пятнадцать рублей, внеплановых и моей жене как бы неподотчетных! Смогу купить новые покрышки для мотоцикла.

— Ты что, Щукин, заснул? Премия, говорю, тебе из фонда мастера. Касса работает до пяти.

— Спасибо, Иван Макарыч.

Премия! Это значит, что я совершил хоть маленький, а все же трудовой подвиг. За что отмечен данной наградой и...

— Постой, Щукин, ты куда? Я говорю, получишь деньги, оставишь себе два рубля на подоходный налог, а остальные...

Я подумал: два рубля мне, а остальные? Но зазвонил телефон, Иван Макарыч схватил трубку и стал толковать кому-то о материалах, которых нет, о запчастях, которых не предвидится, и о сроках, которые срываются. А я стоял и думал: неужели мастер хочет разделить со мной мою премию? Я всегда считал его бескорыстным человеком! Или он...

Мастер положил трубку.

— Так вот, оставишь себе два рубля, а потом пойдешь в магазин...

Тут опять зазвонил телефон.

«...Или он хочет организовать выпивку за мой счет? А я его считал почти непьющим! Но тогда зачем в магазин?»

— Я говорю, зайдешь в магазин и купишь ножниц кровельных три штуки, гаечных ключей 10 × 12 штук пять да хорошо бы еще сверла на 12 или на 14 миллиметров, если они есть. А если их нет, тогда напильников плоских, сколько денег хватит.

«Вот так штука! — подумал я. — Покрышки к мотоциклу мне надо, а зачем мне ключ 10 × 12? Жене, что ли, подарить? Или подарить теще напильник? Так она сама не хуже... И какая мне радость от сверла на 12 миллиметров?»

Я спросил:

— А зачем, Иван Макарыч?

— Как зачем? На участке работать нечем. В позапрошлом месяце, когда у нас был фонд, я премировал Кусачкина, и он где-то купил полотна для ножовок. Я ведь тебе давал полотно?

— Я думал, они из инструментальной.

— Чудак! В нашей инструментальной путных кусачек не найдешь. А работать надо? Да, вот еще: если будут складные метры, купи парочку. Ты все понял?

— Ага, все понял.

Премия! Справедливо сказал кто-то, что премия способствует повышению производительности труда. Иначе — чем бы мы работали при нашем-то снабжении?

(«Тагильский рабочий», НИЖНИЙ ТАГИЛ)

ТИР «КЛУБА ДС»

В. ПЕЧЕНКИН

УРАЗУМЕЛ

ОТ АДМИНИСТРАЦИИ «КЛУБА «ДС»

Читая рассказ В. Печенкина «Уразумел», администрация ощутила странное чувство — что-то очень уж знакомое прозвучало в этом рассказе. Администрация стала припоминать — и припомнила. Через некоторое время после публикации рассказа В. Печенкина в газете «Южный Урал» (Оренбург) была напечатана юмореска И. Горлача «Премия». И она, эта юмореска, ну ни капельки не отличается от рассказа В. Печенкина.

Так И. Горлач посрамил пессимистов и маловеров, которые сомневаются в существовании телепатии. За сотни километров перципиент И. Горлач принял от индуктора В. Печенкина полный текст его произведения. Этот опыт интересен еще и тем, что передача растянулась на четыре месяца, но не утратила своих качеств.

Как много загадок науки позволяет решить сатира!

почтовый ящик

бумеранг

РИГА-11. В. З.

«...Только фамилию не указывайте мою. Можно инициалы указать или псевдоним «Рижанин», а то мне несдобровать».

— *Указываем только инициалы, без стихов. А то несдобровать нам...*

РИГА-18. В. С-ву

«Посылаю вам маленький рассказ, схваченный в жизни...»

— *Положите его, пожалуйста, на место.*

РИГА-50. Т. Я-вой

«Может быть, найдется кто из корреспондентов, использует мои неважные стихи».

— *Простите, но у нас все очень заняты...*

РИГА-11. Б. В-му

«...Я люблю ее, но не
янтарнокосую —
Разрумяненную в яркие
тона,
А как девушку с
комбайна, —
синеблузую,
В грубых замазюканных
штанах».

— *Ну что вам стоило написать: «В аккуратных чистеньких...»? Будьте же джентльменом!*

(«Советская молодежь», РИГА)

ФРАЗЫ

● *Детство есть детство в любом возрасте.*

Из постоянного сатирического отдела МУ («Молодой учитель») газеты «Молодой учитель» Челябинского государственного педагогического института

● *Увидел чужое отражение в кривом зеркале. Ох и насмеялся же!*

А. ЧИЛУИ

Из постоянного сатирического отдела «Полундра» газеты «Знамя коммунизма» (ОДЕССА)

● *Директор не играл в театре никакой роли.*

● *Цитируют все, но не все ставят кавычки.*

Б. СЕРГЕЕВ

Из постоянного сатирического отдела «Насреддин смеется» газеты «Правда Востока» (ТАШКЕНТ)

● *Об уволенной машинистке: достукалась...*

В. МЯСНИКОВ

(«Уральский рабочий», СВЕРДЛОВСК)

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● ПОКУПАТЕЛЬ ДОВОЛЕН

Биохимик Бабушин вернул в магазин термометр, который завышает показания на четыре градуса. Взамен ему выдали другой, сохраняющий постоянство показаний при любой температуре.

Из постоянного сатирического отдела УВЧ («Уголок веселого читателя») газеты «Черноморская здравница» (СОЧИ)

● В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Из местного зоопарка сбежал орангутанг. Побега никто не заметил, так как догадливая обезьяна, переодевшись служителем, до вечера пролежала под забором.

Из постоянного сатирического отдела «Общежитие чудаков» газеты «Комсомолец Кубани» (КРАСНОДАР)

● МАЛЕНЬКИЕ ХИТРОСТИ

Если турнирную таблицу перевернуть вверх ногами, то команда «Гудок» переместится на первое место.

Из постоянного сатирического отдела «Тяни-толкай» газеты «Молодой коммунар» (ВОРОНЕЖ)

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Окно в ВУЗ

Чудною
Мускулатурой
Играя,
Ехал атлет
На площадке трамвая.
«Первый разряд»
На груди у него,
Больше не знает
Он ничего.
Мчался трамвай,
Поворачивал юзом
Рядом с каким-то
Техническим вузом.
Смотрит народ —
Из окна института
Пламя и дым
Вырываются круто.
Там на экзаменах
В эти моменты,
Видно, «горели»
Абитуриенты.
Ловкость
В движеньях своих
Проявляя,
Прыгнул атлет
На ходу из трамвая.
Бросился к зданию
Что было сил
И...
Без экзаменов
В вуз
Поступил.

М. АНИСИМОВ
(«Уральский рабочий», СВЕРДЛОВСК)

ЧУДАКИ

Рис. А. ПРОЗОРОВА («Молодая гвардия», КУРСК)

— *А сейчас выступит маг-иллюзионист...*

Рис. П. ДРУЖЕНКОВА («Советский музыкант», Московская государственная консерватория)

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63.

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—00021 Типография «Литературной газеты» Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 190. ИНДЕКС 50067